

Комитет по образованию Санкт-Петербурга
Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение
Центр образования «Санкт-Петербургский городской Дворец
творчества юных»

**В год 75-летия Санкт-Петербургского
городского Дворца творчества юных**

НАСЛЕДНИКИ ВЕЛИКОГО ГОРОДА

Фрагменты докладов учащихся Санкт-Петербурга на
I региональной краеведческой олимпиаде (9-11 классы)
2012 года

ВЫПУСК 21

Санкт-Петербург
2013

Серия основана в 1991 году

Автор-составитель И. Г. Васильева

Под общей редакцией

Э. И. Архиповой

С. Д. Мангутовой

Т. Г. Смирновой

К. А. Страхова

Автор предисловия —

М. М. Бобров, профессор гуманитарного университета
профсоюзов, ветеран Великой Отечественной войны, член
Попечительского совета Городского Дворца творчества юных,
Почетный гражданин Санкт-Петербурга

Компьютерная верстка — И. В. Петров

Наследники великого города: фрагменты докладов учащихся
Санкт-Петербурга на I региональной олимпиаде по краеведению
(9–11 классы) 2012 года. Вып. 21 — СПб.: ГДТЮ; 2012–2013. —
204 с.

- © ГБОУ ЦО «Санкт-Петербургский городской Дворец
творчества юных», 2013
- © Авторы публикаций, 2012
- © Валентин Лебедев, обложка, 1996

Содержание

М.М. Бобров. Остров счастливого детства.....5

От составителей. Хранитель ангела7

ПО ПЕТЕРБУРГСКИМ АДРЕСАМ

Гедрис Елизавета.

История дома № 12 на Свердловской набережной.....9

Гезалова Амалия.

Усадьба Александра Борисовича Куракина
на Петергофской дороге.....16

Гусева Александра.

Воскресенская, Тихвинская, улица Михайлова —
в истории Петербурга26

Шиловская Ксения.

Инженер-архитектор А. Г. Джорогов – творчество и судьба
на фоне исторических событий первой трети XX века36

МНОГОЛИКИЙ ПЕТЕРБУРГ

Афонина Анна.

Общественный дом военного министра Д. А. Милютина45

Воробьева Александра.

«Живем мы памятью Лицея»..... 55

Егорова Дарья.

Из «биографии» почтовой карточки 1943 года62

Ильин Федор.

Адреса жизни и деятельности
лейб-медика Е. С. Боткина в Санкт-Петербурге
и Ленинградской области.....68

Столбова Екатерина.

От Франсуа (Франца) к Арману.
История консервной династии Азиберов.....78

Фашевская Екатерина.

Органы и органисты Петербурга XIX – начала XX века.....88

Шашкова Анастасия.

«Лицейскими были и будем!..»
В. А. Шильдер – последний директор Лицея.....92

ПЕТЕРБУРГСКАЯ БИОГРАФИКА

- Казакова Ольга.**
«Блажен, кто предков с чистым сердцем чтит...»99
- Остромецкая Вера.**
Из прошлых веков
в будущие растут ветви. Семья Гень..... 107
- Сербина Александра.**
«Жизнь Родине, честь никому» 119

ЛЕНИНГРАД. ВОЙНА. БЛОКАДА

- Гайнетдинова Гульшат.**
Роль татарского и башкирского народов
в обороне Ленинграда..... 126
- Паршина Любовь.**
Твоему подвигу, Колпино! 136

ОБРАЗОВАНИЕ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

- Изотова Анеля.**
«Счастлив дом,
где голос скрипки наставляет нас на путь...» 143
- Кондратьев Михаил.**
История бесплатной музыкальной школы
и ее петербургские адреса..... 151
- Пузатых Варвара.**
Сенатор и общественный деятель
Михаил Евграфович Ковалевский 159

ИМЯ В ИСТОРИИ ГОРОДА

- Донковский Артем.**
С Франсиско Миранда по России и Петербургу 163
- Новиков Кирилл.**
Адмирал Пантелеев. Становление 175
- Шувалова Анастасия.**
«Икар из Царского Села» 183

ПРИЛОЖЕНИЕ

- Программа I Региональной олимпиады по краеведению
школьников Санкт-Петербурга 2012 г..... 197

Остров счастливого детства

О СТРОВОМ СЧАСТЛИВОГО ДЕТСТВА называю я и все те, кто соприкоснулся с этим удивительным чудом – Дворец детей на Фонтанке, Дворец счастливых творцов будущего, наследников нашего Великого города. Нашему Дворцу 75, а он юн, здесь творчество – повседневная норма поведения, здесь учат думать, принимать решения, действовать самостоятельно, где 75 лет живет девиз педагогов: принять-разглядеть-взрастить. Я имею право сказать об этом как участник этого удивительного действия – жизнь Дворца. Моя дружба с Дворцом творчества юных началась еще в довоенные годы, когда мы, школьники Петроградской стороны, часто бывали гостями на различных дворцовских праздниках, конкурсах. Сегодня я член Попечительского совета Дворца, часто бываю здесь, можно сказать, живу его жизнью. И у меня сложилось свое личное видение и восприятие дворцовой среды, как чего-то нового, соответствующего современным жизненным веяниям 21-го века, и в то же время, не порывающего связи с ушедшим в прошлое. Миссия Дворца всегда была не только в том, чтобы работать с его постоянными кружковцами, пришедшими надолго, но и с теми, кто приходит на различные мероприятия, участвует в конкурсах, творческих проектах. Таким многолетним проектом стали городские историко-краеведческие чтения, а теперь это – региональная олимпиада по краеведению школьников Санкт-Петербурга. Как долгие были пути к получению этого статуса, хотя все предыдущие годы уровень краеведческих чтений был, бесспорно, олимпиадный. Я был у истоков зарождения этой традиции, работал в составе жюри, всегда с интересом знакомлюсь с каждым новым сборником творческих работ «Наследники великого города». В моей домашней библиотеке целая полка занята сборниками исследовательских работ петербургских подростков. Педагоги Дворца сумели вовлечь в процесс познания города за прошедшие годы огромное количество школьников. И этот удивительный форум проводится уже много лет, итогом чего становится издание фрагментов докладов юных краеведов – исследователей. Жаль, что лишь фрагментов. Такие работы, как работа Егоровой Дарьи из 106 школы Приморского района, следовало бы печатать полностью. Девушка сумела воссоздать «биографию» такого скромного и очень значимого документа, как почтовая карточка 1943 года. А о том, как колпинцы добивались присвоения своему городу звания «Город воинской

славы» рассказала Паршина Любовь, учащаяся 467 школы Колпинского района. О вкладе татарского и башкирского народов в оборону Ленинграда подробно пишет Гайнетдинова Гульшат, учащаяся школы 571, привлекая и анализируя серьезные источники. Об источниках. Советую читателям обратить особое внимание на их отбор, разноплановость, умение юных с ними работать и правильно оформить самостоятельную работу, что позволяет говорить о профессиональном подходе.

Нет тем, которых не касались бы пытливые краеведы. Наш город многолик и многогранен. По петербургским адресам мы пройдем вместе с Гедрис Елизаветой, Гезаловой Амалией, Гусевой Александрой, Шиловой Ксенией. Замечательной традицией юных стало исследование, поиск своих корней. В раздел «петербургская биографика» вошли работы Казаковой Ольги, Остромецкой Веры и Сербиной Александры. Вызывает уважение работа десятиклассницы 529 школы Изотовой Анели, которая заинтересовалась информацией о музыкальной жизни в Петергофе и пребывании здесь в конце 19-го века в летний период придворной певческой капеллы. Девушка пригласила читателей в путешествие по петергофским адресам капеллы, познакомила с жизнью капелланов в Английском дворце, их замечательными наставниками.

Словом, советую читать этот выпуск. Сборник, на мой взгляд, интересен не только специалистам, школьникам, педагогам, но и читателю, который хочет побольше узнать о городе, в котором живет. А наш город удивительный! Он и мудрый наставник-педагог, и добрый друг, который всегда поддержит, а в трудную минуту даст необходимый совет. Петербург говорит с каждым, кто выходит на его улицы. Узнавайте его, любите и берегите, как сберегли его мы в суровые блокадные годы.

М. М. Бобров

Хранитель ангела

Сборник открывает вступительная статья нашего большого друга Михаила Михайловича Боброва. Все двадцать с лишним лет Михаил Михайлович является участником краеведческих проектов, инициированных Дворцом творчества, но его дружба с Дворцом началась значительно раньше. Почетный гражданин города, получивший это звание в числе первых, профессор гуманитарного университета профсоюзов – без преувеличения человек-легенда, прославленный спортсмен-альпинист, многоборец, герой-фронтовик, педагог, ставший настоящим символом города.

В 17 лет Михаил Бобров добровольцем ушел на фронт. Воевал в специальном разведывательно-диверсионном отряде. Зимой 1941–1942 года он участвует в маскировке высотных золотых доминант Ленинграда (Исаакиевского, Петропавловского, Никольского соборов, Адмиралтейства, Инженерного замка). Работа проходила в очень сложных условиях-под обстрелом противника, при 40-градусном морозе, на высоте 120 метров. В результате маскировки вражеская артиллерия была лишена ориентиров, что позволило сохранить от разрушения архитектурные памятники, спасти жизни тысяч людей. М.М. Бобров получил имя «хранитель ангела». И после войны, и в период реставрации ангела на шпиле Петропавловки, М.М. Бобров давал ценные советы при снятии и установке нашего символа.

В 1942–1943 годах в составе горнострелкового отряда М.М. Бобров сражался на центральных перевалах Главного Кавказского хребта против фашистской горнострелковой дивизии «Эдельвейс». Широкую известность получил эпизод, когда команда военных альпинистов, безопасность которой обеспечивала группа с участием М.М. Боброва, сбросила с Эльбруса фашистский флаг и водрузила советский. В те же годы Бобров преподавал в прифронтовой школе военного альпинизма и горнолыжного дела. В 1944 году выполнял особое задание в высокогорных районах Ирана.

Михаил Михайлович выдающийся спортсмен, тренер, педагог. Он стоял у истоков современного многоборья в Советском Союзе, основоположник этого увлекательного, мужественного прикладного вида спорта в нашем городе. Сегодня он президент Федерации современного пятиборья в Санкт-Петербурге. Им лично подготовлено более 50 мастеров спорта, чемпионов мира, олимпийских игр. И в настоящее время он продолжает работу на

кафедре физического воспитания Гуманитарного университета профсоюзов. Он автор более 160 научных работ, книг, где рассказал о тех, с кем прошел трудный и интересный путь в сложные военные годы, в спорте.

Этот уникальный человек доказал себе и всему миру, что возраст не помеха новым рекордам. Действительный член Географического общества, Академии туризма, Михаил Михайлович в преддверии 300-летия города возглавил акцию по водружению флага Санкт-Петербурга на Северном, Южном полюсах и на высочайших вершинах всех континентов. М.М. Бобров был занесен в Книгу рекордов Гиннеса, как старейший на планете участник полярной экспедиции на Северный полюс, а в год зимней олимпиады пронес факел олимпийских игр по улицам родного города.

В год своего 85-летия Михаил Михайлович совершил роллер-пробег, возглавив в дни города колонну роллеров. Пробеги роллеров в честь Почетного гражданина города М.М. Боброва стали традиционными, а 22 июня 2013 года в крепости Орешек состоялась Вахта памяти «Они сражались за Родину», посвященная М.М. Боброву.

Михаилу Михайловичу Боброву, хранителю ангела, ленинградцу, петербуржцу-90!

Мы сердечно поздравляем его, счастливы, гордимся, что мы в одном строю с этим потрясающим человеком, нашим большим другом, гражданином Великого города!

Составители

ПО ПЕТЕРБУРГСКИМ АДРЕСАМ

Гедрис Елизавета

9 класс, Брюсовская гимназия № 192

Калининский район

История дома № 12 на Свердловской набережной

КАК-ТО РАЗ, проплывая на прогулочном катере по Неве, я заметила на Свердловской набережной, за кустами и деревьями старый деревянный особняк. Вычурность, неожиданность элементов в виде крутых террас и башенок, разнообразие ритмов оконных проемов и, наконец, материал постройки — дерево! Крайне немногочисленный и исчезающий деревянный петербургский модерн!

Заинтересовавшись необычной деревянной постройкой, я решила побольше узнать об истории этого здания, находящегося по адресу: Свердловская набережная, дом № 12. Возможно, мои исследования помогут обратить внимание общественности на это здание, которое в настоящий момент находится в ужасном состоянии, и сохранить этот, несомненно, значимый для нашего города архитектурно-исторический объект. Достоверно установлено, что здание было построено раньше 1849 г., т.к. на плане города 1849 года (составитель Н. Цылов) данное здание уже имеется, следовательно, было построено раньше. К первому, официальному владельцу участка и дома В. А. Кокореву, я вернусь позднее, а сейчас мне бы хотелось осветить более раннюю историю данного участка. Согласно шведской карте 1698 года (автор карты: генерал, барон Абрагам Крониорт, живший тогда в городе Ниен (Ниеншанц)), на месте этого участка была шведская усадьба с садом коменданта крепости Ниеншанц. Сказать точно, что дом № 12 располагался на месте этой усадьбы, я не могу, но то, что этот участок земли был «обитаем» еще в допетровские времена шведская карта подтверждает. На карте Петербурга 1737 года на месте шведской мызы обозначен «Казенный сад Ея величества», в котором отмечено здание, находящееся, судя по масштабу, на том же месте, где на плане 1698 года расположен дом неизвестного шведского офицера. Существует легенда о том, что здесь находился уютный

охотничий домик, построенный для Екатерины II самим Анто-нио Ринальди для тайных встреч императрицы с ее фаворитом Григорием Потемкиным. «Особняк, построенный в царствование Императрицы Екатерины II, расположен среди красиво раскину-того парка, на берегу Невы, почти напротив Смольного монастыря и его затейливой колокольни». В середине XVIII века на этом месте находился древесный питомник, пожалованный в 1773 году Екатериной II сенатору Г. Н. Теплову.

С 1782 года участок на берегу Невы принадлежал канцлеру Александру Андреевичу Безбородко. С тех пор он известен как дача Безбородко. После смерти Безбородко здесь жила его пле-мянница, княгиня К. И. Лобанова-Ростовская, воспитывавшая сына своей сестры – А. Г. Кушелева, который с 1816 года имено-вался графом Кушелевым-Безбородко. С этого времени усадьба приобрела известное ныне название – дача Кушелева-Безбородко. В 1855–1870 годах усадьбой владел литератор и меценат граф Г. А. Кушелев-Безбородко. Во второй половине XIX века огром-ный окружающий дачу Кушелева-Безбородко парк постепенно сокращался из-за строительства на его территории различных промышленных предприятий. Дачная местность превратилась в фабричную петербургскую окраину.

Достоверно известно, что в 1857 году дом покупает механик Федор Гош и строит на окружающей его территории мастерские по производству медных труб. Подтверждением этого является историческая справка из архива Ленинградской области. Из доку-мента видно, что Федор Гош приобрел участок у коммерции совет-ника Василия Александрова Кокарева (в СМИ представлен под фамилией Кокорев). Однако в документе нет информации об архи-тектурных объектах на участке, так что доказательством наличия дома на участке при продаже его Ф. Гошу является план (1849 г.). Предположение, что дом на участке построил В. Кокарев, вряд ли возможно, т.к. во-первых, у него был собственный особняк в Царском Селе, Московская ул., дом 53. А во-вторых, В. А. Кокорев был предпринимателем и меценатом, вел активную промышлен-ную деятельность и вряд ли нуждался в подобной архитектурной постройке.

Из этого можно сделать вывод, что легенда об охотничьем домике может иметь под собой действительные исторические факты. Из исторической справки известно, что Ф. Гош 3 августа 1857 года подал прошение в Правление 1-го округа путей сообще-ния с просьбой о строительстве на купленном участке «завода для

изготовления железных и медных непаяных труб», строительство (из документа) было разрешено. «После смерти Гоша в 1863 году предприятие переходит в руки его земляка, рижского купца Карла Розенкранца, а затем в 1872 г. к брату последнего – Эдуарду. В мае 1881 г. новые владельцы создают «Общество Меднопрокатного и Трубного завода, бывшего Розенкранца». Директором завода был назначен Иван Шарлье, а его брат Рене – председателем правления. Предприятие постоянно расширялось, проводилась скупка прилегающих к заводу территорий. На вновь приобретенных землях строились новые корпуса, в строительстве и реконструкции некоторых из них принимали участие Л. Н. Бенуа и Чижев. Подтверждение информации о перестройке имеется в «Юбилейном сборнике сведений о деятельности бывших воспитанников института Гражданских Инженеров». На архитектурном плане завода «Розенкранц», датированном 1896 г., изображены участок и дом. «В период управления заводом Иваном Шарлье в доме располагался его особняк. Дом г. Шарлье на Полостровской набережной – один из наиболее благоустроенных маленьких особняков города. Это не музей и не складочное место разного рода “bric a brac”, это жилое помещение, полное домашнего уюта, в рамке из редких и красивых вещей, облагораживающих повседневную жизнь, но не убивающих её своим великолепием. Дом состоит из двух этажей. В первом расположены: гостиная, будуар, рабочий кабинет, курительная комната, зимний сад и большая куполообразная столовая, чрезвычайно гармоничная по размерам и убранству. Благодаря Ивану Шарлье завод дважды завоевывал призы на российских промышленных выставках 1882 и 1896 годов и получил право ставить на выпускаемой продукции свое клеймо. Именно Шарлье организовал при заводе первую бесплатную школу для детей рабочих.

Иван Шарлье возглавлял компанию вплоть до 1917 года. Потеряв во время революции все свое имущество, он, тем не менее, остается в России еще на пять лет, чтобы помочь своим соотечественникам покинуть страну, где началась гражданская война. Из Петербурга Шарлье отправился в Маньчжурию и Японию, откуда он в качестве генерального консула Бельгии во Владивостоке посылал доклады в бельгийское Министерство иностранных дел. Он купил золотоносный участок, нанял инженера и персонал для его разработки, после чего отправился в Бельгию. Когда в 1925 году Иван Шарлье узнал о землетрясении, которое уничтожило его участок, то уехал в Париж, где и скончался 18 июля 1933 года в возрасте 75 лет. Похоронен

ПО ПЕТЕРБУРГСКИМ АДРЕСАМ

он в семейном склепе в Льеже (Бельгия). Его супруга Зоя (Зое) проживала после его смерти в Париже в большой квартире рядом с Булонским лесом, скончалась в возрасте 85 лет. Ее похоронили рядом с мужем. Иван Шарлье и Зоя дружили с 15 лет. Когда они обручились в Льеже, Иван должен был ехать на службу в Россию, но родители Зои не хотели отпускать дочь в эту далекую страну. Тогда жених пошел на хитрость. Он сказал родителям невесты, что хочет познакомить ее со своими родителями, которые уже давно жили в Петербурге. Молодые уехали в город на Неве, чтобы остаться там на долгие годы. В Петербурге у них рождаются сыновья: Август и Адольф. Август Шарлье (1881–1971) окончил Санкт-Петербургский Технологический Институт и 29 мая 1904 года был удостоен звания инженер-технолог. Он также работал на заводе «б. Розенкранца» до 1918 года.

«Декретом ВСНХ от 30 сентября 1918 года завод был национализирован». С 7 ноября 1922 года завод стал именоваться «Петроградский (с 1924 года Ленинградский) государственный медеперерабатывающий завод “Красный Выборжец”».

Исследуя историю дома, я встретилась с бывшим директором «Музея завода Красный Выборжец» Светланой Жуковой. Вот что она рассказывает относительно судьбы дома после 1917 г.: «После революции, дом № 12 отошел жилищному фонду как жилое помещение», далее Светлана Анатольевна добавляет: «из беседы с очевидцем, ветераном завода, я узнала, что комсомольские рабочие решили организовать на заводе свой клуб. Тогда руководитель клуба В. Н. Гензелев обратился с просьбой к ответственному лицу о выделении дома № 12 под клуб. Сначала чиновник не хотел давать разрешение, но в процессе беседы выяснилось, что он служил вместе с отцом работника в армии. В итоге чиновник разрешил забрать здание, с просьбой отдать ему зеркало и кровать. Это поначалу показалось Светлане Анатольевне смешным, но, узнав побольше об интерьерах дома, она поняла, что подарок был весьма значительным. С тех пор здание являлось заводским клубом. После постройки на территории завода нового здания для клуба, старое стало именоваться «Малым клубом». Здесь показывали первое кино, работал «Электро-театр». Спектакли ставились самодеятельными актёрами под руководством К. П. Соболевского. Часть комнат была переоборудована под спортивный зал. К сожалению, в процессе реконструкции была утрачена старинная люстра.

«В 1966 г. – рассказывает Светлана Жукова, – в здании был открыт музей. Он располагался на первом этаже по соседству с заводской библиотекой, которую начали собирать еще в 1920-е годы». В 1976 г. Светлана Анатольевна начала работать в музее в качестве директора и хранителя фондов музея. К сожалению, из убранства дома семьи Шарлье почти ничего не сохранилось. Она рассказывает, как в заводской сауне удалось обнаружить старинный диван из интерьеров дома. Он был в ужасном состоянии. Его экспертизой занимались сотрудники Эрмитажа.

В 2001 году в особняк на набережной зашел художник Алексей Кириллов-Сатин. По просьбе сына, который жил во Франции, он искал дом, в котором до революции 1917 года проживала семья деда его французского знакомого. К счастью Алексей попал в заводской музей, где встретился с хранителем фондов С. А. Жуковой, которая давно пыталась разыскать потомков Ивана Шарлье. Но искала она их в Бельгии, а они, как выяснилось, живут во Франции. Французским знакомым оказался внук Ивана Шарлье – Жак Шарлье. Узнав, что дом уцелел и в музее даже имеются материалы о его знаменитом предке, Жак с супругой прибыли в Петербург. Алексей обратился в Общественную приемную Комитета по подготовке и проведению праздника в честь 300-летия города с просьбой оказать содействие в приеме гостей. 17 сентября 2001 года состоялся визит потомков Ивана Шарлье – Жака Шарлье и его супруги Пьеретт. При встрече Жак Шарлье поделился своими детскими воспоминаниями о дедушке и бабушке:

«...Я помню, как мой отец приводил нас с моим старшим братом навестить его (мне было тогда 6 лет). Дедушка просил, чтобы смотрели на него, когда он с нами разговаривал, но мы не могли отвести глаз от блестящего серебряного петуха, птицы, которую он так любил...». «Отец Жака Шарлье, Адольф, родился в Петербурге в сентябре 1888 года. Здесь он окончил протестантскую школу, потом учился в Германии на инженера. В 1926 году поехал работать в Бухарест во франко-бельгийскую компанию по эксплуатации газовых скважин и там женился на Норе – дочери своего сослуживца-соотечественника Альберта Тонгле. Там же в Румынии у них родились два сына – Рене и Жак. В Париж семья переехала уже в 1930 году. Рене – старший брат Жака – сейчас живет в Южной Африке, ему 83 года». Сам Жак Шарлье, получив юридическое образование в Париже, женился на парижанке Пьеретт Жержаге, потом четыре года прослужил офицером в

бельгийской армии. Вернувшись в Париж, он занимался коммерцией. В настоящее время Жак с супругой проживают в местечке Вилье-ан-Сюиз. Они сами обустроили свой дом, который раньше принадлежал его деду. Жак приспособил бывшую кузницу под мастерскую, а Пьеретт, которая вместе с матерью когда-то содержала магазин модной одежды в Париже, оформила интерьер дома. Второй их сын, Кирилл, живет в Савоие. Внук Жака, 12-летний Артур, такой же задорный, как его прадедушка. Супруги Шарлье интересуются средневековьем, состоят членами Клуба Вольтера.

Супруги Шарлье были тронуты вниманием, которое им оказали сотрудники музея и дирекция завода. Они и не подозревали, что музей доживает последние дни, поскольку сам завод уже находился в плачевном состоянии и не мог содержать музей, где были представлены не только интерьеры дома бельгийского консула, но и достижения отечественного производства, начиная с середины XIX века. Визит супругов Шарлье освещался петербургскими СМИ, в программе «Служба исторических новостей» был показан телефильм, который в свою очередь послужил поводом для создания нового сюжета телепрограммы «Жди меня», показанного уже в 2007 году.

Когда в 2002 году по приглашению Жака Шарлье Светлана Анатольевна посетила его дом во Франции, он подарил музею некоторые материалы из своего архива: гравюру из двух частей работы М. В. Добужинского, изображающую панораму Невы со зданиями Адмиралтейства и Зимнего дворца, конной статуей Петра Великого. Были переданы также два тома произведений А. П. Чехова, изданные в Берлине в 1920 году, словари (русско-французский и французско-русский) издания 1841 и 1896 годов. Кроме того, для музея предназначалась также и акварель кисти Р. Лелонга «Бал у княгини Клейнмихель». На ней среди людей, одетых в маскарадные костюмы, по словам Жака Шарлье, стоит Зоя Шарлье, супруга Ивана Шарлье. Кстати, в книге «Воспоминания об исчезнувшем мире», написанной княгиней Клейнмихель и изданной в Париже в 1927 году, есть описание этого последнего в XX веке петербургского бала. Сейчас имена братьев Шарлье – Ивана и Рене – внесены в книгу А. Н. Боханова «Деловая элита России 1914 г.» и «Энциклопедию благотворительности Санкт-Петербурга» (<http://encblago.lfond.spb.ru/start.do>) Интернет-портала «Энциклопедия Санкт-Петербурга».

В 2001 г. дом № 12 по Свердловской набережной был включён КГИОП в «Перечень вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность», под именем «Дом управляющего

Меднопрокатного и трубного завода «Розенкранц» («Красный выборжец») (деревянный)».

По словам Светланы Анатольевны в этом здании музей просуществовал до 2004 г., после, когда музей был переведен в другое здание, владельцы завода сдавали дом № 12 под офисы и складские помещения. В настоящее время особняк заброшен и необитаем, постепенно ветшает и разрушается. В данный момент дом исключен КГИОП из перечня объектов, имеющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность.

Использованная литература и источники:

1. Анненков В. К. Знакомая и незнакомая Выборгская сторона. – СПб. : Сударыня, 1998. – 88 с.
2. Атлас тринадцати частей С.-Петербурга с подробным изображением набережных, улиц, переулков, казенных и обывательских домов / сост. Н. Цылов. – [СПб.], 1849. – [20] л., 407 л. разд. паг. : план.
3. Глезеров С. Е. Исторические районы Петербурга от «А» до «Я». – М. ; СПб. : Центрполиграф, 2010. – 491 с.
4. Историческая застройка Санкт-Петербурга : перечень вновь выявлен. объектов, представляющих ист., науч., худож. или иную культур. ценность (учет. зданий) : справочник / Ком. по гос. контролю, использованию и охране памятников истории и культуры ; науч. ред. Б. М. Кириков. – СПб. : Альт-Софт, 2001. – 517 с.
5. Юбилейный сборник сведений о деятельности бывших воспитанников Института гражданских инженеров (Строительного училища) 1842–1892: [в 2 вып.] / сост. Г. В. Барановский. [Вып. 1] – СПб. : Ин-т гражд. инж., 1892.

Гезалова Амалия

9 класс, гимназия № 505

Красносельский район

Усадьба Александра Борисовича Куракина на Петергофской дороге. Опыт исторической реконструкции

В ДАННОЙ ГЛАВЕ самостоятельного исследования постараюсь произвести историческую реконструкцию Куракиной усадьбы на Петергофской дороге, создав свой «проект» этого дворянского гнезда в архитектурном, интерьерном, ландшафтном и общекультурном планах.

К сожалению, до нашего времени не дошли усадьбы 18 века в первоизданном виде, в большинстве своем они были перестроены последующими владельцами. Но приблизительно я могу представить себе петровские «приморские дачи» с помощью двух документов: «Проекта образцовой усадьбы», разработанного архитектором Доменико Трезини, и инструкции «О загородных домах и ассамблеях», составленной самим Петром Великим. Так будет легче представить усадьбу, доставшуюся Куракину А.Б. от прежних владельцев – петровских сподвижников.

В «Проекте образцовой усадьбы» предписывалось размещать дом посередине, обозначая продольную осевую линию аллеей, перед двором располагался партер, в углах которого должны были стоять парковые павильоны. В инструкции «О загородных домах и ассамблеях» предписывалось: «Чтобы посередине дом был, а по углам чердачки» («чердачками» Петр называл павильоны). «Усадебный дом» надлежало строить «по конец сухова места», то есть на возвышенности, у склона холма, или на искусственной земляной террасе. Далее рекомендовалось: «Конюшни и людские покои делать в боках у огородов и особливо огораживать и чтоб оные были не ближе трети ширины всего места, дабы дров, щепы, навозу, грязи и прочей нечистоты не было видеть...».

Границы усадеб чаще всего определялись лесным массивом или пустошью. Центр усадьбы – полифункциональный общий двор. От парадных ворот к особняку обычно шла «главная дорога» – широкая аллея (но, к примеру, в усадьбе Рождествено главная аллея «стреляет» мимо усадьбы). За усадебным домом традиционно располагался хозяйственный двор (конюшня, хлев, сеной

сарай, амбар, теплицы и пр.). Вокруг усадебных участков Петр повелевал «садить аллеи ольховые с малым внешним ровиком».

Мне не удалось узнать, кто строил и проектировал усадебные дома А. Б. Куракина на Петергофской дороге (ни доставшийся от В. Корчмина, ни построенный в 1745 г.), в различных источниках сохранились лишь минимальная информация о том, что в 1745 году был возведен новый усадебный дом.

Итак, дома было два. Становится понятно, что с 1732 года по 1745 год Куракин и его семья жили в первом усадебном доме (построенном при Василии Корчмине), а с 1745 года – в новом, заново выстроенном. Мне придется предполагать, как могли выглядеть эти дома.

Первый усадебный дом «дачи Куракина» (1714 – 1732 – 1745).

Я позволила себе такую временную градацию, так как предположила, что дом был построен в 1714 году при первом владельце – Василии Корчмине, перестроен получившим его А.Б. Куракиным в 1732 году и использовался до возведения в усадьбе нового дома в 1745 году.

Как выглядел первый усадебный дом? Мог ли первый усадебный дом Куракина быть деревянным?

Те, кто жили на Петергофской дороге постоянно, возводили дома «Lust Haus» (для развлечений), те, кто не имел времени часто отдыхать на своих дачах, создавал «Hof und Wohnung» («двор и жилище», более хозяйственной направленности). Вероятно, дом Корчмина был все же «двором»: был деревянным, как и многие приморские дачи того времени. «Приморские дачи», несмотря на свои отличия, «все должны были играть свою роль в создании репрезентативного образа Петергофской дороги». Именно поэтому в инструкции «О загородных дачах и ассамблеях» Петр предписал: «Буде строение из целого лесу (круглых бревен), то снаружи обивать тесом и красить черленью (красной краской) или расписывать под кирпич. ... Крыши крыть черепицей или дерном».

«Приморские дачи», вероятно, все же были выстроены по образцам. И С.Б. Горбатенко отмечал, что такие типовые проекты чаще всего создавал Доменико Трезини, но подтверждающих документов об использовании их именно на Петергофской дороге не имеется. В петровское время рядом находившиеся «приморские дачи» капитана Ипата Калиновича Муханова, капитана Ивана Акимовича Синявина и поручика Гаврилы Авдеича

Меншикова построены были (как указывает С. Б. Горбатенко) по образцовому проекту: дом с мезонином, огороженный «балясами» и ряд хозяйственных строений. Но можно предположить также, что дом был вместительным: Корчмин был женат (дважды) и на приморской даче мог от службы отдыхать с семьей.

Таким образом, я могу выдвинуть гипотезу о том, что первый усадебный дом, доставшийся А. Б. Куракину от прежних владельцев (Корчмина – Битке – Биткина), мог быть деревянным. Также могу допустить, что дом располагался на каменном высоком фундаменте (почва была влажная, заболоченная). Фундамент, вероятно, был изготовлен из путиловской плиты – природного камня, добываемого в 18 веке. Она хорошо обрабатывалась, ее можно было шлифовать, лощить, распиливать на более мелкие камни. Камень прочен и морозостоек. Его природные оттенки варьируются от зеленоватого до красного цвета. «Камень из Путилова использовали при строительстве многих зданий Петербурга, в том числе Смольного монастыря, Никольского Морского собора, Большого Гостиного двора, дворцов Меншикова, Строгановых, Шереметевых. ... Добывали камень на Путиловской горе». Исторически путиловская плита – традиционный строительный камень нашего города. До наших дней сохранились части каменного крыльца усадебного дома, очевидно, примыкавшего к каменному фундаменту. Также замечу, что с 1724 года в Красном Селе функционировал цементный завод. Так что крыльцо могли изготовить с использованием «новых технологий». Деревянные строения в первой половине 18 века встречались среди загородных усадеб. К примеру, деревянной была усадьба Кикина за речкой Кикенкой перед Стрельной, первая усадьба обер-гофмейстера Василия Олсуфьева по соседству. Строить дома из дерева было значительно дешевле. Кроме того, на строительство могли пойти деревья из ближних угодий (хотя вырубка и была запрещена еще Петром Первым). Петр Первый повелел возводить вдоль Петергофской дороги именно каменные дома, чтобы они своим величием свидетельствовали о величии страны, но первые дачи каменными не были, поэтому по велению Петра были декорированы краской под кирпич.

В каком стиле был возведен первый дом этой «приморской» дачи?

Я думаю, что Василий Корчмин не строил себе на Петергофской дороге роскошный особняк по последней моде. Тогда, как я указывала выше, загородные дачи чаще всего строились по типовому проекту, вероятно, Доменико Трезини, итальянского

архитектора-фортификатора, известного добротными, но не слишком изящными строениями в стиле «барокко». Скорее всего, дом был двухэтажный, с мезонином, в голландском стиле, крыльцо могло быть огорожено балясинами (невысоким фигурными столбиками-перилами). Судя по сохранившейся фотографии находящейся рядом дачи Олсуфьева, в оформлении сохранялась традиционная для барокко мелкая расстекловка окон, существовала веранда, парадный вход был декорирован колоннами. Дом, скорее всего, мог быть выкрашен красной краской или «под кирпич». Получив дачу после трех владельцев и после восемнадцати лет эксплуатации, дипломат Куракин, молодой (35 лет), на пике карьеры, к моменту обретения усадьбы уже имевший молодую жену и маленьких детей, вряд ли бы удовлетворился «экономным» вариантом барской постройки. К тому же дачный дом мог и обветшать. Предположим, что А. Б. Куракин мог распорядиться покрыть усадебный дом штукатуркой (это было модно в то время, так как имитировало камень), тогда же к деревянному дому, скорее всего, и были пристроены каменные павильоны, о которых упоминают и на сайте «Неизвестное Лигово», и С. Б. Горбатенко. Декорирование деревянной усадьбы под камень – не нонсенс, яркий пример тому – усадьба Рождествено (деревянные колонны, покрытые штукатуркой производят впечатление белокаменных).

Итак, к моменту обретения усадьбы А. Б. Куракиным в ней находился деревянный двухэтажный усадебный дом голландского образца, хозяйственные службы, парк, возможно, не облагоустроенный.

Александр Борисович Куракин – дипломат, знакомый с европейскими традициями в архитектуре, человек светский, имеющий большую семью, должен был поместье усовершенствовать. Скорее всего, именно в период его владения усадьбой там был прорыт пруд с островком посередине и уединенной беседкой (в первые десятилетия XVIII века моды на беседки «для уединенных размышлений» не было), облагоустроен деревянный дом – к нему пристроены каменные павильоны, присоединенные к главному зданию галереями на классический манер, несмотря на главенствующий в архитектуре стиль «аннинского барокко».

Можно предположить, что перед усадебным домом был расположен круглый фонтан (он отражен на старинной карте). Если взглянуть на фонтан (вид сверху) на карте, то становится заметно, что он полностью повторяет фонтан Версальского парка. Мы подобрали фотографии, отражающие сходство. Фонтан в парке Версаля

Куракин, конечно, видел, находясь послом при французском дворе. Был разбит «модный сад», организованы оранжереи и пр.

Второй усадебный дом «Посольской дачи» 1745 г.

Дом, построенный Куракиным в 1745 году, возможно, тоже был деревянным. Это отражено в более позднем объявлении о сдаче внаем дачи («деревянный дом... с двумя каменными флигелями... и принадлежащим к нему садом с оранжереею, конюшнею, сараем, погребами и кухней»). Скорее всего, возведение нового дома было вызвано окончательным обветшанием предыдущего. Может быть, он был построен на фундаменте предыдущего дома заново, но, скорее всего, новый усадебный дом был возведен рядом со старым, о чем также написано в объявлении о сдаче («... и другой дом подле того ж, деревянный с флигелями при нем и огородом...»). Новый дом должен был полностью оправдывать закрепившееся за ним название «Посольская дача» (название само по себе громкое, говорящее все же о значительности постройки, нежели о должности ее обладателя). К 1745 году А.Б. Куракин занимал важное место при дворе, был уже немолод, имел большую семью.

Кто мог быть архитектором нового усадебного дома?

Вряд ли князь Куракин, поручивший разбить сад на Куракиной даче (у Невы) опытным мастерам, доверил постройку усадьбы какому-то крепостному мастеру-самоучке. Но официальных сведений об архитекторе «Посольского дома» нет. В 1745 году на строительстве городских и загородных домов работали архитекторы Квасов Алексей Васильевич (1718–1772), Коробов Иван Кузьмич (1700–1747) – работал в стиле барокко, Растрелли Бартоломео Франческо (1700–1771), Ринальди Антонио (1710–1794) – приехал в Россию только в 1750 г., Чевакинский Савва Иванович (1713–1770). П. Еропкин казнен в 1740 г., М. Земцов умер в 1743 г.

Автором усадебного дома Куракина мог быть Михаил Александрович Башмаков (1708–1780), также трудившийся в этот период. Он изучал строительное дело в Голландии, работал вместе с Петром Еропкиным. Известен как второй архитектор при строительстве колокольни Никольского собора, помогал архитектору С. Чевакинскому. Работал в Ораниенбауме и Петергофе. Построил для князя Куракина особняк на Нижней (Английской) набережной, 32. Но тот особняк был построен в стиле барокко. Правда, существует версия, что архитектор Башмаков возводил

здание для сына князя Бориса-Леонтия («Небольшой каменный дом обер-шталмейстера князя А. Б. Куракина занимал примерно половину участка дома № 32 по Английской набережной; в 1750-е годы сын и наследник князя, Б. А. Куракин, прикупил соседний особняк генерала Урусова и по проекту архитектора Башмакова возвел богато украшенные трехэтажные палаты в стиле барокко, протянувшиеся во всю ширину участка»).

Если первый усадебный дом был построен еще Корчминным, вероятнее всего, в стиле «барокко», то в каком стиле был возведен новый усадебный дом в 1745 году?

Дом был каменный, с флигелями – такую информацию мы прочитали на сайте «История Лигово». А вот исследователь Петергофской дороги С. Б. Горбатенко указывает, что дом (по документам) был деревянным (объявление 1770 года) о найме дачи («по Петергофской дороге на 15 версте... деревянный дом»).

Факты о существовавшей до недавних пор *гранитной лестнице* барского дома заставляют задуматься. Гранит считался и считается материалом дорогим и роскошным: рисунок гранитной поверхности отличается однородностью, что делает общий вид лестницы еще более красивым. Гранит имеет высокие прочностные характеристики, он надежен и долговечен. Гранитные ступени – это по-настоящему эстетично и практично. Но зачем гранитная лестница пристроена к деревянному дому? Я связывалась с модератором сайта «История Лигово» Сергеем Петровичем Лиговым, который ответил мне, что «формой дом был похож на усадьбу графа Ивана Григорьевича Чернышева в «Александрино»», построенную в *классическом* стиле. Я выяснила, что усадебный дом Чернышева был построен в Александрино значительно позднее усадьбы А.Б. Куракина, что может свидетельствовать о том, что И.Г. Чернышев взял за образец «Посольскую дачу».

При создании проекта я посчитала возможным проанализировать архитектурный облик усадебного дома Чернышева в Александрино, чтобы воссоздать вид Куракинского особняка 1745 года постройки.

Александрино – лесопарк в местности Ульянка, в районе Петергофской дороги. Современный адрес: проспект Стачек, 226. Принадлежало царевне Наталье Алексеевне, графу П. А. Толстому, затем дипломату Чернышеву, потом графам Шереметевым. Иван Григорьевич Чернышев – искусный дипломат, любимец императрицы Елизаветы Петровны и впоследствии Екатерины II. В 1760 году он стал владельцем участка. Возведение загородного дома он

поручил французскому архитектору Ж. Б. Валлен-Деламоту, представителю нового для России классицизма. Это здание сохранилось до наших дней, но с элементами перестройки. Изображение усадьбы сохранилось на рисунке Д. Кваренги. Дом был выстроен в классическом стиле. Двухэтажный главный корпус был украшен портиками с колоннами и балконом. Симметричные двухэтажные боковые флигели соединены застекленными галереями с главным корпусом. «Композиция изображенного дома типично «палладинская», однако в вогнутой кровле купола и тяжелых наличниках окон бельведера ощущались отголоски барокко». В середине главного корпуса дворца в Александрино был устроен необычный большой восьмигранный зал. По отрывочным воспоминаниям пианистки, дворянки 19 века В. У. Сипягиной-Лилиенфельд можно понять, что центральный зал усадьбы Куракина тоже был внушительных размеров. Нелишним будет вспомнить, что жена А. Б. Куракина Александра Ивановна Панина была молода и любила выходы в свет, рано вывела в свет и дочерей. На основании этого факта я могу сделать вывод о том, что и в ее усадебном доме необходим был обширный зал для приема гостей и устройства торжественных собраний и балов.

Возможно такое предположение: архитектор Валлен-Деламот был учеником французского архитектора и теоретика искусства, своего дяди Жака Франсуа Блонделя. Вероятно, А. Б. Куракин видел постройки Блонделя во Франции во время своего дипломатического посольства, а Валлен-Деламот также переработал опыт учителя, поэтому усадьбы и получились похожими. Также считается, что дача Чернышева напоминает Марли-ле-Руа близ Парижа – загородную резиденцию французского короля Людовика XIV – место его отдыха и уединений на левом берегу Сены в 12-ти км от Парижа. Дворец в Марли-ле-Руа был построен архитектором Жюлем Ардуэном-Мансаром, «в творчестве которого органично сочетался классический стиль с пространственным размахом барокко, придавая зданиям величественный и торжественный характер». Замок Марли-ле-Руа был разрушен во время революции. О сходстве усадебного дома в Александрино и дворца Людовика XIV Марли писал французский дипломат М.-Д. де Корберон в своем «Интимном дневнике»: «Самое строение имеет красивый вид... Средняя комната и облик напоминает залу в Марли». «Сравнение с Марли Людовика XIV отразило характерную черту плана дома Чернышева: это была одна из первых центрических загородных вилл, в которых вокруг центрального,

освещаемого сверху зала симметрично располагались другие помещения». Но почему именно эту резиденцию взял за образец граф Чернышев в 1760–70-х годах, если имение Марли-ле-Руа построено гораздо раньше – в конце 17 века (1679–1686 гг.)?! Понятно, что французский классицизм стал существовать именно в это время на русской почве, но все же Марли-ле-Руа – сочетание классицизма и барокко! Примечательно, что загородный дом в Александрино очень напоминает также Таврический дворец в Петербурге (Шпалерная ул., 47) – выдающееся произведение русского классицизма конца 18 века (арх. И. Е. Старов).

Я могу предположить, что именно А. Б. Куракин – посол в Париже взял за основу своего усадебного дома загородную резиденцию французского «короля-солнца» Марли, а уже затем Чернышев «скопировал» ее для своей усадьбы. Если взять во внимание, что посол А. Б. Куракин вместе со своим отцом в Париже любовался красотами классических построек, почему бы не предположить, что он создал свой усадебный дом в столь нетипичном в то время для России стиле? Возможно, он сделал это, желая удивить современников. Дачи Петергофской дороги отличались пышностью и роскошью, каждый владелец пытался удивить соседей. Вид усадьбы отвечал вкусам хозяина. Так появлялись замки и дворцы, крепости и особняки. Здания строились и в национальном стиле, и в стиле барокко, и в стиле классицизма. Архитектурная типология дворянских усадеб была очень разнообразна. 28 февраля 1734 года (через два года после приобретения усадьбы на Петергофской дороге) А. Б. Куракин получил в подарок от императрицы Анны Иоанновны Гатчину «в личное потомственное владение». Князь и его наследники значительно преобразили мызу. На сайте gatchina3000.ru я узнала о том, как выглядел дом Куракина в Гатчине. Я предположила, что облик усадьбы Куракина в Гатчине позволит мне воссоздать вид его усадьбы на Петергофском тракте.

В Гатчине главный господский дом был двухэтажным. Фасад прорезали 8 прямоугольных окон. Средняя часть первого этажа выделялась портиком. На уровне второго этажа портик завершался балконом. Завершала здание высокая четырехскатная кровля с мансардными окнами. Это было типичное строение 18 века. Вплотную к господскому дому был построен еще один – со сложной мансардной кровлей. Это было «умножение покоев». Вблизи господского дома было несколько строений. Обширный Скотный двор был выстроен в форме каре. По периметру двора

ПО ПЕТЕРБУРГСКИМ АДРЕСАМ

стояли одноэтажные здания с высокими двухскатными кровлями, на углах – четырехугольные башни. Башни и флигеля использовались как жилые помещения. В 18 веке в вельможных мызах скотным и конюшенным дворам, оранжереям и птичникам придавался импозантный архитектурный облик. Усадебный мир создавался тщательно и подробно. В хорошей усадьбе все должно быть продумано до мелочей. К примеру, желтый цвет усадебного дома подобно золоту являл богатство хозяина. Кровлю поддерживали белые (символ света) колонны. Серый цвет флигелей – это удаленность от деятельной жизни. Красные хозяйственные постройки – цвет жизни, деятельности. Все это тонуло в зелени садов и парков – символе здоровья и радости. Этот идеальный мир, становясь значимым в усадебной символике, отгораживался от окружающего мира стенами, решетками, башнями, искусственными рвами-оврагами и прудами. От барского дома «Посольской дачи» вело большое крыльцо – деревянное или каменное. Мне стало известно, что до середины XX века существовало каменное крыльцо усадьбы, утраченное в годы современной застройки района. Сейчас на этом месте автостоянка, а это усложняет его поиски. Куракины, как дворянский род, безусловно, имели герб. Герб князей Куракиных состоит в следующем: щит разделен на 4 части; в 1 и 4 частях – герб королевства Польского: в красном поле – белый одноглавый орел с распростертыми крыльями. Во второй части герб Великого Новгорода: в серебряном поле малиновый стул, на котором крестообразно поставлены державный жезл и длинный крест; над стулом тройной подсвечник с горящими свечами, по сторонам стула – два черных медведя (медведь символизировал отвагу и благородство). Задними лапами медведи стоят на золотой решетке. В третьей части – на голубом поле серебряный крест, под ним – золотой полумесяц, рогами вниз, под ним – серебряная шестиконечная звезда; среди герба малый щиток с гербом великого княжества литовского: в красном поле всадник на белом коне с поднятым мечом. На гербе – княжеская мантия и княжеская шапка. Я думаю, что герб рода Куракиных мог украшать усадьбу (так оформлен Строгановский дворец на Невском проспекте, Шереметевский дворец на набережной реки Фонтанки). Герб мог быть как на самом усадебном доме, так и на въездных воротах.

Таким образом, собрав по крупинкам различную информацию, я могу сделать ряд предположений о том, как могли бы выглядеть усадебные дома дачи Куракина. Барский дом, доставшийся

Александр Борисовичу Куракину в 1732 году, был построен в стиле «барокко» по типовому проекту первым владельцем «приморской дачи» Василием Корчминым. Скорее всего, дом был отремонтирован Куракиным, выкрашен, усадьба облагорожена. Новый дом Александра Борисовича Куракина, построенный в 1745 году для проживания и отдыха его семьи, был создан в стиле «классицизм», характерном для Франции, но не характерном для Петербурга первой половины 18 столетия. Можно предположить, что усадебный дом Куракина был выкрашен в светло-желтый цвет, фасад был декорирован белыми колоннами. Дом мог быть деревянным, но мог быть и каменным, с каменным крыльцом, двухэтажным, с двумя симметричными флигелями, которые соединялись с главным корпусом галереями. Средняя часть выделялась портиком. Тяжелые наличники окон напоминали стиль «барокко». Напоминала о стиле «барокко» и форма купола. Усадебный дом был построен в центрическом стиле: внизу располагалась вместительная зала, освещаемая сверху, богато украшенная, над ней симметрично располагались прочие помещения.

В нем хозяева прожили до смерти Александра Борисовича в 1749 году.

Использованная литература и источники:

1. Адреса Петербурга. – 2007. – № 26.
2. Беспалая Е.В. Ольговская галерея // Моск. журн. – 2010. – № 9.
3. Глезеров С.Е. Исторические районы. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : Глагол, 2006. – 223 с. – (Санкт-Петербург от А до Я).
4. Горбатенко С.Б. Петергофская дорога : историко-архитектурный путеводитель. – СПб. : Европ. дом, 2001. – 447 с.
5. Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI-XX вв. : ист. очерки / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 782 с.
6. Иванов А.А. История Петербурга в старых объявлениях. – М. : Центрполиграф, 2008.
7. Ивлев С.А. Культура русской дворянской усадьбы // Град Романов : [сайт]. – Тулаев, 2009. – URL: http://www.gradromanov.ru/02_2_kult.htm (дата обращения: 08.11.2012).
8. Ларионова М.Б. Воспитание дворянской женщины во второй половине XVIII века (на основе воспоминаний А.Е. Лабзиной) [Электронный ресурс] // Урало-Сибирская научно-практическая конференция. – Екатеринбург, 2003. – URL: http://www.uran.ru/reports/usspe_c_2003/thesesofreports/t44.htm (дата обращения: 08.11.2012).

Гусева Александра

11 класс, 349 школа,
Красногвардейский район,
Юношеский Университет Петербурга
ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ»

Воскресенская, Тихвинская, улица Михайлова — в истории Петербурга

В сравнении с улицей Комсомола улица Михайлова небольшая и проходит от Арсенальной набережной до одной из проходных завода «Арсенал». На плане 1753 года она обозначена как Перевозная улица по находящемуся напротив улицы перевозу через реку Неву. Однако, это наименование не употреблялось. По сведениям из «Топонимической энциклопедии» [1] первое реально существующее название – Воскресенская улица – известно с 1787 года и происходит от наименования Воскресенской улицы (ныне проспект Чернышевского) на другом берегу реки Невы, с которой она соединялась наплавным мостом (Воскресенский мост). В 1849–1853 гг. употреблялся также вариант Воскресенский проспект. На плане 1853 года она обозначена как Лабораторная улица, возможно, по Артиллерийской лаборатории (Лабораторный пр., 24, не сохранилась), в направлении которой вела улица. Чтобы не создавать путаницу с Воскресенским проспектом в Литейной части, 7 марта 1880 г. ей было присвоено название Тихвинская улица по церкви Тихвинской Божией Матери (Спасо-Бочаринской). Улица была переименована еще раз 27 апреля 1930 г. в честь Л. М. Михайлова (1872–1928), первого председателя Совета рабочих и солдатских депутатов Выборгского района, председателя Петроградского исполкома в 1919–1922 гг [2]. Член социал-демократической партии с момента ее создания, Михайлов выступал с лекциями в клубах и рабочих кружках Петербурга с 1906 года. С 1914 года он был одним из руководителей организованной в Петрограде биржи труда. В 1917 году рабочие Выборгской стороны избрали его головой Выборгской районной управы. После того как М. И. Калинин в 1919 году стал Всероссийским старостой, Михайлов занял пост председателя Петроградского исполкома. Лев Михайлов умер 5 мая 1928 года в Москве. Урну с прахом перевезли в Ленинград и захоронили на Марсовом поле [3]. Ссылка неверная. Это статья о Козинцеве! Но в след. предложении она тоже не нужна!

Лев Михайлович Михайлов стал прообразом известного киногероя из трилогии о Максиме Г. Козинцева (1935–1939), действие которой происходит в предреволюционные и первые послереволюционные годы на Выборгской стороне.

Первый дом на нашем пути, дом № 1 – дом, возведенный в 1950-е годы, типичный образец архитектуры «сталинского ампира». Все пять его этажей оформлены сплошным рустом. Над окнами четвертого этажа крупные сандрики на консолях. Между вторым и третьим этажами устроены шесть балконов с чугунными решетками, создающими своеобразный ритм, сдержанного, в целом, по оформлению фасада. В конце XIX века стоящий на месте современного здания, дом принадлежал углепромышленному и торговому акционерному обществу «Павел Бекель» [4]. Однако первые сведения об этом участке относятся еще к середине XIX века. Так, по данным «Атласа 13 частей Санкт-Петербурга» Н. Цылова 1849 года двухэтажным домом на этом участке по Воскресенскому проспекту владела жена коллежского советника Елизавета Ивановна Почепцова. Ей принадлежали также два других дома [5]. Дальнейшая судьба этого дома прослежена нами по делу Правления Санкт-Петербургского городского кредитного общества за 20 лет, с 1869 по 1889 годы.

В Заявлении от 10 ноября 1869 года сын Елизаветы Ивановны отставной инженер-поручик Сергей Федорович Почепцов просит предоставить ссуду под залог дома. Архитектор А. А. Щедрин, осмотревший его, отметил в своем отзыве, что «каменное строение, ветхое местами имеет большие трещины и требует капитального ремонта»; еще одно «деревянное частью жилое, строение, крытое деревом, не имеет надлежащего разрыва между другой постройкой» – «деревянным старым барским домом», также «ветхим и совершенно запущенным» [6]. В каменном доме сдавалось всего 15 квартир. Нижний этаж, обращенный к Неве, сдавался под торговое помещение и приносил ежегодно доход в 1000 рублей. Самую дорогую квартиру за 500 рублей занимал сам домовладелец. Кроме него в доме проживали два дворянина Попов и Тарапухин, унтер-офицер Фекиркин, купцы Вилин, имевший виноторговлю, и Родионов, занимавшийся мелочной торговлей, механик Берман, мещане Фрид, Антонов, Фролов, рядовой Мошков, рабочий Стогов и финский уроженец. Последние проживали в самых дешевых, однокомнатных квартирах, стоимостью в 48-60 рублей в год [7]. Правление городского кредитного общества приняло в оценку одну землю без строений и выделило С. Ф. Почепцову

под залог ее «на 25-летний срок восемь тысяч рублей», из которых домовладелец, получивший в наследство от матери этот дом, «обязался выделить сестрам своим Елизавете Федоровне Вицкой, вдове капитан-лейтенанта, и Анне Федоровне Соболевской, жене генерал-лейтенанта, по 1530 рублей 611/3 копейки через шесть месяцев со дня утверждения разделительной записи от 17 марта 1869 года» [8].

Через 6 лет, 23 июня 1875 года в доме Почепцова произошел сильный пожар, о чем свидетельствует крупная сумма – четыре тысячи рублей серебром, выплаченная страховым обществом за убытки от пожара. Из акта страхового общества видно, что «сгорел деревянный надворный флигель» [9].

Еще через два года, 14 февраля 1877 года, С. Ф. Почепцова просит Правление кредитного общества произвести полный перезалог его имущества. Архитектор А. А. Щедрин, через 8 лет, вновь осмотревший указанное имущество, включил в опись лишь «новый деревянный одноэтажный дом с подвалом». В старом каменном доме на тот момент проживали всего два арендатора: купец Макаров, на втором этаже этого дома, державший трактирное заведение, с платой за него в 2100 рублей в год, и коллежский советник Горвиц, занимавший самую дорогую квартиру за 900 рублей. В деревянном доме проживали мещане: Струев, Лошнов, Ракитин, Михайлов и старожил дома, рабочий Стогов. Сам домовладелец, как следует из его Заявления в Кредитное общество, проживал в более престижном районе, на Бассейной улице, д. 46.

Правление общества «за вычетом долга» выдало С. Ф. Почепцову в дополнительную ссуду 11500 рублей на 25-летний срок. Однако, когда в сентябре 1885 года, он вновь обращается в Правление за ссудой, архитектор А. А. Щедрин дает отрицательное заключение: «Деревянный дом» вследствие небрежного содержания и отсутствия всякого ремонта, пришел в такое положение, что без капитального исправления служить залогом на новый срок не может», а «капитальный дом, не включенный в оценку 1877 года, требует такого же капитального ремонта», а потому «в оценку может быть включена только земля». Через два года, как видно из новой описи имущества С. Ф. Почепцова, составленной тем же архитектором 19 марта 1887 года, домовладелец произвел надлежащий ремонт каменного дома, перепланировав все квартиры, но «деревянный дом во дворе и теперь находится в плохом состоянии» [10]. Мы впервые встречаем упоминание конторы Бекеля, содержавшего здесь «склад заграничных материалов».

Кроме того, купец Стрекалов арендовал в доме торговое помещение под «ренский погреб». Арендаторы приносили половину всего дохода, так как квартира в каменном доме было всего 5, а в деревянном – 4, и плата за них была относительно низкая. 18 июля 1887 года архитектор А. А. Щедрин отмечает, что «каменный лицевой двухэтажный дом заново отремонтирован и частью занят жильцами». По акту купчей крепости от 31 мая 1888 года имущество С. Ф. Почепцова сначала перешло во владение Санкт-Петербургского купца первой гильдии П. Я. Бекеля, а 19 июня 1899 года – торгового товарищества «Павел Бекель» [11]. Из «Петербургского Некрополя» В. Саитова известно, что прежний владелец умер 17 февраля 1889 года и был похоронен на Большеохтинском кладбище [12].

В адресной книге «Весь Петербург» на 1903 год названы три Бекеля – Альфред Павлович, потомственный почетный гражданин, кандидат в директора правления «Бекель Павел», Павел Петрович, также потомственный почетный гражданин, директор правления, и, наконец, сам Павел Яковлевич Бекель. Как следует из Адресных книг «Весь Петербург» и «Весь Петроград», участок на углу Арсенальной набережной и Тихвинской улицы, принадлежал товариществу «Павел Бекель» до 1917 года [13].

Глава «Товарищества», Пауль Фридрих (Павел Яковлевич) Бекель, был подданным Мекленбурга, но смог реализовать свой деловой талант в столице российской империи, в которой стал купцом 1-й гильдии. В 1865 году он развернул оптовую торговлю строительными материалами в Петербургском порту. Его петербургский адрес – Васильевский остров, 2-я линия, собственный дом, № 25. Здесь он проживал с женой Августой Богдановной, сыновьями Александром и Павлом, и дочерью Эльдой. К концу XIX века он владел складами угля, кокса, чугуна и кирпича, в том числе и на Воскресенской улице, 3. В 1899 году Павел Яковлевич преобразовал торговое дело в товарищество на паях «Бекель Павел» с основным капиталом в 1,4 миллионов рублей. Из отчетов «Товарищества» видно, что баланс фирмы в 1903 году достиг 2 536 100 рублей, прибыль – 109 900 рублей, дивиденд – 6%. Правление возглавлял сам Павел Яковлевич Бекель (председатель), директорами были его сын Павел и Карл Осипович Бишов. Кандидатом в директора был Александр Павлович Бекель. В начале XIX века «Товарищество» владело оптовой торговлей каменным углем, коксом, чугуном, кирпичом и цементом на Тихвинской улице д. 1, Арсенальной набережной д. 7, Набережной реки Фонтанки,

174 и Петербургской набережной, 12. В 1910 году им был открыт первый в Петербурге завод угольных брикетов на Эстляндской улице, 33. За достигнутые успехи П.Я. Бекель был пожалован звания коммерции советника и орденами Святого Станислава 2-й степени и Святого Владимира 4-й степени. Самостоятельной предпринимательской деятельностью занимались также сыновья Бекеля. Потомственный почетный гражданин А.П. Бекель являлся директором Андреевского нефтепромышленного общества; потомственный почетный гражданин статский советник П. П. Бекель состоял директором общества «Орион», которое занималось производством и продажей ламп и фонарей [14].

Следует особо отметить тот вклад, который внесли П. Я. Бекель и его сыновья в развитие автомобилизма в России и Петербурге. Основную роль в семье в развитии автомобилизма играл старший сын Павла Яковлевича – Павел Павлович. С начала 1900-х годов активно участвовал в соревнованиях «моторов». В Михайловском манеже Петербурга 13 марта 1902 года на французском автомобиле «Гоброн-Брилье» (Gobron-Brillie) он получил приз, участвуя в конкурсе на мастерство вождения.

П. П. Бекель был одним из учредителей Санкт-Петербургского Автомобиль-клуба (СПАК) и активно вел организационную работу по созданию РАО, став одним из его основателей 15 мая 1903 года. Являлся первым секретарем этой организации, а в дальнейшем – членом технической комиссии. В 1904 году он ездил в Париж на международный съезд автомобильных клубов, тем самым, став инициатором международного сотрудничества РАО с европейскими автоклубами. В 1909 году РАО, получив Высочайшее покровительство, было переименовано в Императорское российское автомобильное общество (ИРАО), а после Февральской революции 1917 года во Всероссийское автомобильное общество (ВАО). В ИРАО и ВАО Павел Павлович Бекель был вице-президентом.

Особой заслугой Павла Павловича была организационная работа по проведению Первой международной автомобильной выставки в Санкт-Петербурге в 1907 году.

Углепромышленное и торговое «Акционерное общество Павел Бекель» играло заметную роль в популяризации автомобилизма в Российской Империи [15]. Вот такими заметными личностями в столице были П. Я. Бекель и его сыновья, образовавшие «Товарищество», владевшие большим участком земли на углу Арсенальной набережной и Тихвинской улицы.

ПО ПЕТЕРБУРГСКИМ АДРЕСАМ

Если ближайший к Арсенальной набережной дом не дошел до нас, то доходный дом, возведенный этим Товариществом на месте деревянного флигеля, сохранился с начала XX века без существенных перестроек и представляет определенную архитектурную ценность. Пятиэтажный, краснокирпичный, со светло-желтыми во всю высоту здания четырьмя пилонами, симметрично попарно расположенными по его углам, словно своеобразная рама, и такого же песочного цвета с широкой полосой над окнами второго и филёнками под окнами пятого этажей, желтыми же с тремя зеленоватыми квадратами в середине полосками на фасаде между окнами третьего и четвертого этажей, наконец, с балконами, украшенными причудливой чугунной решеткой – этот дом представляет собой своеобразный образец архитектуры модерна. Он был построен в 1907 году по проекту известного военного инженера и подрядчика Н. В. Смирнова. Здесь размещался, говоря современным языком, офис «Товарищества». Сейчас же это обыкновенный жилой дом.

Нашу следующую остановку мы сделаем у дома с тройным номером: 5–7 по улице Михайлова и 10 – по улице Комсомола. По адресным книгам Санкт-Петербурга за 1824, 1836 и 1837 годы, а так же делу Городской управы нам известно, что этот участок в 1820-е годы принадлежал генерал-лейтенанту Вырбову. Согласно атласу Н. Цылова в 1849 году его владельцами были наследники купца Николая Петровича Плетнева. Тогда здесь находились одно и двухэтажный дом. От них участок перешел в собственность Прозоровскому, а уже у него землю с находящимися на них строениями приобрел «1-й гильдии купец» Ерофей Ефимович Уваров [16], при котором и был построен ныне существующий четырехэтажный доходный дом безордерной архитектуры, с нарядным розового цвета фасадом, на фоне которого эффектно смотрятся белые декоративные детали отделки, с дощатым рустом, сплошь покрывающим фасад, с замковыми камнями, украшающими окна 1 этажа и нарядными, причудливыми наличниками, обрамляющими окна второго этажа с сандриками над ними, наличниками и замковыми камнями, оформляющими окна третьего этажа, с декоративными полотенцами над ними и более строгими наличниками четвертого этажа, отделенного от трех других горизонтальной тягой (этот этаж был надстроен позже других), этот дом – характерный образец поздней эклектики, не раз перестраивался, но до нас дошли только имена архитекторов Е. Е. Аникина, который в 1877 году перестроил левую часть здания и Е. П. Вейнберга, в последний раз перестраивавшего его в 1892 году [17]. Из Заявления «1-й гильдии

купца», датированного августом 1862 года, известно, что участок на углу Воскресенского проспекта и Бочарной улицы с существовавшими на нем строениями принадлежал ему к тому времени как минимум уже 10 лет, т.к. еще 15 ноября 1854 года Е. Е. Уваров под залог этого дома получил ссуду Государственного заемного банка в 6750 рублей на 13 лет. Архитектор Э. Г. Юргенс, осмотревший имущество заявителя 4 сентября 1862 года, включил в оценку два каменных двухэтажных дома, «деревянный на каменном фундаменте дом» и еще один «деревянный нежилой дом» [18]. На первом этаже каменного дома в то время в двух двухкомнатных и одной трехкомнатной квартирах жили купец Алексей Скоков и крестьяне Сергей Фобков и Дмитрий Алексеев, а шестикомнатную квартиру на 2 этаже занимал сам домовладелец, другая; четырехкомнатная квартира, была не занята. Квартирная плата за год в доме Е. Е. Уварова составляла от 300 рублей за двухкомнатную, до 420 за шестикомнатную квартиры.

В деревянном доме весь 1 этаж в 11 комнат под торговлю занимал торговый приказчик Алексей Иванович Браун, а на втором этаже пятикомнатные квартиры снимали коллежский советник Водопьянов и вдова другого коллежского советника Петрова, в четырехкомнатной же проживала крестьянка Анна Рулева. Валовой доход со всего дома был довольно скромный – 2672 рубля. Правление выделило в ссуду под залог каменного дома Е. Е. Уварова на 25 лет и 8 месяцев пятнадцать тысяч рублей и под залог деревянного строения на 14 лет и 2 месяца еще две тысячи рублей. Но, видимо, заявитель посчитал, что эта сумма не достаточна, а потому сам директор Правления И. И. Глазунов, осмотревший «вследствие личной просьбы купца Уварова имущество его, «засвидетельствовал 22 сентября 1862 года о полной возможности, без риска для общества, выдать владельцу три четверти всей выданной оценочной комиссией суммы». Случай, надо сказать, беспрецедентный!

31 июля 1863 года Е. Е. Уваров обращается в Правление Кредитного общества за дополнительной ссудой вследствие того, что привел «дом окончательною постройкою». Осмотревший имущество заявителя архитектор Э. Г. Юргенс подтвердил, что «показанный в описи дом в настоящее время окончен за исключением последней окраски некоторых полов, окон и дверей», что «под крышей дома имеются три хорошо устроенные квартиры, которые, однако, по неимению на них планов в опись и оценку не включены» [19].

В то время во вновь устроенном здании две квартиры, четырехкомнатную на 1 этаже и семикомнатную на 2 этаже, под тракторное заведение занимала купчиха Гундарева. Здесь же, на 2 этаже, в трехкомнатной квартире жила коллежская советница Зеллер и четырехкомнатной – крестьянин Иван Михайлов.

За пять последующих лет в доме произошло лишь одно чрезвычайное событие: 14 августа 1868 года случился пожар, убыток от которого составил семь тысяч рублей. Из отзыва архитектора Э. Г. Юргенса мы узнаем, что «на деревянном доме сгорел весь мезонин, снята крыша и повреждены стропила и часть окон». До основания сгорел и нежилой флигель. К счастью, каменные строения не были повреждены пожаром [20].

Е. Е. Уваров в документах именуется уже как «потомственный почетный гражданин». Но Ерофей Ефимович со свойственной ему предприимчивостью и энергией продолжает развивать свое имущество. И нет ничего удивительного, что на месте сравнительно небольших строений в 1877 году Е. Е. Уваров возводит четырехэтажный доходный дом, по проекту архитектора Е. Е. Аникина, о котором уже было сказано выше. В нем не было роскошных барских квартир, парадной лестницы с ковровой дорожкой и швейцаром. Но и стоимость наемных помещений была здесь значительно ниже, чем в центре Петербурга, что предопределило и состав жильцов. В очередной описи дома Уварова 11 августа 1878 года архитектор Кредитного общества Э. Г. Юргенс отмечает, что «бывшая нежилая служба обращена в фабричное строение с утолщением каменных стен, устройством окон и полов». В нем «великобританский подданный Генрих Браун» устроил механическую мастерскую, уплачивая за нее арендную плату в 500 рублей. Немалый доход Е. Е. Уварову, по-прежнему, приносили и другие арендаторы его дома. Сам домовладелец открыл в нем ренсковый погреб и трактирное заведение в 8 комнатах 1 и 2 этажей. Свою торговлю в доме Уварова имел Санкт-Петербургский купец первой гильдии Тимофей Никифорович Крюков. По-прежнему содержал здесь свою булочную финляндский уроженец Теодор Дангельм, а вдова Марья Оленицкая открыла в четырех комнатах 1 этажа булочную лавку. Кроме того, в доме трехкомнатную квартиру занимал кондуктор Август Розингруд, в мезонине в трехкомнатных квартирах проживали псаломщик Николай Альбов, вдова Юлия Федорова и мастер Андерс Дьярву, в деревянном доме шестикомнатную квартиру снимал штабс-капитан Николай Корольков, а в семи комнатной жил сам домовладелец. Валовой доход с дома возрос еще больше.

ПО ПЕТЕРБУРГСКИМ АДРЕСАМ

После смерти Е. Е. Уварова его имущество унаследовал сын отставной корнет армейской кавалерии, потомственный почетный гражданин Александр Ерофеевич. Но сын оказался не столь рачительным хозяином и в 1902 году продает этот дом инженер-технологу Абраму Исааковичу Красносельскому. От него дом по наследству переходит жене Марии Алексеевне и дочери Татьяне Абрамовне Красносельским. По данным адресных книг «Весь Петербург» и «Весь Петроград» в их собственности дом находился до его национализации в 1918 году. <...>

По архивным делам и адресным книгам «Весь Петербург» и «Весь Петроград» нам удалось установить имена домовладельцев, проживавших на Тихвинской улице, врачей, архитекторов, чиновников, купцов, предпринимателей. Список этот не очень велик. Большинство жителей улицы составляли мещане и крестьяне, потомки которых, возможно, и сегодня проживают на Выборгской стороне. Известность улице Михайлова принесли располагавшиеся на ней прежде промышленные предприятия. Ее жизнь также неразрывно была связана с Финляндской железной дорогой.

Характерной чертой улицы был ее многонациональный состав. Кроме русских на ней постоянно проживали немцы и финляндские уроженцы, эстонцы, латыши, подданные Австрии, Великобритании и Италии, православные, католики и лютеране, поэтому, ее также можно назвать «улицей веротерпимости». Здесь торговали, хранили строительные материалы и уголь, в разное время производили сахар и винты.

Деловой улица Михайлова остается и сегодня.

Использованная литература и источники:

1. Топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга : 10000 городских имен. – СПб. : ЛИК, 2002. С. 226.
2. Михайлова улица // Дыхание Питера : [сайт]. – URL: <http://s-pb.in/ulitsi-714> (дата обращения: 30.01.2013).
3. Весь Петербург : адресная и справочная книга г. С.-Петербурга на 1898 год. – С. 224.
4. Цылов Н. Планы С. Петербурга в 1700, 1705, 1725, 1738, 1756, 1777, 1799, 1840 и 1849 годах, с прил. 13 частей столицы 1853 года. – СПб., 1853. С. 379.
5. ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 2284. Л. 3–4.
6. Там же. Л. 4–7.
7. Там же. Л. 8.
8. Там же. Л. 23–24.
9. Там же. Л. 63.

ПО ПЕТЕРБУРГСКИМ АДРЕСАМ

10. Там же. Л. 98,103.
11. Сайтов В.И. Петербургский некрополь. – СПб., 1912. – Т. 3. – С. 294.
12. Книга адресов Санкт-Петербурга на 1892 год. С. 228; Весь Петербург на 1898 год. С. 224; Весь Петербург на 1902 год; Весь Петербург на 1912 год. С. 453; Весь Петроград на 1917 год. С. 395.
13. Барышников М.Н. Деловой мир Петербурга : ист. справ. – СПб. : Logos, 2000. – 583 с.
14. Кирилец С. Familie Beckel Бекель Павел Яковлевич и сыновья Павел и Александр // Царскосельский автомобильно-спортивный клуб : [сайт]. – URL: <http://www.tsar-auto-club.spb.ru/publishing/kiriletz/beckel.html> (дата обращения: 30.01.2013).
15. Цылов Н.И. Указ. соч. С. 379.
16. Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX – XX века : справочник / под общ. ред. Б.М.Кирикова. – СПб. : Пилигрим, 1996. – С. 23, 70.
17. ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 453. Л. 1, 4.
18. Там же. Л. 26, 45-46.
19. Там же. Л. 78.
20. Юхнева Е.Д. Петербургские доходные дома : очерки из истории быта. – М. ; СПб. : Центрполиграф, 2007. С. 64.

Шиловская Ксения

9 класс, 255 школа,
Адмиралтейский район,
историко-краеведческий клуб
«Петрополь»
ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ»

**Инженер-архитектор А. Г. Джорогов –
творчество и судьба на фоне
исторических событий первой трети
XX века**

АРУТЮН (после – АРТЕМИЙ) ГЕОРГИЕВИЧ Джорогов или Джорогянц, или Джорыгов (в разных документах имя и фамилия указаны по-разному) родился 29 марта 1882 года в городе Тифлисе в семье титулярного советника. По происхождению он был армянином, вероисповедания армяно-григорианского.

После окончания Третьей Тифлисской гимназии Арутюн переехал в Санкт-Петербург, учился на Юридическом факультете императорского Санкт-Петербургского университета, который располагался на 22-й линии Васильевского острова, а также занимал несколько малых корпусов – на 6-й, 23-й линии Большого проспекта Васильевского острова. К сожалению, о его учебе там нам пока ничего не известно. Но, судя по тому, что уже в 1903 году он поступил в Институт гражданских инженеров, можно говорить о том, что университет он не окончил.

В 1903 году Арутюн Джорогов подал документы в Институт гражданских инженеров и был зачислен на первый курс. Находясь на втором курсе, Джорогов поступил в рисовальную школу Общества поощрения художеств. Она была основана группой меценатов И. А. Гагарином, П. А. Кикиным, А. И. Дмитриев-Мамоновым с целью содействовать развитию изящных искусств, распространению художественных познаний, образованию художников и скульпторов в 1820 года. На гранты общества за границу для обучения ездили молодые художники, оно способствовало освоению талантливых крепостных художников из крепостной зависимости, выплачивало материальную поддержку.

В 1907 году, будучи студентом третьего курса, Артемий Джорогов просил разрешение на вступление в брак с дочерью действительного статского советника Ернуи Григорьевной

Тиграновой, по происхождению тоже армянкой. Проживал он вместе с ней на улице Жуковского 11, в квартире № 8.

С 1910 года Джорогов был занят на строительстве храма в память морякам, погибшим в войне с Японией, как помощник архитектора. 27-го октября 1910 года ему были пожалованы «запонки съ вензелевым изображением имени Её Величества» за помощь в строительстве храма. А в 1911 году по повелению «Ее Величеств королевы Эллинов» Ольги Константиновны – орден св. Станислава третьей степени.

Во время учебы Джорогов не раз просил разрешения на отпуск за границу, и может, поэтому окончил институт он только в 1912 году. За лучшие архитектурные проекты ему была вручена Золотая медаль. Все это может служить доказательством того, как усердно и хорошо Джорогов учился в институте. После окончания института Джорогов был отправлен в командировку по теме «Византийские первоисточники – влияние на образование древнерусского церковного зодчества. Изучение путей, по которым это влияние распространялось». В ходе командировки он побывал в Греции, Турции, Италии, Германии, Испании. Программа командировки молодого инженера была интересной и многообразной:

«1. Общее знакомство с архитектурными произведениями западной Европы, Германии, Италии, Греции, Испании.

2. Подробное изучение архитектуры всего Балканского полуострова и, главным образом, церковной архитектуры Болгарии и Сербии.

3. Ближайшее изучение архитектуры народов Малой Азии и Кавказа – арийской, халдейской, грузинской и армянской».

Когда Джорогов вернулся из командировки не ясно, но известно, что в 1914 году он со своей женой жил в Петрограде по адресу Дмитровский переулок, 4.

В 1919 году, после революции, он был занят на строительстве крематория в Петрограде. Тогда же он предположительно проживал уже со своей второй женой Кузнецовой Марией Дмитриевной. Но Мария Дмитриевна была убита в 1922 году, а Джорогов после непродолжительного времени начал жить уже с другой женщиной – Анной Витоль, которая была младше Джорогова приблизительно на 20 лет. О детях от первых двух браков нам ничего не известно, есть лишь косвенное свидетельство из воспоминаний архитектора А. Г. Булаха, что у Артемия и Ернуи Джороговых была дочь. В браке с Анной Витоль у Джорогова родились два сына – Константин (ок. 1924 г. рождения) и Юрий (ок. 1926 г.).

ПО ПЕТЕРБУРГСКИМ АДРЕСАМ

В 1930-х годах Джорогов вместе с группой архитекторов урбанистов (сокращенно АРУ) строил фабрики-кухни.

В 1936 году он переехал в город Горький, где работал главным архитектором и начальником архитектурно-планировочного управления Горьковского городского совета.

По словам внука Артемия Георгиевича Джорогова, Андрея Юрьевича Джорогова, в 1937 году всех его коллег и соратников репрессировали, самого Джорогова «спасло то, что он был беспартийный». Но тогда у нас возникает вопрос: как беспартийный человек мог быть тогда главным архитектором большого советского города? К сожалению, пока это выяснить не удалось. Тем не менее, арест коллег и наступившее впоследствии профессиональное одиночество в итоге обернулось и его личной трагедией. Пережитые невзгоды подорвали его здоровье. Джорогов умер в 1938 году от болезни почек. Могила Артемия Георгиевича находится на кладбище в Мельничном Ручье, где стоит гранитная плита «Архитектор Джорогов». На гранитной плите начертаны даты жизни – 29 марта 1882 – 20 июля 1938.

Существует мнение, что первый крематорий был построен в Москве в 1922 году. Но на самом деле строительство первого советского учреждения по ритуальному сжиганию было начато еще в 1919 году в Петрограде. Когда мы начали работу над главой о проекте Джорогова, нас очень удивил тот факт, что до сегодняшнего времени о крематории в Петрограде не упоминается во многих справочниках по истории Санкт-Петербурга, или дается неверное сведение о том, что в 1919 году не было начато строительство крематория

В результате работы с архивными документами нам удалось выяснить, что 26 января 1919 года Совет комиссаров Союза коммун Северной области принял декрет, подписанный председателем Совнаркома Союза коммун Северной области, членом ЦК большевистской партии, одним из ближайших сподвижников Ленина Г.Е. Зиновьевым и комиссаром городского хозяйства М.И. Калининым об учреждении при Комиссариате внутренних дел комиссии по составлению проектов и ведении построек «Государственных крематориев, в первую очередь в Петрограде, а затем и в других местностях Северной области». Комиссии предоставлялся срок до 1 апреля для детальной разработки проекта крематория в Петрограде и выбора места постройки, после чего предписывалось приступить к началу строительных работ. 19 февраля 1919 года была создана «Постоянная комиссия по постройке

Первого государственного крематория и морга в Петрограде». Организаторы создали представительную комиссию, куда вошли: профессор С. Баниге от Совнархоза, инженеры В. Малейн и В. Бекташев от Комиссариата внутренних дел, доктор С. Каменцер от Комиссариата здравоохранения и инженер Н. Мухин от Комгорхоза. Председателем комиссии был назначен член коллегии Комиссариата внутренних дел Борис Гитманович Каплун. Все это удалось выяснить в ходе работы над историческими документами в Центральном государственном архиве СПб.

В марте 1919 года президиум Петроградского совета решил начать постройку крематория на территории Александро-Невской лавры, что вызвало возмущение у представителей петроградского духовенства. Митрополит Вениамин обратился к Зиновьеву с просьбой не осквернять земли возле храма, но просьба не была удовлетворена. Тогда же в марте комиссия утвердила архитектурную программу конкурса на лучший проект крематория. В Центральном государственном архиве удалось выяснить, что сроком представления проектов называлось 1 июня, и уже к 21 июня планировалось выплатить победителям пять премий. Была продумана и система премирования участников. В архиве мы также обнаружили документ, в котором говорилось: «Комиссии предоставляется право приобретения не премированных проектов по сумме последней премии (5 000 рублей – авт). Премированные и приобретенные проекты поступают в собственность Ком. Вн. Дел, остальные же должны быть взяты авторами в месячный срок после присуждения премий. Не взятые в срок поступают в собственность Ком. Вн. Дел.» Эта практика была заимствована еще из дореволюционных времен. Архитектурная часть программы возведения крематория давала подробное описание всех помещений. На первом этаже предполагалось разместить:

- «1. Вестибюль – около 15 кв. саж.
2. Большой зал для совершения обрядов; в зале должно быть предусмотрено возвышение для певчих или оркестра – все помещение...около 100 кв. саж.
3. Два малых зала для той же цели, около 20 кв. саж.
4. Зал для урн – около 40 кв. саж. – может быть в виде галереи.
5. Две ожидальни – одна для родственников, другая для публики, поблизости к главному входу.
6. 2-3 комнаты для священнослужителей, каждая по 5-6 кв. саж.
7. Комната для певчих 10-12 кв. саж.
8. Ожидальная комната для носильщиков около 5-6 кв. саж...»

Также в архивах мы нашли свидетельство о том, что уже в середине мая 1919 года постоянная комиссия по постройке «крематориума» отмечала, что желание участвовать в конкурсе выразило более 200 человек и что «проявление столь большого интереса возможно объяснить лишь назревшей потребностью в осуществлении идей кремации трупов». Естественно, было много недовольных выбором места постройки крематория на территории Лавры. Особенно возражали против строительства крематория на территории Александро-Невской Лавры: архитектор М. И. Рославлев, профессор В. П. Кашкадамов, художник М. В. Добужинский, заведующий управлением канализации С. К. Врублевский.

Коллегия Совкомхоза просила пересмотреть вопрос о постройке крематория на основании приведенных ниже причин и обстоятельств:

«1) Коллегия считает с точки зрения благоустройства города далеко неудачным выбор места для постройки Крематория по следующим причинам:

а) Нарушение общего характера старинной архитектуры Лавры

б) Крематорий будет выбрасывать клубы дыма и пепел сожженных трупов.» Отделом для постройки предлагалось место за Московской заставой. Но, несмотря на все протесты, крематорий все равно было решено строить на территории Александро-Невской Лавры. Также коллегия Совкомхоза считала излишним образование специальных комиссий по постройке в Петрограде различных зданий общего назначения, так как, обладая достаточными кадрами работников в этой области, Отдел Благоустройства мог бы с успехом выполнить эту работу. В апреле 1919 объявлен еще один – «технический конкурс на составление проекта печи для сжигания человеческих трупов». Эти проекты должны были быть представлены к 15 июня, победителям выделялось три премии от 10 до 15 тыс. рублей. До 25 апреля принимались вопросы относительно неясностей программы, ответы на которые намечалось опубликовать в правительственных петроградских и московских газетах не позднее 1 мая.

Одновременно организаторы конкурса вынуждены были признать, что «сложившиеся обстоятельства поставили комиссию в весьма тяжелое положение: приближается срок представления конкурсных проектов, а комиссия не располагает средствами даже в размере, необходимом для выплаты назначенных премий и производства необходимых работ, которые связаны, вообще, с детальной

разработкой проектов». Первоначальные средства все-таки были найдены, и конкурс продолжился. В мае-июне 1919 по итогам первого конкурса было представлено 15 архитектурных проектов и 4 технических проекта печей. А. Г. Джорогову и его проекту под девизом «Жертва» была присуждена вторая премия. Б. Г. Булах писал: «Джорогов узнал, что объявлен конкурс на проект крематория в Петрограде. Лёжа на полу в одиночке, с самодельными чертёжными инструментами, на обёрточной бумаге, Джорогов создал проект крематория, который получил первую премию». Нам кажется, для того, чтобы сделать хороший проект в тюрьме, необходимо быть очень профессиональным инженером и архитектором. Нам также представляется, что Борис Гитманович Каплун, председатель Президиума Петросовета, намеренно вытаскил Джорогова, совершившего в 1919 году преступление, для того, чтобы первый крематорий создавал «его человек», который был бы обязан ему свободой, а возможно, и жизнью. Именно этим можно объяснить тот факт, что проект Джорогова под девизом «Жертва», занявший на конкурсе второе место, был в конечном счёте объявлен победившим. Результаты архитектурного конкурса в полной мере не удовлетворили жюри, поэтому было решено объявить второй конкурс, к участию в котором допускались авторы пяти лучших проектов первого тура.

В августе подведены итоги второго конкурса. Премии распределились так:

1. Иван Александрович Фомин. Девиз «К небу» I премия.
2. Артемий Георгиевич Джорогов. «Жертва» II премия
3. Николай Иустинович Малеин. «MORS» №1. III премия
4. Ной Абрамович Троцкий, Лев Михайлович Тверской. «Феникс». IV премия.

5. Борис Дмитриевич Цинзерлинг. «MORS» № 2 V премия

10 сентября 1919 года вопрос о постройке крематориума рассматривался на заседании Президиума Петросовета. Члены исполкома ознакомились с двумя вариантами здания и проголосовали за один из них после заявления Г. Зиновьева: «Итак, товарищи, вам предстоит решить, в каком крематориуме вы предпочитаете быть сожженными – в крематориуме по проекту Фомина или по проекту Джорогова». В итоге большинством голосов было принято постановление:

- «1. Принять проект гражданского инженера А. Джорогова.
2. Место постройки: Обводный канал, № 17.
3. Постройка (проведение в жизнь) поручается Постоянной комиссии по постройке крематориума при отделе управления».

ПО ПЕТЕРБУРГСКИМ АДРЕСАМ

После этого постановления Джорогова выпустили из тюрьмы, с условием, что он обязательно должен построить крематорий в Петрограде. Его уголовное дело было закрыто.

Осенью на территорию Александро-Невской лавры стали свозить строительный материал, начали рыть котлован. Теперь с уверенностью можно сказать, что проект постройки крематория под девизом «Жертва» начал претворяться в жизнь. Решено было использовать все материальные и человеческие ресурсы. В Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга хранится «почто-телеграмма», которую Каплун отправил начальнику петроградского лагеря принудительных работ: «Предлагаю высылать на постройку крематориума, Обводный канал 17, в распоряжение коменданта...ежедневно по 20 человек рабочих». Для координации работ понадобилась автомашина. Каплун обратился в комиссию по мобилизации автомобилей для нужд фронта и попросил выдать «машину фирмы “Адлер”, 10 сил, необходимую для ежедневной поездки на место постройки и склада материалов, расположенные на окраинах города». Необходимость автомобиля мотивировалась следующим образом: «Постройка крематория принадлежит к числу работ, не терпящих отлагательства». Петроградские власти без стеснения попросили материальную помощь в Москве. Каплун просил денег в Москве, а его осаждали просьбами непосредственные строители крематория.

В Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга также сохранилась записка коменданта строительного участка Каплуну от 15 ноября 1919 г.: «На хозяйственных работах при постройке Крематориума находятся 13 человек рабочих, которые совершенно не имеют обуви, выходят на работу почти босиком. Посему покорнейше прошу, не найдете ли возможным ввиду наступивших холодов, сделать распоряжение о выдаче им за их счет тринадцати пар валеных сапог». К декабрю 1919 года стало очевидным, что в связи с нехваткой средств и рабочих рук быстро возвести крематорий на территории Александро-Невской лавры не удастся. Строительство крематория под девизом «Жертва» было приостановлено. Но власти не отказались от идеи построить крематорий в Петрограде. Работы по строительству решено было продолжать по возможности, а Каплуну одновременно пришла идея ввести в действие «временную кремационную печь». Комиссия по постройке крематория обратилась в центральный жилищный отдел Совета коммунального хозяйства с просьбой «в срочном порядке выдать ордер на занятие дома по 14 линии, угол Камской улицы». Это так

же нами было установлено при изучении дел из ЦГА СПб. Это помещение и решено было использовать для первых опытов по кремации. Главным инженером проекта был назначен А. Г. Джорогов. В этом проекте Джорогов занимался не только инженерным устройством здания, но и его архитектурным обликом. 14 июня в Народный комиссариат внутренних дел, в Москву, было направлено письмо следующего содержания: «Постоянная комиссия по постройке Первого Государственного Крематориума в Петрограде... просит вас в спешном порядке по телеграфу перевести дополнительно три миллиона рублей, крайне необходимых для окончания сооружения опытного Крематориума, окончание которого предполагается произвести к концу этого месяца». Крематорий начал действовать в наспах переделанной бани.

Чуковский писал: «Баня кое-где облицована мрамором, но тем убийственнее торчат кирпичи. Для того, чтобы сделать потолки сводчатыми, устроены арки... из дерева, которое затянуто лучиной. Стоит перегореть проводам – и весь крематорий в пламени». Это свидетельствует о том, что властям хотелось, как можно скорей воплотить идею кремации в России. Уже 14 декабря 1920 года состоялось открытие крематория в здании на углу Камской и 14-й линии В.О. дом 95–97. Существуют сведения о том, что первого покойника, которого предстояло передать огню, торжественно отобрали в городском морге. В процедуре принял участие Каплун, приглашённые им Н. С. Гумилев, выдающийся поэт серебряного века, который являлся знакомым Каплуна, Ю. П. Анненков и некая юная особа, имя которой неизвестно. Вот как описал эту ситуацию Анненков:

«В огромном сарае трупы, покрытые лохмотьями, лежат на полу плечом к плечу, бесконечными рядами. Нас ожидала там дирекция и администрация крематория.

– Выбор предоставляется даме, – любезно заявил Каплун, обратившись к девушке.

Девушка кинула на нас взгляд, полный ужаса, и, сделав несколько робких шагов среди трупов указала на одного из них (рука ее была, помню, в черной перчатке)... На груди избранника лежал кусочек грязного картона с карандашной надписью: Иван Седакин. Соц. Пол: Нищий.

– Итак, последний становится первым, – объявил Каплун и, обернувшись к нам, заметил с усмешкой:

– В общем, довольно забавный трюк, а?»

Уже 20 января 1921 состоялась ликвидация комиссии Каплуна, к сожалению, сейчас не предоставляется возможным узнать, почему

была ликвидирована комиссия, но мы надеемся, в скором времени мы заполним этот пробел в наших исследованиях. Закрыт был и крематорий на Камской улице. Суэта со строительством крематория в Александро-Невской лавре в начале 1921 г. резко прекратилась. Митрополит Вениамин и верующие вздохнули с облегчением: осквернение лавры было предотвращено. В целом петроградская система трупосжигания просуществовала недолго. После отставки Каплуна она практически прекратила свою работу. Именно поэтому первым в СССР до сих пор считают московский крематорий.

В блокадном Ленинграде первый крематорий появился в 1942 году. В связи с резким возрастанием смертности городского населения было решено открыть крематорий в городе Колпино на термическом участке цеха № 3 Ижорского завода. Блокадный крематорий функционировал на протяжении почти трёх лет. Широкую известность получил также крематорий, работавший во время войны на месте нынешнего Парка Победы. Сейчас в Санкт-Петербурге работает крематорий, построенный в 1973 году по проекту архитекторов А.С. Константинова, Д. С. Гольдгора и Н. М. Захарьиной.

Использованная литература и источники:

1. ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 1. Д. 8 ; Ф. 2815. Оп. 1. Д. 319 ; Ф. 1000. Оп. 3. Д. 177; 142. Оп. 1. Д. 61; ЦГА СПб Ф. 1001. Оп. 1. Д. 57; ЦГА СПб Ф. 72, Оп. 1. Д. 29.
2. ЦГИА СПб Ф. Оп 1. Д.
3. ЦГАЛИ СПб. Ф. 72, Оп. 1, Д. 86 ; Ф. 72, Оп. 1, Д. 29.
4. Анненков Ю.П. Дневник моих встреч. – Л. : Искусство, 1991. – Т. 1. – 343 с.
5. Архитектурная графика эпохи конструктивизма в собрании государственного музея истории Санкт-Петербурга : каталог / авт.-сост. М.Л. Макогонова. – СПб. : ГМИ СПб., 2008. – 264 с. : ил.
6. Булах Г.Д. В те давние годы // Невский архив : ист.-краевед. сб. – СПб., 2006. – Вып. 7.
7. Гард Э. Джорогов перед судом // Веч. красная газ. – 1926. – № 44–55.
8. Крематорий в Ленинграде // Вопр. коммунал. хоз-ва. – 1929. – № 6.
9. Крематорий как средство борьбы с христианством // Приход. – 2005. – № 7.
10. Крематорий – кафедра безбожия // Православ. Санкт-Петербург. – 2005. – № 22.
11. Шкаровский М.В. Строительство Петроградского (Ленинградского) крематория как средства борьбы с религией // Клио. – 2006. – № 3. – С. 158–163.

МНОГОЛИКИЙ ПЕТЕРБУРГ

Афони́на Анна

10 класс, гимназия № 261,

Кировский район

Особняк военного министра Д. А. Милютина

Особняк с казенной квартирой Военного министра, на Садовой, дом 4, выстроен по плану Д. А. Милютина, для удобнейшего совмещения повседневных занятий министра и частной жизни его многодетного семейства. Место выбрали на плацу Инженерного замка, на месте двора и казарм учебного саперного батальона (1840). Участок распланирован как усадьба: вокруг двухэтажного главного корпуса разведен небольшой сад с клумбами и системой дорожек, устроены внутренний и конюшенный дворы, где находились флигеля, конюшни и ледник. План особняка в 1872 г. создал архитектор Р. Б. Бернгард (1819–1887). Но поскольку профессор Бернгард, с 1873 г. был директором Строительного училища, за возведением особняка наблюдал его коллега, О. фон Гишпиус, а техническое оснащение и привязку к окружающим зданиями военного ведомства производил военный инженер Д. В. Покотилев. Небольшой в сравнении с Инженерным замком, особняк довольно неприметен со стороны Садовой улицы, но окруженный остатком своего сада прекрасно вписывается в петербургский пейзаж.

Особняк представляет собой то, что в прошлом называлось «министерской квартирой», но это редчайший случай, когда подобная служебный особняк выполнен как усадьба. На Садовую улицу выходит западный фасад особняка, металлическая решетка сада и высокая каменная рустованная ограда с прочными дубовыми воротами (утрачены в 2009 г.). Со стороны плаца Инженерного замка развели сад, куда выходил и нарядный фасад жилого флигеля, к которому, со стороны двора, примыкали конюшни и каретные сараи.

Фасады дома, выдержанные в формах французского классицизма, глубоко рустованы, на срезанном углу был укреплен барельеф с военными трофеями. Окна бельэтажа выделены широкими нарядными наличниками. Панно широкого фриза

между консолями украшены тяжеловатыми гирляндами. Линия крыши выделена парными круглыми слуховыми окнами. Такие же люкарны в нарядных наличниках с гирляндами расположены над входами в дом. Со стороны особняк выглядит двухэтажным на цоколе, но со стороны двора устроен антресольный этаж и окна цокольного приподняты, поэтому дом кажется четырехэтажным. Интерьеры особняка продуманно спланированы. В подвальном этаже, как обычно в то время, находились комнаты швейцара, дворников и другой прислуги, «барская» и «людская» кухни с кладовыми, были устроены «амосовские печи» воздушного отопления и вентиляция. В доме провели воду, осветительный газ и электрические звонки. По сторонам северо-западного угла особняка поставлены два чугунных крыльца на колонках с навесами. Входили в вестибюль дома либо с улицы – посторонние визитеры, или из сада – свои, домашние. Для эпохи историзма поразительна асимметричная угловая планировка компактного, трапецевидного в плане особняка, характерная, скорее, для времени «модерна». Центральная ось проходит от северо-западного угла через нижний вестибюль и парадную лестницу. По одну сторону оси остается корпус на Садовую улицу, где располагались комнаты служебного назначения, по другую – большие официальные приемные помещения окнами на север и жилые комнаты, окнами в сад на восток и юг. Судя по «разрезу» проекта Р. Б. Бернгарда все комнаты предполагалось отделать в том же спокойном стиле французского классицизма с элементами неоренессанса, но в процессе строительства стилистика зала и других комнат была изменена, так же как и назначение отдельных помещений.

Интерьеры особняка

Нижний, «холодный» вестибюль уже удивляет. Уровень его находится между цокольным и первым этажом. На плане явственно значитесь помещение в виде восьмигранника, похожее на башню с куполом. Мое изумление было велико, когда никакого купола там не оказалось, более того, именно в это помещение вели входные двери. Вестибюль с мозаичным полом был словно продолжением улицы, – ни намек на домашний уют. В дом, между тесных рустованных стен с парными нишами вела лестница «дикого» камня в несколько ступенек. Над нишами были маски свирепых бульдогов, зажавших в своих челюстях цепи. Это было достаточно странно, внутренние комнаты дома

МНОГОЛИКИЙ ПЕТЕРБУРГ

словно охранялись этими маленькими животными. Но по мере перемещения в основное пространство дома, становилось гораздо теплее, словно злобные собаки охраняли наружную дверь, а не лестничный пролет.

Из верхнего вестибюля, нижний воспринимался, как старая оборонительная башня. Низкие парусные своды опираются на восемь широких романских арок. Центральное окно, окаймленное тяжелыми рустами и замковыми камнями, казалось полузаложенными въездными воротами, по сторонам его входные двери без наличников воспринимаются как случайно пробитые в толстых стенах проемы, над ними изящные круглые окна-люкарны выглядят бойницами. Объем вестибюля расширен парными нишами. Вокруг верхнего овального «теплого» вестибюля, соединенного с парадной лестницей, группировались приемные комнаты министра. Отсюда четыре двери ведут в канцелярии министра, в его «адъютантскую» перед рабочим кабинетом и, наконец, в просторный приемный зал. Овальная форма вестибюля расширяется за счет ниш, где стояли торшеры. Соседний овальный Приемный зал очень изолирован и тих: два его окна выходят в глубину двора. Здесь выявлены только порталы парадной двери и противоположной ниши, явно предназначенной для парадного портрета царствующего императора. Ниши завершает скульптурная композиция из римского шлема, короткого римского меча, колчана со стрелами, ветвей дуба – символ мужества, и пальмы – символ мира. Две небольшие двери вели в коридор к кабинету министра (заложена) и во внутренние помещения. Из приемной, опрошенные адъютантом, посетители попадали в рабочий кабинет министра. Нижние комнаты, за исключением приемного зала не имели архитектурной отделки и, видимо, неоднократно меняли свое назначение, хотя значительных перепланировок за 140 лет в доме не производилось. Южные и западные комнаты окнами в сад, расположенные за небольшим коридором, объединенные в две «квартиры» имеют хорошие пропорции. Красивые пятиугольные комнаты, расположенные по углам дома, отделаны лепным карнизом и розеткой плафона.

Истинной жемчужиной этого дома является лестница, отделяющая рабочий первый этаж от жилого второго, она отделена от вестибюля аркой, декорированной росписью «под чернофигурную керамику»: терракотовое поле ленты окаймлено меандром и лавровой ветвью. На уровне первого этажа, под черно-терракотовой лентой меандра, окраска создает иллюзию каменных плит,

МНОГОЛИКИЙ ПЕТЕРБУРГ

облицовывающих полуовальные стены, заключающие между собой лестницу, что придает ей довольно мрачный вид, как нельзя кстати вписывающийся в сухой деловой стиль первого этажа, но все же имеющего слабый след присутствия женщин, а значит, и уюта. Но, повернув на верхний пролет, в овальной башне, мимо высокого, в два этажа итальянского окна, попадаешь в теплое, изящное пространство, взгляду открываются светлые прекрасные фрески, выполненные в помпейском стиле, тонко и талантливо прорисованные. Как начинающий художник, я не могла сдержать возглас восхищения. По сторонам стены расчленены голубыми полосами меандра и алыми, с растительным орнаментом, на три светло песочных панно с фигурами танцующих граций. Панно окаймлены тонкой лавровой гирляндой и лентой полихромного гротескного орнамента. Решетка парапета и торшер верхней площадки выполнены на заводе Сан-Гали в Петербурге, декорированы лавровой гирляндой.

Центральную ось дома, проходящую через лестничную башню и вестибюль, продолжает официальная «круглая» приемная. Во втором этаже парадные и служебные апартаменты располагаются в центральной части дома, а жилые выходят в сад и во двор. Светлый овальный верхний вестибюль увенчан низким куполом. Стены его расчленены четырьмя нишами и пятью дверями – «лакейской», «дежурной» фельдъегеря, круглой «приемной» гостиной, танцевального зала и столовой. Это помогало сразу пройти в нужное помещение и «облегчало прислуге присмотр за входящими лицами». На северный фасад выходят окна бального зала с балконом на Инженерный замок и, по сторонам его, приемной и дамской гостиных, во двор – тихая парадная столовая. Второй этаж кардинально отличается от первого: почти полностью сохранилась отделка времен Милютинина, и всюду, даже через века, чувствуется женская рука и вкус. И если овальный столовый зал и диван-кушетка в приемной министерского кабинета сохраняют военную мужественность генеральских покоев, остальные комнаты полны изящества.

Все фасадные комнаты этого этажа расположены анфиладой с запада на восток. Две светлые высокие комнаты парадного кабинета министра и смежной с ним библиотеки выходят на Садовую улицу и, как все служебные помещения не имеют архитектурной отделки. От кабинета военного министра и его библиотеки небольшой коридорчик отделял низкие комнаты «под антресолями» – секретарские или гардеробные. Кабинет соединен с

МНОГОЛИКИЙ ПЕТЕРБУРГ

фельдъегерской приемной, откуда входили официальные посетители, и с лакейской. Убранство «Фельдъегерской» скупо подчеркнута классицистическим карнизом и резьбой дверных филенок. Сюда доставляли секретные депеши, книги и журналы, поступавшие в библиотеку министра.

Центральная дверь верхнего вестибюля вела в круглую угловую приемную гостиную, ориентированную в Михайловский сад и на шпиль Инженерного замка. (Ныне гостиная выкрашена в розовый цвет, наперекор всему остальному убранству дома. Оказалось, что цвет этот неродной, что во время войны, в 1942 г., именно в эту комнату попал зажигательный снаряд, и что она была восстановлена с минимальным соблюдением прошлой отделки).

По проекту Р. Бернгарда декорация балльного зала предполагалась более скромной, должна была соответствовать общему облику особняка, но впоследствии, так и кажется, что это предложили супруга и дочери хозяина – девицы на выданье, она была усложнена. Ныне нарядная, светлая, самая большая в доме, зала отделана по плафону, панелям стен и дверным филенкам рокайльной лепниной, напоминающей узоры на ткани, приобретенные объем. Между окнами высокие зеркала в рамках золоченой лепнины в виде пальм с цветочной гирляндой. Подстоля с досками тонкого белого мрамора покоятся на лепных консолях, выведенных рокайльными завитками с «чешуйчатой жемчужиной», повторенной в углах плафона. Декор соединяет литые гипсовые детали, с ручной лепниной цветов и листьев, ее легкая асимметрия предвосхищает декор модерна.

Рядом с залом, в северо-восточном углу дома находится изящная восьмиугольная «дамская гостиная». Плафон ее украшает типичная для Р. Бернгардта композиция. На панно в падугах завитки акантов, цветы, «рога изобилия» окружают медальоны с изображением богинь Олимпа. Филенки дверей украшены соответствующим орнаментом. Под центральным окном установлен камин из черного с прожилками мрамора. Гостиная соединена со столовой и дамским будуаром окном в сад. Падуга заполнена лепной трельяжной сеткой на фоне которой парные панно изображают гирлянды роз и символы супружеской любви, на двух других панно изображены две птички, летящие в гнездо к своим птенцам. Сюжет не встречающийся в традиционной символике, но трогательный, если вспомнить многодетную семью Милютиных. Следующая большая квадратная комната окнами в сад, рядом с ванной и узкой деревянной лестницей, – спальня хозяев.

МНОГОЛИКИЙ ПЕТЕРБУРГ

Двери дамской гостиной, зала, вестибюля ведут в овальную столовую, расположенную над нижней официальной Приемной министра. Этот зал в строгом неоренессансе отделан окрашенной лепниной. «Под дуб» окрашены порталы дверей с простыми сандриками, низкая панель стен, лепной фриз и плафон. Фриз декорирован побегам акантов, винограда и маленькими масками зверей – медведя, кабана, волка и охотничьей собаки. В широких кессонах потолка вылеплены картуши с акантовым узором, «балки» декорированы рядами ивов. Замкнутость столовой подчеркивается выходящими во двор окнами и уютом камина в чугунной литой раме с изображениями плодов и винограда. Узкая каминная доска выполнена из черного с прожилками мрамора.

Через низкую проходную буфетную «под антресолями», куда выходила и комната хозяйки, можно было по узкой деревянной лестнице спуститься в кухню или подняться на антресольный этаж. В южном торце дома находилась своеобразная двухкомнатная квартира. Большая квадратная приемная, смотрит во двор, на служебный корпус, пятиугольная спальня – на восток, окнами в сад. В глухом углу спрятана каменная лестница, по которой можно спуститься в сад или во двор. Низкая комнатка примыкает к ванной; она, так же как и буфетная находится под антресолями. В антресольном этаже располагались небольшие жилые комнаты для горничных и адъютантов. Служащие также жили в небольшом дворе флигеле, спрятанном за каменной стеной, выходящем в сад.

Хозяин дома был одновременно администратором, официальным лицом, при постоянном исполнении служебных обязанностей и отцом большого семейства, которым очень дорожил. Посетителями этого дома становились самые разные люди – московские родственники, личные и официальные гости родителей и уже взрослых детей, а также – многочисленные визитеры, – провинциалы, не знавшие, куда в столице им обратиться. Сюда приезжал фельдъегерь, привезший донесения из дальнего гарнизона или с поля войны. К министру обращались супруга офицера, которая привезла детей для поступления в казенные учебные заведения и нуждавшийся в протезе инвалид войны, молодой выпускник провинциального кадетского корпуса, вдова приехавшая хлопотать пенсию и т.п. Все они входили с Садовой улицы, а хозяйка пользовались садовым входом.

Личные знакомые хозяев поднимались на второй этаж, а самые близкие, минуя парадные интерьеры, шли в жилые

МНОГОЛИКИЙ ПЕТЕРБУРГ

комнаты. В то время, спальни хозяина и хозяйки располагались в разных «половинах». Ведь супруг, государственный служащий, жил совсем по другому расписанию, чем его жена, и не хотел тревожить ее ранним уходом или поздним приходом. Поэтому в личном кабинете министра обычно стоял удобный «спальный» диван или походная кровать. В гардеробной стояли шкафы для мундиров – парадного, бального, полевого, повседневного, по разным, в том числе «графа Милютин», полкам. Эти комнаты выходили на отдельную лестницу.

Полутемная овальная столовая предназначалась не только для совместных трапез многочисленного семейства. По традиции второй половины XIX века, при необходимости, когда приглашенных на служебное совещание не вмещал кабинет министра, здесь за центральным обеденным столом проводили неофициальные заседания членов Совета министерства. После участия, во главе штаба императора, в военных действиях Балканской войны в 1877 году, Д. А. Милютин получил в 1878 г. титул графа, его имя присвоили 121 Пензенскому пехотному полку, с 1874 г. он был уже кавалером ордена Св. Андрея Первозванного.

Карьера министра закончилась 1 марта 1881 г., в день убийства императора Александра II. Устроенные террористами взрывы, возможно, были услышаны обитателями стоящего неподалеку особняка. Отставку Д. А. Милютина вызвало изменение политики нового императора Александра III. С мая 1881 г. Милютин, несмотря на назначение членом Государственного совета, уехал в свое крымское имение Симеиз, где писал свои мемуары. Оставшись Почетным президентом академий Генерального штаба и Военно-юридической, Почетным членом Академии наук и Академий артиллерийской, инженерной и медико-хирургической, Московского и Харьковского университетов, Русского географического общества, Милютин почти безвыездно жил в Крыму. Санкт-Петербургский университет еще в 1866 г. «поднес ему» звание доктора русской истории. В особняке семья министра прожила около семи лет.

В 1898 г. об отставном министре вспомнили: его пригласили в Москву на празднование 80-летия императора Александра II и 16 августа 1898 года наградили фельдмаршалским жезлом. Все время жизни отставного министра ему ежегодно выплачивали кроме пенсии еще по 5 000 рублей, и регулярно награждали «за выслугу» бриллиантовыми знаками и портретами царствовавших императоров, «при особом рескрипте». Министр пережил своего

МНОГОЛИКИЙ ПЕТЕРБУРГ

сына-генерала, и двух дочерей. Он умер в Симеизе 25 января 1912 года; на 3 дня пережив супругу, с которой прожил 70 лет. Похоронен Д. А. Милютин рядом с родными в Москве, в Новодевичьем монастыре. Он состоял почетным членом благотворительного Общества попечения о больных и раненых воинах, и завещал дачу их в Симеизе русскому офицерству для устройства санатория, открытого в августе 1914 года, существующего и сейчас.

Следующий министр Петр Семенович Ванновский (1822–1904), назначенный 22 мая 1881 г., и тогда же въехавший в особняк, был менее известен, чем его предшественник. В особняк П.С. Ванновский въехал с супругой Натальей Александровной фон Плетц (1822–1898), с сыновьями Борисом (1860–1910), Сергеем (1869–1904) и дочерью Анной (1862–19??). Сыновья его были офицерами, затем, генералами Генерального штаба и Военного министерства. Особняк, конечно, подвергся перепланировке, поскольку сыновья женились и начали жить здесь семьями, а дочь после смерти матери стала руководить домом.

Даже после отставки в 1898 г., престарелого государственного деятеля с поста военного министра, в 1899 император Николай II поручил П.С. Ванновскому руководство комиссией по расследованию беспорядков в С.-Петербургском университете, и 24 марта 1901 года назначил его министром народного просвещения. Поэтому Ванновский с семьей и после отставки с поста военного министра продолжал жить в казенном особняке. Действия министра не устранили недовольства студенчества, и Николай II уже осенью 1901 г. разочаровался в его деятельности, в 1902 старого министра отправили в отставку. П. С. Ванновский скончался 16 февраля 1904 года, вскоре умер и его младший сын. Похоронили министра на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.

Старшему сыну министра, Борису Петровичу Ванновскому, генерал-лейтенанту Генерального штаба, генералу «для особых поручений» при командующем войсками гвардии по чину также полагалась «казенная квартира». Видимо, поэтому его не стали выселять из «министерского особняка», тем более, что Военное министерство уже нанимало для министра дом на наб. Мойки, 59. Только после смерти Б. П. Ванновского его вдова покинула особняк, приписанный теперь к Инженерному департаменту Военного министерства. Возможно, что уже с этого времени его стали использовать как гостиницу для приезжавших в столицу командированных высших военных чинов

МНОГОЛИКИЙ ПЕТЕРБУРГ

Пустовавший в 1917 г. особняк после смены власти остался в военном ведомстве. Начиная с этого времени и до 2008 г. здесь находилась специальная гостиница командующего Северо-Западным военным округом, так называемая «генеральская гостиница». Обстановка, видимо, поступила из гостиницы Дома офицеров «гвардии и флота» (Литейный проспект, д. 20), как называли его до революции. Весной 1942 года на чердак попала зажигательная бомба. Поврежденная балка была срочно заменена неошкуренными сосновыми бревнами, линия крыши и угловая люкарна не были восстановлены, но комнаты, в основном, не пострадали.

Дом был признан «памятником истории и архитектуры» только в середине 2000-х годов, ранее его просто поддерживали в чистоте и порядке. Первый этаж почти полностью закрыт для осмотра – там находятся номера, но в овальной комнате сохранился потрясающе огромный бильярдный стол, за которым служащие и офицеры проводили свободное время. Конечно, сами гостиничные номера уже давно отделаны на современный манер, но и там, говорят, кое-где сохранились небольшие плафоны. Конечно, я почувствовала небольшое сожаление, узнав, что не все здание сохранило первозданную отделку, но в нашем городе, столь богатом на памятники архитектуры, к несчастью, не везде сохранился исторические интерьеры. Интерес к особняку возник при предпроставационном изучении парадной лестницы. Парадные помещения сохранили авторское архитектурное оформление, но лепнина сильно закрашена. В одном из них сохранилась небольшая лепнина, изображающая голубей, свивших гнездо на древке копья. Овальный столовый зал, с потолком «под резной дуб», крепкими дверями и маленьким камином с черной мраморной полкой, заставляет подтянуться, приосаниться. Чучела птиц и современные вышитые шелком батальные сцены поддерживают в темном помещении, со стенами цвета темного бутылочного стекла, дух мужской силы. Но стоит только перейти в бальный зал, и тут же буквально хочется пуститься в пляс. «Дамская» гостиная, с большим камином и лепными головками греческих богинь под потолком, явилась настоящей сокровищницей. В ней находятся несколько прелестнейших мебельных гарнитуров: кресла, диваны, маленькие столики, выложенные различными породами дерева, и еще один – мозаикой, – достойны коллекций Эрмитажа. Вся комната была прелестна, единственное, что вызывало улыбку, это, установленная на керамическую тумбу небольшая бронзовая статуя древнего человека, отбивающегося от орла, выполненная не очень внимательным скульптором.

МНОГОЛИКИЙ ПЕТЕРБУРГ

Художественная обстановка, меблировка особняка, так же как его фасады и интерьеры ныне зарегистрированы Государственным Комитетом по охране памятников С.-Петербурга.

Использованная литература и источники:

1. Бернгардт Р.Б. Дом г. военного министра в С.-Петербурге // Зодчий. – 1875. – Вып. 1 (Январь). – С. 9–10; ил.: л. 1–2.
2. Весь Петербург на [1895–1914] год : адрес. и справ. кн. г. С.-Петербурга. – СПб. : А.С. Суворин, 1894–1917.
3. Военное министерство / Милютин Д.А., Милютин Н.А., Милютин Б.А., Ванновский П.С. // Энциклопедия «Брокгауз и Эфрон». – СПб., 1904. – Электронная версия. – 2005.
4. Военное министерство. Министерство народного просвещения // Управленческая элита Российской империи. История министерств, 1802–1902 / под ред. Б.В. Ананьича, Р.Ш. Ганелина, В.Н. Плешкова. – СПб., 2008. С. 129–166, 481–490.
5. Всеобщая адресная книга С.-Петербурга, с Васильевским островом, Петербургскою и Выборгскою сторонами и Охтою : в 5 отд-ниях. – СПб. : Гоппе и Корнфельд, 1867–1868. – [1987] с. разд. паг.
6. Жерихина Е.И., Шепелев Л.Е. Столичный Петербург. Город и власть. – СПб. : Центрполиграф, 2009. – 552 с.
7. Милютин Д.А. Дневник // Александр Второй. Воспоминания. Дневники. – СПб., 1995. – С. 256–290, 307–330.
8. Новый фельдмаршал, граф Д.А. Милютин // Петербургский листок. – 1898. – 23 авг. (№ 230). – С. 7.
9. Путеводитель : 60 000 адресов из Санкт-Петербурга ... : [в 2 ч.] / [сост. В.М. Матвеев]. – СПб. : тип. К. Вингебера, 1853–1854. – VIII, 240, 71 с.
10. Список генералам по старшинству. – СПб. : Воен. тип., 1886. – 574 с.
11. Шереметев С.Д. Петербургское общество 60-х годов // Мемуары графа С.Д. Шереметева. – М., 2001. – С. 37–299.
12. Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской Империи. Главы высших и центральных учреждений, 1802–1917 : библиогр. справ. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2001. – 830 с.
13. Шилов Д. Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного Совета Российской империи, 1801–1906 : библиогр. справ. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2007. – 992 с.
14. Юбилейный сборник сведений о деятельности бывших воспитанников Института гражданских инженеров (Строительного училища) 1842–1892 : [в 2 вып.] / сост. Г.В. Барановский. – СПб. : Ин-т гражд. инж., 1892. – [Вып. 1]. – С. 29–30.

Воробьева Александра

10 класс, школа № 530,

Пушкинский район

«Живем мы памятью Лицея»

(С. С. Бехтеев, С. С. Аксаков)

ИЗ ВСЕХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ, существовавших в России до революции и закрытых в послереволюционное время, наиболее известен Императорский Царскосельский (Александровский) Лицей, и, прежде всего, потому, что в Лицее учился А.С. Пушкин. Именно Пушкин «всю Россию сроднил с Лицеем», однако, первый прославленный выпуск лицеистов является только началом истории этого учебного заведения, из стен которого вышло 73 выпуска лицеистов.

Традиционно историю Императорского Лицея (1811–1917) делят на два периода, рубежом является 1843 год — год переезда Лицея из Царского Села в Петербург по приказу Николая I. Первый период, связанный с судьбой Царскосельского Лицея, широко представлен в литературе, второй же период, период Александровского Лицея, изучен в меньшей степени, что связано с культурно-историческими событиями того времени.

Вместе с тем, как считает директор Всероссийского музея А. С. Пушкина, Сергей Михайлович Некрасов: «У Лицея есть еще и третий период. Это история лицеистов, сохранивших «дух Лицея» и верность лицейскому завету жить «Для общей пользы» после закрытия Лицея в 1917 году и отъезда в эмиграцию». В том, что этот своеобразный «Лицей после Лицея» действительно существовал как заметное явление культуры русской эмиграции, я убедилась и поняла, ознакомившись с постоянной экспозицией «Живем мы памятью Лицея», открывшейся в Лицее к 300-летию Царского Села и 200-летию Императорского Лицея. Экспозиция посвящена всей истории Лицея. Сотни исторических документов, рисунков, портретов, мемориальных предметов быта и искусства, окружавших лицеистов, повествуют об истории Лицея и его знаменитых выпускниках, оставивших огромный след в культуре и истории России. Среди них немалый интерес представляет раздел лицеистов-эмигрантов, где представлены ежегодно сочиняемые стихотворные послания бывших воспитанников Лицея к 19 октября, дню основания Лицея. Эта поэтическая традиция, заложенная еще А. С. Пушкиным, продолжалась

МНОГОЛИКИЙ ПЕТЕРБУРГ

в русском зарубежье вплоть до середины 1960-х годов, пока были живы выпускники Императорского Лицея – князь М. А. Гагарин, В. С. Ильяшенко, Е. М. Брофельдт, А. Н. Мясоедов, С. С. Бехтеев и другие. Воспитанники Лицея, сумевшие эмигрировать, берегли товарищеские узы даже вдали от родины. Начиная с 1920 года, главным лицейским центром становится Париж. Здесь было создано Правление Объединения лицеистов за рубежом, председателем которого стал граф В. Н. Коковцов, лицеист 32 курса, бывший попечитель Императорского Александровского Лицея, министр финансов, затем Председатель Совета Министров Российской Империи. Подобные объединения возникали и в других странах, где поселились бывшие воспитанники Императорского Александровского Лицея (в Бельгии, Германии, Италии и др.). Сегодня архив лицейской ассоциации – пять тысяч документов – хранится в военном музее в Брюсселе.

Среди многочисленной плеяды выпускников Александровского Лицея был русский поэт Сергей Сергеевич Бехтеев. В минувшем году исполнилось 132 года со дня рождения и 57 лет со дня кончины С. С. Бехтеева – поэта, офицера, общественного деятеля, являвшегося одной из ярких и, в то же время, малоизученных фигур русской эмиграции. Серьезное изучение творчества и биографии Сергея Бехтеева только начинается, многое предстоит еще исследовать, ибо «Бехтеев, по всей совокупности граней своего несравненного таланта (патриотизм, православность, традиционализм и прочее) вполне претендует на одно из самых ведущих и почетнейших мест в негласном поэтическом рейтинге истинно русской классической поэзии души и сердца». Основным источником для написания данной работы послужила статья Владимира Невяровича – публициста, писателя, директора благотворительного фонда «Бехтеевский фонд любителей русской старины», автора книги «Певец Святой Руси». В. К. Невяровича по праву можно назвать первым глубоким исследователем жизни и творчества Сергея Бехтеева.

Родился Сергей Сергеевич Бехтеев в имении Липовка Елецкого уезда Орловской губернии (сейчас Задонский район Липецкой области) 7 апреля 1879 года. Он был четвертым ребенком в дворянской семье. По традиции всем старшим из мальчиков в роду Бехтеевых давалось имя Сергей, в честь великого русского святого преподобного Сергия Радонежского. Отец и дед поэта (оба также были Сергеи Сергеевичи) получили военное образование. В роду Бехтеевых, который исторически восходит к XV

столетию, вообще было немало военачальников: воевод, стольников, тысяцких. Были также и дипломаты, придворные, один из которых – Бехтеев Федор Дмитриевич вошел в историю как первый учитель Цесаревича Павла, будущего Императора Павла I. Известен своими работами и талантливый русский художник, график, иллюстратор, оформитель пушкинского «Евгения Онегина» – Владимир Георгиевич Бехтеев.

Отец, Сергей Сергеевич (старший) – видный деятель дворянства. Посвятил свою жизнь служению России. Начиная карьеру мировым судьей, был предводителем Елецкого дворянства, тайным советником и членом Государственного Совета. Сергей Сергеевич открыл в Ельце первый в России хлебный элеватор и отделение Государственного Банка, занимался проблемами регулярного пароходства по Дону. Мать поэта, Наталья Алексеевна, урожденная Хвостова, принадлежала также к древнему и не менее знаменитому дворянскому роду, родоначальник которого в 1267 году выехал из Пруссии на службу к Великому князю Даниилу Александровичу. На Руси он крестился, был наречен в крещении именем Василий и поставлен Наместником Московским. У Сергея Сергеевича и Натальи Алексеевны было 9 детей, что, впрочем, в те времена не являлось большой редкостью. Будущий царский поэт имел 5 родных сестер (Екатерину, Наталью, Зинаиду, Нину и Софью) и трех братьев (Николая, Алексея и Михаила). Семья была дружной, воспитание детей велось в духе Православной Веры, строго соблюдались посты, молитвы, высоко чтились церковные праздники и обычаи старины. Дух веры поддерживали в детях их воспитатели и прислуга, которые брались обычно из простых русских людей.

С 1897 года второй семьей Сергея Бехтеева становится Императорский Александровский Лицей, где он воспитывался и обучался шесть лет. В Лицее Сергей Бехтеев начал писать стихи. Первый поэтический сборник, выпущенный по окончании Лицея в 1903 году, стал поэтическим гимном вдовствующей императрице Марии Фёдоровне. В этом же году он поступил служить в элитный Кавалергардский полк, шефом которого она являлась. После тяжёлого увечья, полученного на учениях, Сергей Сергеевич вынужден был закончить военную карьеру и выйти в отставку. Свои силы он направил государственному служению на своей родине в Ельце, являлся земским начальником, как и его отец, занимался аграрными вопросами. Вместе с младшим братом Алексеем, членом городской управы г. Орла, участвовал

МНОГОЛИКИЙ ПЕТЕРБУРГ

в общественной и политической жизни Орловской губернии. В 1914 году, несмотря на своё увечье (в результате того, что неправильно срослись кости, одна нога стал короче другой), он ушел добровольцем на Первую мировую войну. В составе Кавалергардского полка участвовал в боях, получил ранения в голову и грудь. Попал в Царскосельский лазарет, где простыми сёстрами милосердия в тот момент служили Императрица Александра Фёдоровна, её старшие дочери Ольга и Татьяна. Вместе с ними за ранеными ухаживала родная сестра поэта, фрейлина Императрицы Зинаида Сергеевна Толстая, которая была замужем за однополчанином Сергея Бехтеева, полковником Кавалергардского полка П. С. Толстым. После ранения и лечения в Пятигорске и Кисловодске была работа по обеспечению армии в Орловской губернии. С 1903 по 1917 годы С. С. Бехтеев не писал стихов, возможно, по причине занятости военной и гражданской службой. Февраль 1917 года повлиял на людей, преданных присяге и престолу, к которым относился С. С. Бехтеев. Под влиянием этих событий он вновь берётся за перо и бумагу. Стихи становятся для него формой выражения своего отношения к происходящему. Уже на третий день революции он написал первое стихотворение «Николай II»:

*Предатели, рожденные рабами,
Свобода лживая не даст покоя вам.
Зальёте Вы страну кровавыми ручьями,
И пламя пробежит по Вашим городам...*

Самым известным стихотворением поэта стала «Молитва», отправленная через графиню Анастасию Гендрикову (родную сестру последнего орловского губернатора) царской семье, находившейся в ссылке в Тобольске, с посвящением Великим Княжнам Ольге и Татьяне. Долгое время считалось, что авторство «Молитвы» принадлежит одной из них:

*Пошли нам, Господи, терпенье
В годину буйных, мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.
Дай крепость нам, о, Боже правый,
Злодейства ближнего прощать,
И крест тяжёлый и кровавый
С твоею кротостью встречать...*

О жизни С. С. Бехтеева в период с 1917 по 1920 годы известно очень мало. В начале 1918 года Бехтеев со своими родными уехал на Кавказ. Участвовал в первом Ледяном походе Добровольческой

армии. Публиковался в газетах «Доброволец», «Россия», «Русская правда» и других белогвардейских изданиях. Какое-то время он жил в Кисловодске, входил в Главный Совет Всероссийской народно-государственной партии В. М. Пуришкевича, открыто провозглашавшей задачу восстановления монархии в России. Наступает трагическая и судьбоносная для Сергея Бехтеева осень 1920 года. Добровольческая Армия отступает. Начинается массовый исход Белой гвардии из Крыма. 6 сентября поэт создает удивительное по силе проникновения стихотворение «Русская Голгофа», давшее название, уже в наши дни, многим сочинениям патриотической направленности. Вспомним хотя бы одноименный кинофильм или диск песен Жанны Бичевской. В октябре 1920 года, в дни окончательного крушения Белой армии, поэт пишет стихотворение «Мертвые сраму не имут». Название заимствовано из летописных легендарных слов неустрашимого русского князя Святослава, прославившего на полях брани честь русского воина:

*Годы страданий, лишений и бед
Славы былой не отнимут.
Помните, братья, великий завет:
«Мертвые сраму не имут!»*

Сегодня бехтеевские слова об офицерской чести и достоинстве звучат особенно актуально и злободневно. Доблестному имени русского офицера посвящены яркие стихотворения поэта: «Золотые погоны», «Офицер» и др.

В ноябре 1920 года на борту парохода «Самара» из Керчи в рядах Русской армии поэт навсегда покидает свою горячо любимую Родину. Прощаясь навсегда с Россией, поэт посвящает родине трогательные строки:

*В глазах раскинулся широко
Простор безбрежного пути,
И шепчем мы с тоской глубокой:
«Отчизна милая – прости!»*

В эмиграции С. С. Бехтеев жил в Югославии. Он активно участвовал в политической жизни, создал организацию «Железный союз долга и чести». Несмотря на бедственность своего положения, нищету и безденежье, оторванность от любимой Отчизны, поэт твердо верит в ее грядущее воскресение:

*Я не боюсь мятежных дней
И буйной нечести засилья,
Я вижу в мраке блеск лучей,*

МНОГОЛИКИЙ ПЕТЕРБУРГ

*Меня несут над бездной крылья.
Пусть льется смрадная река,
Гроза культуре потопленьем,
Я говорю через века
С грядущим новым поколеньем...*

В эмиграции помимо политической деятельности С. С. Бехтеев вместе с братом Алексеем издавал газеты «Вера и Верность», «Русский стяг». В Белграде в 1925 году вышел сборник его стихов «Песни сердца». Всё его творчество пронизано идеей служения императору и его семье, в гибель которых он до конца не поверил. Разочаровавшись в политической деятельности, С. С. Бехтеев уезжает во Францию, где с 1929 года и до последних дней служил ктитором храма во имя Державной Иконы Божией Матери г. Ниццы. Он принимает участие в сборе средств для сооружения Креста-памятника в память царской семьи. Крест был воздвигнут, и до сих пор является местом поклонения в кафедральном соборе во имя Святого Александра Невского в Париже.

В 1934 году С. Бехтеев издает сборник «Царский гуслир», а в 1949–1952 годах выходят четыре выпуска его итогового сборника «Святая Русь». Личная жизнь поэта неустроенна. Он проживает вместе со своей родной сестрой Натальей. В эмиграции встречается и находит также некоторых своих близких и родных. Среди стихов Бехтеева встречаются прямые посвящения матери, любимым сестрам, брату. Александровскому Лицею Сергей Бехтеев посвящает несколько своих стихотворений, причем, самое раннее из них датировано еще 1902 годом, когда сам поэт был лицеистом:

*Сегодня праздник единенья:
Со всех концов страны родной
Сошлись сыны для поклоненья
Своей обители святой.*

В другом своем стихотворении «Дух Лицея», написанном в 1944 году, поэт проводит мысль о том, что, несмотря на закрытие Лицея, дух его продолжает жить среди бывших воспитанников:

*Он нас живет! Он бодрость нам дает!
Надеждами желанья окрыляет!
Путем спасительным к грядущему ведет!
В Семью единую тесней соединяет!...*

Сохраняя реальный взгляд русского православного человека на свою Родину, на состояние русских людей, он все же верит в будущее России. Как поэтическое завещание грядущим поколениям воспринимаются ныне его стихотворение «Детям»:

*Любите, дети, старину
С ее былинными веками,
С ее столетними Церквами,
К величью ведущую страну
Любите, дети, старину!..*

Умер С.С. Бехтеев в Ницце. Похоронен на местном русском кладбище Кокад. Надпись на могильной плите гласит:

7.04.1879 — 4.05.1954

Лицейст 59 выпуска Императорского Александровского лицея.

Царский поэт.

Офицер Белой Армии. Корнет.

«За скупыми надгробными строками – целая человеческая жизнь, протяженностью в 75 лет. Жизнь яркая и трагическая, загадочная и непримиримая, опаленная войнами и революциями, прожитая честно, не продажно, но с великою любовью к Богу, Царю и Отечеству».

Использованная литература и источники:

1. Дьякова А.В. Судьба и творчество поэта Бехтеева // Бехтеев С.С. Святая Русь : сб. стихов. – Орел, 2000.
2. Невярович В.К. Лицейст Сергей Бехтеев // Русская линия : православно-информ. агентство. – СПб., 2006. – URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=110630> (15.11.1012).
3. Некрасов С.М. «Куда бы нас ни бросила судьбина...» : выпускники Императорского Александровского Лицея в эмиграции. – М. : Б-кафонд «Русское Зарубежье» : Рус. путь, 2000. – 195 с.
4. Павлова С.В. Императорский Александровский (бывший Царскосельский) лицей. – СПб. : Паритет, 2002. – 253 с.
5. Руденская М.П., Руденская С.Д. С лицейского порога : выпускники лицея 1811–1917 : очерки. – Л. : Лениздат, 1984. – 318 с. : ил.
6. Руденская С.Д. Царскосельский – Александровский Лицей. 1811–1917. – СПб. : Лениздат, 1999. – 511 с.
7. Черникова Л. Композитор Аксаков // Русское поле : содружество литературных проектов. – 2002. – Вып. 9. – URL: <http://belsk.ruspole.info/node/1600> (12.11.2012).
8. Русское зарубежье : золотая книга эмиграции : первая треть 20 в. : энцикл биогр. слов. – М. : РОССПЭН, 1997. – 748 с. : ил.

Егорова Дарья

11 класс, 106 школа,

Приморский район

Из « биографии» почтовой карточки 1943 года

НЕ ТАК ДАВНО в каком-то старом журнале прочитала заметку о коллекционере, жившем в нашем городе и собиравшем почтовые открытки. Его коллекция насчитывала более 10 тыс. экземпляров. Тогда я подумала – и что в них интересного? В моей семье их накопилось более двух сотен. Присылали их родственники, знакомые по случаю различных праздников. Все они яркие, красивые. В течение почти 40 лет бабушка аккуратно складывала их в ящик стола. Заметка о коллекции вызвала у меня желание рассмотреть внимательно открытки, хранившиеся в доме. Это оказалось очень увлекательным занятием. Заглянув на перемене в школьный музей, я рассказала о своих впечатлениях учительнице истории, которая руководит музеем. Она показала мне в экспозиции музея открытку и предложила исследовать ее историю. Я сразу же подумала о том, что узнать-то о ней можно очень немного, поскольку не было указано ни кому, ни от кого послана. Правда, какие-то слова и цифры на открытке виднелись. Я решила узнать, что это за надписи и составить рассказ из четырех – пяти предложений. Вот так я стала исследовать только один экспонат нашего школьного музея – почтовую открытку, или, как тогда говорили, почтовую карточку 1943 года. В музее не сразу обратишь на нее внимание, так как она выполнена не яркими, не броскими красками. Но вскоре я убедилась, что это один из интереснейших экспонатов музея.

В самом начале моей работы у меня возникало множество вопросов, связанных с открыткой. Ответить на вопрос: «Кто же был первым владельцем открытки» удалось при помощи материалов школьного музея. Открытку передала музею Тамара Ивановна Гущанкина (Петрова). Весь период блокады она ходила в детский сад № 50, который находился справа от нашей школы за невысоким забором. Тамара Ивановна хорошо помнит, что прошло совсем немного времени от начала блокады, а воспитанники детского сада, увидев проходивших по улице возле забора людей, часто подбегали и спрашивали: «Тётя! Дядя! А когда война закончится?». В нашей школе во время блокады размещался

МНОГОЛИКИЙ ПЕТЕРБУРГ

военный госпиталь. К новогоднему празднику 28 декабря 1942 года дети этого садика подготовили небольшой концерт и самодельные подарки для раненых бойцов, находившихся в госпитале – маленькие открытки. Малыши рассказывали стихи, пели песенки. На глазах многих солдат появились счастливые улыбки, глаза заблестели от слез. По окончании концерта, когда маленькая Тамара полезла в большой мешок за подарками – открытками, но не удержалась и свалилась в него сама, только бантик был виден – развеселились все. Мама Тамары была бойцом МПВО. Именно она принесла домой эту почтовую карточку. Маленькая Тамара запомнила, что впервые за все время блокады глаза у мамы радостно светились, когда она принесла домой почтовую карточку «Блокада прорвана!»

Что же это за открытка, вызвавшая в измученных войной людях радостное настроение? Если посмотреть на открытку внимательным и пытливым взглядом – она поведаст нам свою интереснейшую историю. Прежде всего, следует отметить, что открытка была выпущена по поводу конкретного события. На лицевой стороне, в центральной части, надпись – «Блокада прорвана!». Это название открытки. Под ним стоит дата – 18 января. Мы видим, что лицевая сторона условно разделена на три части, объединенные основной темой. Скупыми художественными средствами решено оформление открытки: зеленовато-серые, черные, красноватые тона. Здесь видно зарево от артиллерийских залпов, напряженные фигуры бойцов, изображенных в порыве вперед – никто не должен сомневаться – победа будет за нами! Автор рисунков – 34-летний художник Владимир Максимович Соколов, работавший в осажденном Ленинграде главным редактором издательства «Искусство». В 1941 году он добился разрешения и ушел добровольцем на Балтийский флот, где, по приказу адмирала В.Ф. Трибуца работал, создавая портреты отличившихся в боях моряков-балтийцев. В 1941–1944 гг. издано 15 плакатов его работы, 6 сюжетов открыток. Как редактор, В.М. Соколов подготовил к изданию 2 альбома, посвященных обороне Ленинграда и героям Ленфронта, а также около 30 открыток. Владимир Максимович был участником выставки работ Ленинградских художников в Москве (1942, ГМИИ) и третьей выставки художников-фронтовиков. Работы Соколова имеются в ГМИ СПб (Государственный музей истории Санкт-Петербурга). Умер в 1991 году в Ленинграде. Мне удалось найти фотографию В. М. Соколова конца 80-х – начала 90-х годов прошлого века, где

МНОГОЛИКИЙ ПЕТЕРБУРГ

изображен уже пожилой человек с внимательным и добродушным взглядом. Напоминает о нем надпись на оборотной стороне открытки, в нижнем левом углу: «Худ. В. Соколов».

Внизу средней части открытки текст:

*Многое забудут в мире люди
Но душою пламенной горя,
Эту дату мы не позабудем -
Восемнадцатое января!*

Автор этих проникновенных строк – Рывина Елена Израилевна, ленинградская поэтесса, которой в 1943 году исполнилось 33 года. Она была романтичным человеком с тонкой душой, всегда в кого-нибудь влюбленная. Евгений Шварц назвал ее «гимназисткой до седых волос». Почему именно ей поручили написать текст открытки, посвященной прорыву блокады Ленинграда? Она была известна до войны. Многие ее стихи, положенные на музыку стали популярными песнями в 30-е годы. Например, песня «Над моей Невой». Я разыскала эту песню и прослушала ее. Замечательная песня! До войны вышло 3 сборника её стихов, в 1939 году Елена Израилевна была принята в Союз писателей СССР. Работала литературным сотрудником в редакциях ленинградских журналов. В годы Великой Отечественной войны была сотрудником газеты народного ополчения «На защиту Ленинграда», с 1942 года входила в состав творческой группы ПУ Ленфронта, возглавляемой Н.С. Тихоновым. Автор сборника стихов «Над моей Невой», «Слово ленинградки», цикла «Стихи о Ленинграде» и др. Песни на стихи Е. И. Рывиной созданы В. П. Соловьёвым-Седым, В. К. Томилиным, Д. А. Прицкером, М. И. Чулаки и др. композиторами. Награждена медалями, в том числе «За оборону Ленинграда». На найденной мною фотографии конца 40-х – начала 50-х годов, Елена Израилевна запечатлена на городской трибуне во время праздничной демонстрации. Здесь хорошо видно, что она читает стихи, скорее всего свои. После войны вышел её единственный послевоенный сборник (в конце 60-х-начале 70-х годов). В старости у нее были серьезные проблемы со здоровьем (психическое расстройство). Погибла она под колесами электрички вблизи поселка Комарово – шла, читала стихи и не заметила поезд. Память о ней и ее творчестве хранит наша открытка – «Текст Е. Рывиной» (на оборотной стороне, внизу).

На оборотной стороне почтовой карточки «Блокада проведена!» содержится указание, что выпущена она 2-ой типографией Воениздата Народного Комиссариата обороны имени К.

МНОГОЛИКИЙ ПЕТЕРБУРГ

Ворошилова в 1943 году. Фотографию здания типографии, где выпускалась печатная продукция в период блокады, мне удалось обнаружить в Интернете. На переднем плане фотографии печатный станок типографии. Скорее всего, именно на таком станке была напечатана и наша открытка. Военное издательство являлось органом, осуществлявшим выпуск военной, военно-политической, военно-научной литературы. 25 октября 1919 года – дата создания литературно-издательского отдела политуправления Реввоенсовета Республики, задачей которого стало снабжение Красной Армии литературой. С 1931 по 1941 годы Воениздат выпустил 8250 изданий общим тиражом 332 млн. экземпляров! За 1941–1945 гг. было издано 22 140 наименований книг, брошюр, листовок, открыток общим тиражом 3276 млн. экземпляров. В нашем школьном музее находится еще одна открытка военной поры, выпущенная Воениздатом. Она называется «Вперед, на врага!». Такие открытки печатались для бойцов, так как указан обратный адрес: полевая почта. Еще до войны издательству было присвоено имя Климента Ефремовича Ворошилова, советского военачальника, государственного и партийного деятеля, участника Гражданской войны, одного из первых Маршалов Советского Союза. С 1925 года он занимал должность наркома по военным и морским делам, в 1934–1940 годах – наркома обороны СССР. Как видно из этих фактов он возглавлял военные ведомства, поэтому становится понятным, почему его имя было присвоено военному издательству. В 1953–1960 гг. Ворошилов – председатель президиума Верховного Совета СССР, дважды Герой Советского Союза, Герой Социалистического Труда.

На открытке указан номер заказа – 257. На нашей открытке цифры, указывающие номер заказа, видны не все – здесь угол немного оборван с обратной стороны. Установить эти цифры помогла Наталья Владимировна Балаченкова, руководитель музея в школе № 331 Невского района. Ее статья «Старые открытки – зеркало времени» была опубликована 20 февраля 2009 в районной газете «Славянка сегодня». В ней упоминается и уникальный экспонат музея школы № 331 – открытка «Блокада прорвана!», предмет моих исследований. Чтобы уточнить тираж, я связалась с Натальей Владимировной. Несмотря на большую занятость (Н. В. работает в школе библиотекарем и на избирательном участке) она рассказала мне о каталоге блокадных открыток, изданном известнейшим коллекционером открыток Александром Давидовичем Гдалиным. Этот каталог я увидела в книжном

МНОГОЛИКИЙ ПЕТЕРБУРГ

магазине на Невском проспекте. Сотрудники магазина любезно предоставили мне возможность рассмотреть это замечательное издание, в котором опубликованы около 1500 открыток. Здесь собраны почти все открытки, выпущенные в Ленинграде в период блокады. Рассматривая каталог, я отметила любопытный факт – в нем много рисованных открыток с видами блокадного города. От членов школьного музейного клуба «Блокада» я узнала, что фотограмирование было запрещено в блокадном городе. Возможно, запрет был введен для того, чтобы фото или сфотографированная открытка случайно не попали к немецким захватчикам, и они ничего не узнали о положении в городе, о городских объектах и т. п. Какие – то важные для военного времени объекты художники просто упускали, изображая только широко известные архитектурные памятники или пейзажи.

Стало понятным, почему большинство открыток с видами города – рисованные.

Очень захотелось узнать больше об открытках, размещенных в каталоге и о нашей «Блокада прорвана!» от специалиста в этой области. Трудно передать волнение, которое испытала, узнав, что смогу встретиться с Александром Давидовичем, который знает о блокадных открытках почти все. От него узнала, что эта открытка несколько раз переиздавалась – для фронта и для города. На открытках, выпущенных Воениздатом в период блокады, тираж не указывался. Однако на некоторых открытках с фотографиями известных артистов, выпущенных тогда же (очевидно, другими издательствами) иногда указана цифра – 25 тысяч. Возможно, это предельная цифра для печатных изданий в период блокады в городе.

Если предположить, что для города также было издано 25 тысяч открыток, то можно приблизительно вычислить, сколько человек могли приобрести в январе 1943 года открытку по случаю прорыва блокады города. После снятия блокады в 1944 году в городе осталось меньше 700 тыс. жителей. Можно предположить, что в 1943 году жителей в городе было немного больше (в том числе дети). Это значит, что приблизительно один человек из 35 мог приобрести такую открытку в блокадном городе.

Александр Давидович передал нашему музею свой замечательный каталог, над которым он работал вместе со своей женой – Маргаритой Романовной Ивановой.

В ходе дальнейшей исследовательской работы мне удалось посетить музей открытки в школе № 331 Невского района. Здесь хранятся уникальные открытки, выпущенные в 1943–1944 годах

в блокадном Ленинграде. В школьной библиотеке, на выставке были представлены не только книги о блокаде, но и замечательные открытки того периода. В основном виды блокадного города, нарисованные художниками, жившими и работавшими в Ленинграде в то далекое время. Увидела я на выставке и ту самую, такую теперь знакомую, такую узнаваемую, как «сестру – близнеца» нашей карточки – «Блокада прорвана!».

Старая почтовая открытка... Она явилась наиболее удобной и экономичной (с точки зрения расхода бумаги) формой передачи вестей. В условиях, когда страна испытывала острый недостаток бумаги, открытка оказалась просто бесценной. Открытка обладает целым рядом качеств, выгодно отличающих ее от других издательских средств, среди них – доступность и массовость. Открытка же, кроме того, достаточно быстро попадала на другой фронт, в глубокий тыл, в самые далекие уголки страны. Таким образом, наряду с доступностью и массовостью, открытка в военные годы была ценна своей оперативностью.

Скупыми художественными средствами наша открытка рассказала о великих и трагических событиях истории страны, нашего города. Она исполнила своеобразную роль весточки надежды. Да, именно надежды, ведь в ней более всего нуждались измученные блокадой люди. Я думала о том, как трепетно бились сердца тех ленинградцев, которые сражались на разных фронтах, когда они получали эту почтовую карточку. Родной город выстоял, он выживет!- такую весть открытка несла советским людям. Вместе с ленинградцами прорыву блокады радовалась вся страна. Это событие никого не оставляла равнодушным. Впереди еще целый год испытаний. Но маленькая весточка надежды, почтовая карточка «Блокада прорвана!», укрепляла уверенность в победе. Обо всем этом нам поведала открытка 1943 года – экспонат нашего музея.

Использованная литература и источники:

1. Балаченкова Н.В. Старые открытки – зеркало времени // Славянка сегодня. – 2009. – 20 февр.
2. Бойцы города-фронта : воспоминания ветеранов войск МПВО Приморского района Ленинграда. – СПб. : СПб ГИПТ, 2007.
3. Гдалин А.Д., Иванова М.Р. Сражающийся Ленинград. Почтовая открытка : энцикл. кат. – СПб. : Инфо-Да, 2007. – 527 с. : ил.
4. Рывина Елена Израилевна : [биография] // Bard.ru : [сайт]. – URL: http://www.bard.ru/html/Ryvina_E_.htm (дата посещения: 14.12.2011).
5. Музей истории школы. Ф. 106. Оп. № 1. № 229.

Ильин Федор

8 класс,

Вторая Санкт-Петербургская гимназия,

Адмиралтейский район

Юношеский Университет Петербурга

ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ»

Адреса жизни и деятельности лейб-медика Е. С. Боткина в Санкт-Петербурге и Ленинградской области

ВПЕРВЫЕ удалось документально подтвердить некоторые биографические сведения и адреса жизни и деятельности Е. С. Боткина в период 1890–1897 годов. После окончания Императорской Военно-Медицинской Академии лекарь Е. С. Боткин 20.01.1890 года определен на службу врачом ассистентом-интерном Санкт-Петербургской Мариинской больницы для бедных Ведомства учреждения Императрицы Марии.

Одна из старейших в городе больниц, открытая в 1805 году, сохранилась и расположена по адресу Литейный проспект, дом 56. Проект больницы был разработан придворным архитектором Джакомо Кваренги. Строительство началось 28 мая 1803 г. с закладки церкви Святого Павла. Двухэтажное больничное здание с церковью посередине, центральным коридором боковыми палатами было закончено весной 1805 г., открыта больница в день Святого Александра – 3 августа, то есть в день тезоименитства Императора. Больница была практической школой для молодых врачей Императорской Военно-Медицинской Академии, с 1814 года к уходу за больными были привлечены, так называемые, «сердобольные вдовы», затем – сестры милосердия, в том числе Георгиевской Общины сестер милосердия. Директором больницы в 1884 г. стал ученик С. П. Боткина – В. И. Альшевский. В документах 1895 года Владимир Иасонович Альшевский именуется действительным статским советником, Лейб-медиком Двора Его Императорского Величества.

На имя директора больницы В. И. Альшевского молодой лекарь Е. С. Боткин подал прошение от 03.01.1890 года: «Желая получить место интерна в Мариинской больнице для бедных, прошу Ваше Превосходительство сделать распоряжение о зачислении меня на оное», и получил резолюцию на прошении: «Лично

зная Господина Боткина, прекрасно подготовленного и усердного в занятиях молодого врача, ходатайствую у Господина Почетного Опекуна об определении его на должность врача-интерна, на имеющую открыться вакансию за отчислением врача Василевского. 05.01.1889. Директор Вл. Алышевский». Кроме того, в соответствии с установленным в России порядком на имя директора больницы врач-интерн больницы лекарь Е. С. Боткин 16.12.1890 года обратился с прошением «о разрешении вступить в первый законный брак с девицей, дочерью потомственного дворянина, домашнею наставницею Ольгой Владимировной Мануйловой»

Мариинская больница была практической школой для молодых врачей и кандидатов Военно-Медицинской Академии, которых называли ассистенты-интерны. При небольшом жалованье интерны имели при больнице стол и квартиру. Сведения о проживании Е. С. Боткина в Мариинской больнице отсутствуют. 27.12.1890 года Е. С. Боткин жил еще в доме Боткиных № 77 по Галерной улице. 09.01.1894 года в прошении на имя директора больницы «о принятии в число сверхштатных ординаторов» Е. С. Боткин указывает «жительство имею: по Манежному переулку в доме № 10 г. Еллинского, квартира 26». В 1894 году Е. С. Боткин проживал некоторое время в Царском Селе по адресу: 1 участок, Малая улица, дом Серглаева (?). Данный адрес указал на оттиске печати пристава о прописке с датой 28 сентября 1894 года на обороте свидетельства Мариинской больницы для свободного жительства.

Не возражая против вступления Е. С. Боткина в брак, директор больницы В. И. Алышевский направил письмо почетному опекуну, в котором указал: «Врач ассистент-интерн заведомой мною Мариинской больницы для бедных Боткин желает вступить в законный брак и потому оставаться в занимаемой должности не может. В виду сего, а также в высшей степени усердной и полезной службы Боткина ходатайствую у Вашего Сиятельства о перечислении его на одну из имеющихся вакансий сверхштатного врача».

Венчался Е. С. Боткин с О. В. Мануйловой 07.01.1891 года в церкви Святой Екатерины Императорской Академии Художеств.

Поданное 20.12.1890 года прошение директору сверхштатного ординатора больницы Е. С. Боткина об увольнении в отпуск за границу с научной целью на два года было удовлетворено, и Е. С. Боткин на собственный счет уехал на два года для продолжения образования. В 1895–1896 годах доктор медицины Е. С. Боткин был еще раз командирован за рубеж с научной целью, был «признан вполне достойным такой командировки», «быть направленным от

МНОГОЛИКИЙ ПЕТЕРБУРГ

больницы за границу с научной целью. Необходимые денежные средства для этого были предоставлены больнице с ведома почетного опекуна больницы дядей врача П. П. Боткиным – главой чайной фирмы «Петра Боткина и сыновей» в сумме две тысячи рублей за год. 10.04.1895 года Е. С. Боткин в ответ на принятые решения о командировке писал: «Принимая с благодарностью назначенную мне командировку за границу с научной целью, обязуюсь употребить время моего нахождения за границей для изучения внутренних болезней и бактериальных и представлять в Мариинскую больницу отчет о моих занятиях через каждые шесть месяцев». В 1897 году Е. С. Боткин впервые начинает свою врачебную деятельность в общинах сестер милосердия. Одна из крупнейших общин России – Свято-Троицкая Община сестер милосердия, состоявшая под высочайшим Ее Императорского Величества Государыни Императрицы покровительством, была образована 09.03.1844 года, то есть была первой в России. В 1844 году Общину приняла под свое покровительство супруга Николая I – Императрица Александра Федоровна. В 1873 года Община получила наименование Свято-Троицкой. Первоначально число сестер в Общине составляло 18 человек, а к концу XIX века – достигло 80, которые участвовали в Крымской, русско-турецкой, русско-японской, Первой мировой войнах. С больницей Общины сотрудничали известнейшие врачи – Н. Ф. Арендт, Н. И. Пирогов и другие. В 1897 году Е. С. Боткин обратился в Общину с просьбой о назначении его сверхштатным врачом амбулаторной лечебницы Общины. Начальница Общины В. Абаза уведомила Мариинскую больницу письмом от 31.10.1897 года № 172 о желании врача.

19.11.1897 года приказом Министерства внутренних дел Е. С. Боткин был назначен сверхштатным врачом амбулатории лечебницы Свято-Троицкой Общины сестер милосердия с оставлением в должности сверхштатного врача при Мариинской больнице. В документах Общины сообщается: «... в приеме больных и вообще в ведении медицинского дела, с самого начала взял в свое заведование Лейб-медик Профессор С. П. Боткин...». С. П. Боткин с 1871 года был консультантом Общины, почетным консультантом. При общине «возникла школа фельдшерниц, открытие которой последовало 8 октября 1874 года в присутствии профессора С.П. Боткина, которому принадлежала первая мысль об основании школы». По состоянию на 26 ноября 1895 года в личный состав Совета Управления Общины входил «депутат от Санкт-Петербургской Городской Думы, Действительный статский

МНОГОЛИКИЙ ПЕТЕРБУРГ

советник Михаил Петрович Боткин». По списку больничных кроватей Общины, на содержание которых внесено жертвователями по 3000 рублей, я подсчитал, что из 79 кроватей 4 кровати были учреждены в память А. А. Боткиной, П. П. Боткина, С. П. Боткина. Брат Е. С. Боткина – С. С. Боткин – во время русско-японской войны 1904–1905 годов – руководитель Красного Креста Северо-восточного района действующей армии.

С 01 января 1899 года высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 19 февраля 1899 года № 10 Е. С. Боткин назначен главным врачом Общины.

21 февраля 1879 года Общине был передан участок земли на Выборгской стороне, у Сампсониевского моста. По плану архитектора Садовникова здесь были построены три барака, каменное трехэтажное здание, иные постройки. По проекту архитектора Д. Д. Соколова сооружена церковь на 3 этаже главного здания во имя Великомученика Георгия Победоносца. В 1892 г. построено трехэтажное здание института для гидротерапии, электротерапии, массажа, врачебной гимнастики. Таким образом, появился больничный комплекс Общины. В настоящее время в построенном на месте главного здания Общины современном четырехэтажном здании на Пироговской набережной, дом 9, находится Филиал ОАО «ФСК–ЕЭС» – Магистральные электрические сети Северо-Запада.

В главном здании Общины по адресу Пироговская набережная, дом 7–9, Оренбургская ул., дом 4 (бывшая Сампсониевская набережная, дом 1) до 1908 года жила семья Е. С. Боткина.

В ответе на мой запрос заместитель председателя Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры А. А. Разумов 30.01.2012 года, в частности, сообщил: «В 1879 году Георгиевской общине сестер милосердия передали участок со старым зданием прачечной... По проекту архитектора Н. А. Мельникова в 1882 году здание прачечной было надстроено одним этажом. В нем разместились главные покои Георгиевской общины. Тогда же Н. А. Мельников выстроил два симметричных деревянных, на первом каменном этаже, больничных корпуса – Александровский и Мариинский «барак», обращенные к набережной Большой Невки. Через два года на территории общины был разбит сад... В 1886–1888 годах архитектором Н. В. Набоковым вдоль восточной границы был выстроен деревянный хирургический «барак»... В 1889–1892 годах по проекту архитектора П. И. Балинского возвели здание

МНОГОЛИКИЙ ПЕТЕРБУРГ

для научных исследований с водолечебницей и четырехъярусной водовзводной башней, сохранившейся до нашего времени... В 1906–1908 годах гражданский инженер Р. А. Берзен ... возвел кирпичный хирургический корпус, сохранившейся до наших дней... Главное здание общины, перестроенное из бывшей госпитальной прачечной, разобрали в 2003–2006 годах. Пришедшие в ветхость Александровский и Мариинский «бараки» разобрали еще раньше. В 2003–2005 годах на месте центральной части главного здания больницы, расположенной вдоль набережной Большой Невки, был возведен четырехэтажный дом австрийского бизнес-центра, архитектурный облик которого воспроизводит лицевой фасад старого здания (письмо КГИОП № 2-7615-1 от 14.11.2003 г.). Согласно Распоряжению КГИОП от 23.04.2010 года № 10-11, комплекс построек бывшей Больницы сестер милосердия св. Георгия Российского общества Красного Креста в составе: хирургический корпус с металлической оградой и палисадником (Оренбургская ул., 4, лит. И), здание для научных исследований (водолечебница) (Пироговская наб., 7, лит. А), сад (между зданиями с адресами: Пироговская наб., 7, корпус 1, лит. А и Оренбургская ул., 4, лит. И), – был включен в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ в качестве объектов культурного наследия регионального значения. Здание, расположенное по адресу: Санкт-Петербург, Пироговская наб., 9, не является объектом культурного наследия».

Я проверил эти сведения в ЦГИА по Историческому очерку Общины сестер милосердия Св. Георгия в Санкт-Петербурге за двадцатипятилетние 1870–1895. Они соответствуют сведениям очерка. В сведениях КГИОП имеется только одна неточность об архитекторе барачков. Им был С. Садовников, а не Н. А. Мельников. На стр. 16 Исторического очерка указано, что Александровский и Мариинский бараки больницы «построены по плану архитектора Садовникова... Строительная комиссия, трудами которой созданы новые помещения Общины, состояла из следующих лиц: полковника А. Ф. Матушевича... архитектора Н. А. Мельникова...». В ЦГИА СПб в деле «Планы, чертежи, сметы здания Общины Святого Георгия» на планах барачков имеется подпись «Архитектор Сергей Садовников 1879 IV», на документе об архитектурном надзоре за строительством читал: «Надзор за правильным производством работ со стороны Общины будет иметь архитектор Садовников». Часовня, построенная на южной границе участка (под «Монбланом»), правильно называлась «в

МНОГОЛИКИЙ ПЕТЕРБУРГ

память чудесного избавления Их Императорских Величеств и Августейших Детей от опасности при крушении Царского поезда 17-го октября 1888 года».

Удалось установить, что сохранилось здание одного из больничных барakov по адресу Оренбургская улица, дом 4, где идет ремонт. Уцелел Евгеньевский барак, названный в честь учредительницы Общины Ея Императорского Высочества Принцессы Е. М. Ольденбургской. Эти сведения совпадают с архивными данными. Например, в Фонде Общины хранится дело под названием «Евгеньевский павильон. Глазные и хирургические больные с 1909 по 1917 год». В баракe лечились платные больные (студенты, учитель, дочь полковника, преподаватели), но не менее 70–80 % больных составляли рабочие и малообеспеченные слои населения, медицинская помощь которым оказывалась бесплатно. Среди больных 1909 года – ломовой извозчик, столяр, черноработчий, торговец, домашняя хозяйка, типографщик, кухарка, маляр, бондарь, прислуга, столяр, кузнец, ученица прогимназии, машинист, дочь чернорабочего, вагоновожатый, няня, штукатур, поденщик и другие рабочие и малообеспеченные больные. В хирургическом павильоне хирургических больных возросло с 82 человек в 1909 году до 195 человек в 1913 году, а число больных глазного отделения с 42 человек в 1909 году до 136 человек в 1913 году. 01.07.1914 года отделение закрыто, а в открывшемся 30.08.1914 года отделении находились на излечении раненые и рабочие. Кроме того, в павильоне лечились и палатные больные, например, в хирургическом отделении в 1910 году находилось на лечении 116 больных.

Предполагаю, что кирпичный хирургический павильон был построен на месте деревянного хирургического барака, действительно расположенного в восточной части участка. Хирургический корпус правильно назывался «Хирургический павильон». Эта надпись размещалась по центру здания над вторым этажом со стороны Оренбургской улицы. Над третьим этажом – надпись «Община Св. Георгия». Я думаю, что надписи сохранились под штукатуркой. В архивном деле есть чертеж фасада с надписью «Хирургический павильон». Над первым этажом сохранилось лепное изображение Красного Креста. Кроме того, в Историческом очерке с гордостью сообщалось: «Наконец в том же 1884 году Община обогатилась весьма ценным приобретением в гигиеническом отношении. Между постройками Общины заключалось незанятое место, покрытое хламом и мусором от недавних работ.

МНОГОЛИКИЙ ПЕТЕРБУРГ

Трудами Почетного Члена Общины Д. С. С. Зиновия Ивановича Дегтярева этот пустырь превращен в приветливый, прекрасный сад, служащий в настоящее время местом отдохновения сестрам и выздоравливающим больным и придавший всему участку, занятому зданиями Общины, веселый, приятный вид».

12.02.2012 года, я осмотрел сохранившиеся деревья из-за ограды, так как во двор меня не пустили. В палисаднике есть 2 дерева, диаметром ствола около 30 см, 3 дерева, диаметром 15–20 см, от 8 до 10 деревьев, диаметром до 10 см. В саду я сосчитал 12 деревьев, диаметром более 40 см, от 8 до 10 деревьев меньшего диаметра, а около дома № 9 – 5 дубов, диаметром ствола около 50 см. Я сообщил данные сведения в письме председателю КГИОП, так как опасаясь, что при ремонте могут быть уничтожены надписи, лепное изображение Красного Креста, сад и палисадник. В ответе КГИОП от 30.01.2012 года указано, что согласно Распоряжению КГИОП от 23.04.2010 года № 10–11, сад и палисадник были включены в единый государственный реестр в качестве самостоятельных объектов культурного наследия регионального значения.

На Портале Администрации Санкт-Петербурга указано, что в соответствии с Адресной программой капитальных вложений по объектам городского хозяйства за счет бюджета Санкт-Петербурга осуществлялась реконструкция здания по адресу: Оренбургская улица, д. 4, для государственной стоматологической клиники. Я надеялся на то, что при реконструкции можно будет разместить в помещениях поликлиники экспозицию об истории Хирургического павильона, о Евгении Боткине, который в 1899–1908 гг. был главным врачом Общины, при котором построен павильон и который 8 лет жил в главном здании в служебной квартире, о почетной председательнице Общины Принцессе Евгении Ольденбургской. Я предлагал установить здесь мемориальную доску и думал, что стоматологической клинике можно было бы присвоить имя «Евгеньевской» в честь Евгения Боткина и Евгении Ольденбургской.

Однако, как я прочитал в Интернете, в 2010 году было принято Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 09.08.2010 года № 1052 «О приспособлении для современного использования здания по адресу: Оренбургская улица, д. 4, литера И под гостиничный комплекс». С моей точки зрения, это необоснованное решение. Рядом находится гигантская гостиница – «Санкт-Петербург». Я опасаясь, что в ходе «приспособления» здание Евгеньевского Хирургического павильона будет сильно

повреждено или искажено, как, например, здание на Пироговской наб., д. 9. Исчезнет памятник культуры, исчезнет лепнина с изображением Красного Креста, надпись под штукатуркой «Община Святого Георгия. Хирургический павильон» будет уничтожена. Деревья сада, которые мешают строительству, уничтожат. По чертежам, входы в здание были только со двора, а это неудобно для гостиницы. Подъезд возможен только через памятник – сад. Все окна здания, выходящие на Оренбургскую улицу, сегодня выйдут на расположенный в 20–30 метрах уродливый теплокомплекс, а с юга – на лестницы уродливого «Монблана», построенного на фундаменте часовни.

Автору удалось найти Формулярный список о службе почетного консультанта Общины сестер милосердия Св. Георгия, Лейб-медика Его Величества, Совещательного члена военно-медицинского ученого комитета доктора медицины действительного статского советника Е. С. Боткина. Впервые удалось проследить путь Е. С. Боткина по 1 марта 1909 года. 20 января 1890 года определен врачом ассистентом-интерном Мариинской больницы для бедных, где работал до 01 января 1899 года, 27 марта 1891 года назначен сверхштатным врачом с откомандированием за границу с научной целью. С 1 июня 1892 года по 29 декабря 1893 года работал врачом в Придворной Певческой Капелле. Постановлением Конференции Императорской Военно-Медицинской Академии 08 мая 1893 года удостоен степени доктора медицины, 12 мая 1897 года звания приват-доцента по внутренним болезням с клинкою. Постановлением Совета управления Общины 25 мая 1908 года Боткин избран почетным консультантом Общины и почетным членом-благотворителем, утвержден в званиях Императрицей Марией Федоровной. С 2 февраля 1904 года по 3 октября 1905 года состоял в должности помощника главноуполномоченного Красного Креста при действующих армиях по медицинской части, затем по южному району, побывал в бою, автор книги «Свет и тени Русско-японской войны», в которой проявляется талант духовного писателя.

В списке лиц, представляемых к наградам, испрашиваемым за выдающиеся служебные отличия по Общине Святого Георгия, в числе лиц, представленных к награждению орденом Святой Анны II степени, указан Е. С. Боткин. К награде врач представлялся с формулировкой: «Отлично-усердной и полезной службой, опытным руководством врачами и сестрами в деле лечения и ухода за больными и сердечным отношением к больным постоянно

обращает на себя внимание начальства. Сверх прямых обязанностей по должности главного врача безвозмездно заведывает вновь открытой при Общине в 1900 году платной лечебницей». Найдены грамоты о награждении Е. С. Боткина орденами Святого Владимира IV степени с мечами от 06 октября 1904 года, от 5 марта 1899 орденом Святой Анны III степени, от 19 апреля 1902 года Святой Анны II степени.

Как указано в архивном деле «О командировании сестер милосердия Общины в Александровский госпиталь в Софии в 1900 году» в 1900 году Е. С. Боткин сопровождал пять сестер милосердия, командированных в Болгарию в единственный Александровский госпиталь в Софии. Как сообщалось в письме Красного Креста, ежедневный уход за больными в госпитале находился в «первобытном состоянии». В донесении российского дипломатического агента в Болгарии Бахметева на имя Управляющего МИД В. Н. Ламздорфа от 3.08.1900 года сообщалось: «Доктор Боткин пробыл здесь две недели и неусыпно работая для ознакомления сестер со столь новыми для них условиями, а также, что еще важнее, для ознакомления докторов с деятельностью сестер, заслужил всеобщую благодарность и уважение. Весь врачебный корпус встретил и проводил его с величайшим почетом и неподдельной симпатией».

В связи с врачебной деятельностью главный врач Общины Е. С. Боткин посещал инвалидные дома и больницу Георгиевской Общины сестер милосердия в Дудергофе (в настоящее время – поселок Можайский, пр. 25 Октября, дома № 99, 101, 103, 105. Сохранились три деревянных инвалидных дома, постройки 1879-83 гг., архитектора В. И. Токарева, здание онкологической больницы Общины, архитектора Г. И. Люцедарского, построенной в память сестры-настоятельницы Е. П. Карцовой, умершей от рака. Инвалидные дома признаны памятниками местного значения, а больница – федерального значения.

Использованная литература и источники:

1. ЦГИА СПб. Ф. 14 (Петроградский Университет). Оп. 3. Д. 20558. 1879 г.; Оп. 3. Д. 21591. 1881 г.; Оп. 3, Д. 22261. 1882 г.
2. ЦГИА СПб. Ф.19 (Петроградская духовная консистория). Оп. 74. Д. 8. 1882 г. О разрешении на постройку домовою Петропавловской церкви в его имени Култилла и на освящение её.
3. ЦГИА СПб. Ф.174 (Петроградская Вторая мужская гимназия). Оп. 1. Д. 3415. 1879 г.; Оп. 1. Д. 3430. 1879 г.; Оп. 1, Д. 3474. 1880 г. Журнал об успехах и поведении учеников за 1880/1881 уч. год.; Оп.

МНОГОЛИКИЙ ПЕТЕРБУРГ

1. Д. 3504. 1881 г.; Оп. 1. Д. 3514. 1882 г. Об испытаниях зрелости в 1882 году; Оп. 1. Д. 3526. 1882 г. Журнал об успехах и поведении учеников за 1882/1883 уч. год; Оп. 1, Д. 3558. 1883 г. Общий список пансионеров, полупансионеров и приходящих учеников Второй Санкт-Петербургской гимназии на 1883 год; Оп. 1. Д. 3585. 1884 г. Общий список пансионеров, полупансионеров и приходящих учеников Второй Санкт-Петербургской гимназии на 1884 год; Оп. 1. Д. 3596. 1885 г.; Оп. 1, Д. 3639. 1886 г.; Оп. 1. Д. 3650. 1886 г.; Оп. 1. Д. 3651. 1886 г. Журнал об успехах и поведении учеников за 1886/1887 уч. год; Оп. 1. Д. 3656. 1887 г.; Оп. 1. Д. 3671. 1887 г.; Оп. 1. Д. 3683. 1887 г.
4. ЦГИА СПб. Ф. 206 (Петроградская Мариинская больница для бедных 1812–1916 г.). Оп. 1. Д. 246. 1894 г. О службе сверхштатного врача Евгения Сергеевича Боткина.
5. ЦГИА СПб. Ф. 254 (Петроградское губернское правление). Оп. 1. Д. 5276. 1891 г. Рубрика С.П. Боткин. О разрешении опекунам над имуществом продать его гатчинскую дачу и дом в Петербурге.
6. ЦГИА СПб. Ф. 403 (Община сестер милосердия Святого Георгия). Оп. 1. Д. 3. 1870 г.; Оп. 1. Д. 49. 1885 г.; Оп. 1. Д. 118. 1899 г.; Оп. 1. Д. 125. 1900 г.; Оп. 1. Д. 137. 1902 г.; Оп. 1. Д. 138. 1902 г.; Оп. 1. Д. 147. 1903 г.; Оп. 1. Д. 189. 1909 г.; Оп. 1. Д. 263; Оп. 1. Д. 277. 1898–1909 годы; Оп. 1, Д. 327 1912–1914 годы.
7. ЦГИА СПб. Ф. 515 (Петроградское городское кредитное общество). Оп. 1. Д. 3020. 1872 г.; Оп. 1. Д. 3166. 1873 г.
8. РГИА. Ф. 472. Оп. 66. Д. 74. 1908 г. Паспорт О.В. Боткиной.
9. ЦГВИА. Ф. 1. Оп. 1. т. 43. Д. 77718. 1913 г. О переводе подполковника Боткина в Приморский драгунский полк.
10. Бабарицкий М. и др. История здания больницы Общины сестер милосердия Святого Георгия // Портрет Петербургского дома : сб. материалов культурно-исторической акции «Страницы истории Петербурга. Столетие Вашего дома». – СПб., 2009.
11. Белоголовый Н.А. Из моих воспоминаний о Сергее Петровиче Боткине // Московский университет в воспоминаниях современников : сборник / сост. Ю.Н. Емельянов. – М. : Современник, 1989. – 735 с.
12. Боткина Е.С. Свет и тени Русско-японской войны 1904-5 гг. (из писем жене). – СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1908. – 95 с.
13. Боткина Т.Е. Царский Лейб-медик. Жизнь и подвиг Евгения Боткина. – СПб. : Царское Дело, 2010. – 536 с.

Столбова Екатерина

11 класс, 160 школа,
Красногвардейский район,
историко-краеведческий клуб
«Петрополь»
ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ»

От Франсуа (Франца) к Арману. История консервной династии Азиберов

Как-то, работая над докладом по географии, посвященном исследователям русского Севера, я заинтересовалась историей, связанной с кладом геолога Э. В. Толля. Во время Русской Полярной экспедиции по «Таймырии» в 1900 году он оставил ряд продуктовых складов, но одним из них не воспользовался. Этот склад и был назван кладом Толля. В 1973 году его нашел отряд полярной научно-спортивной экспедиции «Комсомольской правды». Внутри было обнаружено 48 банок мясных консервов с надписью: «Щи с мясом и кашею, 48 порций. Ф. Азибер. С.Петербург». Больше всего меня поразило то, что продукты, находившиеся в банках, оказались неиспорченными [1].

Заинтересовавшись, я решила поискать в Интернете информацию о фабрике. Мне стало известно, что фабрика пищевых консервов Ф. Азибера стала первой выпускать отечественные жестяные консервы по способу французского повара Аппера, поставляла мясные и мясорастительные консервы русской армии, а в 1900 году была удостоена Большой золотой медали на выставке в Париже [2]. В результате работы с различными публикациями в Интернете [3, 4, 5], мне удалось найти сведения, касающиеся, в основном, общей истории развития консервного дела в России. Удалось также выяснить, что родственником Азиберов был известный художник Павел Филонов. Самую ценную информацию о фабрике Азибера я нашла на сайте «Citywalls» и сайте издательского дома «Коммерсантъ» [6, 7].

Необходимо отметить, что при работе с Интернет-источниками уделялось особое внимание проверке информации, содержащейся на сайтах. По этой причине в работе использованы преимущественно официальные сайты предприятий и периодических изданий (сайт издательского дома «Коммерсантъ», официальный сайт Павла Филонова, официальный сайт компании

«Атлантис-Пак», сайт Первого канала и др.), сайты Российского государственного исторического архива, Российской национальной библиотеки, Центрального архива кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга, «Энциклопедии Санкт-Петербурга» и др. Вся информация, обнаруженная в сети Интернет, перепроверялась и уточнялась в ходе анализа литературы и источников.

Дальнейшая работа проходила в Центральной городской публичной библиотеке им. В. В. Маяковского. Там мне удалось познакомиться с интересными материалами, посвященными Францу Азиберу и его консервной империи: книгой «Иностранцы и их потомки в Петербурге: немцы, французы, британцы» А. Н. Чесноковой (СПб., 2003) и альманахом А. С. Шустова «Санкт-петербургское купечество и торгово-промышленные предприятия города к 200-летию юбилею столицы» (СПб., 1903). Эти материалы содержали много сведений об истории создания фабрики, но в то же время, я столкнулась с противоречащими друг другу фактами и разночтениями. Например, во всех источниках [8, 9, 10] сказано, что фабрика была основана в 1862 году, но в них же говорится о том, что дома 42–44 по Петергофскому проспекту, официальный адрес фабрики, был перестроен только в 1887–1889 годах архитекторами Ю. Ю. и А. Н. Бенуа. Таким образом, непонятно, где в течение 27 лет находилась фабрика. Кроме того, мне встретились неточности, связанные с тем историческим периодом, когда на Петергофском проспекте, д. 44 жил великий русский художник Павел Филонов. Арман Азибер был вторым мужем его родной сестры, Екатерины Фокиной – Азибер (Филоновой), поэтому в 1915 году художник написал портрет Армана Азибера с сыном Рене. Однако мне не удалось найти информации о том, писался портрет с натуры или же с фотографии, потому что год, когда фабрикант ушел добровольцем на фронт, не указан [11].

Обратив внимание на имеющиеся в интернет-материалах и публикациях противоречия и разночтения, я поняла, что «Пищевых консервов для войск фабрика» хранит в себе еще много загадок, и захотела попытаться их разрешить. Это и послужило причиной выбора истории фабрики по производству мясных консервов Азибера в качестве темы работы. Дальнейший поиск материалов исследования привел меня в Российскую национальную библиотеку (далее – РНБ). Там я познакомилась со многими интересными справочниками и публикациями: книгой М. Туган-Барановского «Русская фабрика в прошлом и настоящем» (1907), диссертацией на степень доктора медицины Д. В. Тяжелова «Материалы к вопросу

о питательности жестяночных консервов Азибера» (1889), книгой К. И. Кольберга «Значение консервной промышленности для России» (1895), справочниками «Статистические сведения о фабриках и заводах в Санкт-Петербурге» (1889–1892), «Справочными книгами о лицах Санкт-Петербургского купечества, получивших купеческие свидетельства по 1-ой и 2-ой гильдиям на право торговли» (1862–1916). При изучении приведенной в них информации о владельцах консервной фабрики на Старопетергофском пр., д. 42 в период с 1889 по 1903 год меня ждал сюрприз. Владелец фабрики в этот период времени значился то Франсуа, то Франц Азибер. При этом разногласия в имени могли встретиться даже в одном томе справочника (далее – просто Ф. Азибер, так как неизвестно, какой из вариантов написания имени правилен). Также удивили и справочники «Статистические сведения о фабриках и заводах в Санкт-Петербурге» за 1862–1867 гг. Ни в одном из них не указано ни одно предприятие, производящее мясные консервы, хотя официальная дата основания фабрики Ф. Азибера – 1862 год [12].

Чтобы уточнить адрес фабрики, а также личный адрес семьи Азиберов я ознакомилась с Адресными книгами Санкт-Петербурга 1863 и 1868 годов в РНБ, но, к сожалению, ничего, связанного с Азиберами, в них обнаружить не удалось. Затем, в надежде найти какую-либо информацию об адресах фабрики, я просмотрела «Путеводитель по Петербургу» Р. С. Попова за 1886 год и «Петербург весь на ладони» В. Михневича за 1874 год. В ходе работы с этими источниками было установлено два ранних адреса фабрики, не указывающиеся в общеизвестных источниках и энциклопедиях, содержащих лишь обзорные статьи о консервном производстве Азибера.

Работа была продолжена в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб). Больше всего информации удалось получить из фонда 260 и фонда 515. В результате работы в ЦГИА СПб удалось узнать точную дату основания фабрики Ф. Азибера [13], уточнить все адреса фабрики на протяжении ее существования [14, 15, 16, 17], год смерти Ф. Азибера, ознакомиться с чертежами и планами домов 42 и 44 по Петергофскому проспекту [18, 19, 20]. При работе с документами ЦГИА СПб, как и при работе с документами РНБ, тоже пришлось столкнуться с тем, что Ф. Азибер указывается то как Франц [21], то как Франсуа [22] Азибер, а иногда даются сразу оба имени [23] (одно – в скобках). Также есть разные варианты его отчества: Францевич [24] и Степанович [25]. А в одном источнике он даже указан не как Азибер, а как Зибер [26]. Скорее

всего, это говорит о халатности чиновников того времени.

В России производством консервов начали заниматься позже, чем в других странах. Созданный для полярной экспедиции Ломоносовым «сушенный суп со специями и без специй» был недолговечным и невкусным, поэтому производству пищи длительного хранения продолжили только через столетие. Император Александр II решил, что одной из главных причин поражения в Крымской войне (1853–1856 гг.) стало отсутствие нормального продовольствия – в течение всей войны солдат кормили лишь сухарями и прокисшей квашеной капустой, поэтому вскоре после окончания войны начались исследования для выявления пригодных для русской армии консервов [27]. Однако с исследованиями не торопились, поэтому всерьез о консервах заговорили в техническом комитете Интендантского управления только в 1869 году. Выдачу мясных консервов экспедиционному корпусу тогда сочли преждевременной, поскольку к изучению их свойств приступили лишь несколько месяцев назад, когда закупили партии консервов в Соединенных Штатах Америки и Австралии [28]. И в следующем году Санкт-Петербургская Военно-медицинская академия по поручению интендантства [29] приступила к изучению продукции отечественных производителей.

В 1870 году, когда начались исследования российских консервов, технический комитет предложил французскому фабриканту Ф. Азиберу, наладившему в российской столице Санкт-Петербурге производство консервов по способу Аппера в 1862 году, изготовить образцы консервов: вареной и жареной говядины, баранины, рубленого мяса и жидкого бульона. Образцы успешно прошли испытание в войсках и петербургских госпиталях. Все консервы кроме рубленого мяса оказались годными 5–6 лет [30]. Поэтому кроме 25.000 порций немецкого либихского экстракта для Хивинской экспедиции (1873 г.) Азибером были заготовлены растительные консервы: 53.000 порций щей с кашей, 25.000 квашеной капусты, 7.900 порций сухих щей, 2.000 порций горохового супа, 28.500 порций сухой картофельной крупы. Немецкие мясные консервы не пришлись солдатам по вкусу, но зато вкус растительных консервов Азибера был ими высоко оценен [31].

Однако в 1875 году в Санкт-Петербурге образовалось Высочайше утвержденное акционерное общество «Народное продовольствие», которое тоже хотело получить долгосрочный армейский контракт [32]. В отличие от Ф. Азибера, производившего консервы по способу Аппера, там производство шло по способу А.

Данилевского. Он очень напоминал американский способ засахаривания мяса и заключался в следующем: сначала рубили туши, потом срезали мясо, варили его. Затем в специальном барабане мясо обваливали в казеине, извлеченном из творога, а затем высушивали и выкладывали в жестянки. Герметичная упаковка и пастеризация при высокой температуре не были предусмотрены, поэтому вкус таких мясных консервов выгодно отличался от несколько раз сваренных у Азибера. Огромный военный заказ на изготовление 7,5 миллионов порций консервов ежегодно в течение десяти лет в итоге получило общество «Народное продовольствие», потому что Интендантское ведомство предпочло русского производителя компании, принадлежащей иностранцу. Но во время Русско-Турецкой войны (1876–1877 гг.) обнаружилось, что количество испорченных консервов «Народного продовольствия», основных консервов армии, доходило до 90%, а Азибера, которых было взято немного для подстраховки, – всего лишь 1–2%. Кроме того, их консервы были малопитательны и расстраивали пищеварение солдат [33]. Была назначена комиссия из депутатов от войск округа для рассмотрения вопроса о консервах «Народного продовольствия». В результате контракт с «Народным продовольствием» был расторгнут [34], и началась эпоха расцвета для «Пищевых консервов для войск фабрики» Ф. Азибера.

К 1878 году фабрика Ф. Азибера существовала уже больше 15 лет. Однако ее первоначальная деятельность была связана с консервированием не мяса, а овощей, фруктов и грибов. Кроме этого, до 1877 года на фабрике производились концентрированный кофе, абрикосовый мармелад и смородиновый сок без сахара [35]. Когда Ф. Азибер стал консервировать мясо, основными видами консервов были: щи с мясом и кашею, горох с мясом, жареная говядина и гороховая похлебка [36]. То есть, начав производить мясные консервы, от растительных компонентов фабрикант не отказался.

Если консервирование фруктов, овощей и грибов удовлетворял способ консервирования, изобретенный во Франции больше пятидесяти лет назад, то для консервирования мяса явно нужно было что-то более современное. Поэтому способ Аппера был заменен на улучшенный способ Фастье. При нем продукты варились в течение 1–2 часов при температуре в 100 градусов, разделялись на порции, укладывались в цилиндрические жестянки, закрывались жестяными крышками и запаивались на особо приспособленном станке. После этого, банки 2 часа стерилизовались посредством нагревания в концентрированном растворе поваренной

соли, так как он кипит только при 115 градусах, а не 100 [37]. В 1880–81 годах был получен заказ на производство консервов в Ахаль-Текинскую военную экспедицию [38]. Через год контракт о производстве мясных и мясорастительных консервов был продлен, но общественность негодовала, так как все еще не доверяла иностранному производителю. Чтобы не возникало подозрений, с 1882 по 1886 год было написано 4 исследовательских работы о химическом составе и усвояемости консервов Азибера (работы В. А. Солнцева, К. Г. Чакалева, В. В. Липского, М. И. Полетики [39]).

За годы существования «Пищевых консервов для войск фабрика» поменяла ни один адрес: в 1863–74 гг. находилась в доме 22 по Петергофскому проспекту [40], в 1874 году – в доме Стрельцовой на Нарвском проспекте, 31 [41], а в 1886 году на Петергофском проспекте, 20, корпус 2 [42]. Постоянное здание у фабрики появилось лишь в 1889 году, когда Ф. Азибер выкупил дом 42 по Петергофскому проспекту у Дмитрия Григорьевича Гуслистого [43]. Здание было перестроено в стиле казенного неоклассицизма архитекторами Юлием и Александром Бенуа [44]. Ими же двухэтажное здание было также перестроено в 1893 году. А в 1909 году, когда Арман Азибер выкупил у Федора Григорьевича Гуслистого и дом 44 по Петергофскому проспекту, инженер Владимир Козмин совершил перестройку домов 42 и 44. Вопреки мнению некоторых источников [45], он лишь изменил внутреннюю планировку здания под доходный дом, а не надстраивал еще 2 этажа – это было сделано в советское время [46, 47].

«Пищевых консервов для войск фабрика» участвовала во многих выставках, и не просто участвовала, а получала высшие награды, что говорит о высоком уровне производства и качества консервов Азибера. Знаковым событием стала Всероссийская Промышленная и Художественная выставка в Нижнем Новгороде в 1896 году, где Ф. Азиберу было присуждено право изображение государственного герба. На всемирных выставках фабрика тоже получала призы: на Всемирной выставке в Вене в 1873 году медаль за успехи, на выставке Международной гигиены в Брюсселе в 1876 году ей был присужден почетный отзыв, а на Парижской Всемирной выставке в 1900 году – большая золотая медаль [48]. К 1903 году, когда армейские заказы становились все больше, фабрика перешла на заказы только от военного ведомства, окончательно прекратив сбывать продукцию на рынки [49]. К тому моменту производство было доведено фактически до совершенства: был введен двухнедельный отстой банок в штабелях после выпуска для отделения вздутых банок с бактериями

от качественных [50]. Неудивительно, что консервы, произведенные на фабрике Азибера перед Первой Мировой войной (1914–1918 гг.), использовались и во время Гражданской (1917–1923 гг.), а потом настолько понравились советскому руководству, что по рецептам Азибера производство шло вплоть до 1930-х годов [51].

Следующим вопросом, на который предстояло найти ответ, была дата смерти Ф. Азибера. Удалось установить, что он умер в ноябре 1903 года [52], а Арман Азибер получил наследство, по меркам того времени, очень быстро – 13 декабря 1903 года [53]. К сожалению, разобрать точную дату смерти Ф. Азибера не удалось, так как документ – рукописный, почерк писавшего – непонятный, а чернила – выцветшие. Кроме того, некрологов в газетах на его смерть мне обнаружить не удалось. К несчастью обнаружилось, что, начиная с 1906 года, дела фабрики шли не очень хорошо, и Арману Азиберу пришлось брать в долг у купца Клауса Леонтьевича Розенберга 55 тысяч рублей, огромную по тем временам сумму, на три года [54]. А потом, пытаясь расплатиться с долгами, даже отдать ссуду на продажу со всеми долгами д. 42 по Петергофскому проспекту [55]. Кроме того мне удалось выяснить, что Арман Азибер ушел добровольцем на фронт в августе 1914 года, а пропал без вести во время Второго Марнского сражения [56]. То есть можно считать, что последний фабрикант «Пищевых консервов для войск армии» исчез между 15 июля – 5 августа 1918 года.

Удалось найти сведения и о жене Армана Азибера, Екатерине Николаевне Фокиной-Азибер. В ее паспорте за 1915 год указано, что ей 39 лет. Значит, она родилась в 1876 году. Более того, Екатерина Николаевна, бывшая до замужества русской подданной, благодаря замужеству стала француженкой [57]. Также в ходе исследования я с удивлением обнаружила, что, начиная с 1914 года, фабрики уже не существовало [58, 59]. То есть удалось узнать точные даты существования Фабрики Пищевых Консервов для войск: 1862–1914. Это подтверждает и то, что в Интендантском журнале за 1914 год никаких сведений о поставках на фронт от Азибера нет [60].

Особый интерес у меня вызвала история семьи Азибера после революции 1917 года. В отличие от многих иностранных граждан, живших в достатке, Екатерина Николаевна Фокина-Азибер и Рене Арманович Азибер остались жить в России до эмиграции в 1930-х годов во Францию [61]. В 1918–1919 годах, вернувшись с фронта, в доме 44 на Петергофском проспекте вместе с ними жил Павел Филонов [62]. Само семейство жило в этом доме до 1922 года, когда в соседнем доме 42 разместился Нарвско-Петергофский райисполком.

Кроме того, в 1922 году в доме 42 находилось Нарвско-Петергофское военное отделение при районном управлении милиции [63]. К сожалению, пока у меня нет сведений о том, где жила Екатерина Николаевна с сыном до эмиграции во Францию. Но сохранился семейный портрет с Екатериной Фокиной-Азибер и ее сыном Рене, датированный 1924 годом кисти Павла Филонова, поэтому можно утверждать, что после 1922 года они еще жили в России.

В заключение я хотела бы сказать, что, чем больше я узнавала в процессе исследования о Ф. и Армане Азиберах, тем больше меня восхищали эти люди, которых можно назвать уникальными фабрикантами, талантливыми предпринимателями и менеджерами. Они смогли сделать фабрику с персоналом в 30 человек единственным поставщиком мясных консервов для российских войск и к Русско-Японской войне довести технологию производства мясных консервов фактически до совершенства. Как фабрикант, каждый из них четко понимал, что только техническое переоснащение производства может создать благополучие предприятию: введение двухнедельного отстоя банок в штабелях после выпуска для отделения вздутых банок с бактериями от качественных, использование передовой и абсолютно новой для России технологии Аппера, улучшенной ученым Фастье, которая использовалась при производстве консервов в СССР вплоть до середины 1930-х годов, – вот лишь несколько из множества инноваций, которые они применяли на своих производствах. Все это доказывает, что династия Азиберов действительно состояла из талантливых предпринимателей и прогрессивных людей своего времени. Более 140 лет назад Ф. Азибер открыл дело, история которого удивляет и поныне, а его оригинальные идеи можно использовать и в современном бизнесе.

Использованная литература и источники:

1. Крылова В.Б. Результаты экспедиции : акт выемки продуктов, заложенных на длительное хранение в условиях вечной мерзлоты на мысе Депо полуострова Заря (Таймыр) // Клуб «Приключение» : [сайт]. – М., 2004. – (Клад Эдуарда Толя : науч. экспедиция на полуостров Таймыр). – URL: http://www.shparo.ru/Toll/toll_results.htm (дата обращения: 12.12.2012).
2. http://www.atlantis-pak.ru/ru/about/M_Delo/detail.php?ID=1340 (дата обращения: 12.12.2012).
3. <http://promarc.ru/pfk/>
4. Черный А.Ф. «Посеребри баночку дорогой!» // Ulan GmbH : [сайт]. – Хуттенхайм, 2005. – URL: <http://www.ulan.de/products/ads/statija.pdf> (дата обращения: 12.12.2012).

МНОГОЛИКИЙ ПЕТЕРБУРГ

5. Гениальное просто! : изобретения полезные и просто приятные / ред.-сост. А. Соловьев, В. Башкирова : под общ. ред. В. Дорофеева. – М. : Коммерсантъ : Эксмо, 2011. – 240 с. ; То же [Электронный ресурс]. – URL: http://wap.fictionbook.ru/author/litagent_kommersant/genialnoe_prosto/read_online.html?page=1 (дата обращения: 12.12.2012).
6. <http://www.citywalls.ru/house9667.html?highlight=%E1%E0> (дата обращения: 12.12.2012).
7. Кузнецова С. Еда победы // Коммерсантъ Деньги. – 2007. – № 6 (19 февр.). – URL: <http://www.kommersant.ru/doc/743760> (дата обращения: 12.12.2012).
8. Чеснокова А.Н. Иностранцы и их потомки в Петербурге. – СПб., 2003. – С. 198.
9. Кузнецова С. Указ. соч.
10. Барышников М. Н. Деловой мир Петербурга. – СПб., 2000. – С. 355.
11. Филонов : художник. Исследователь. Учитель : в 2 т. – М. : Агей Томеш, 2006. – Т. 1. – С. 42.
12. Барышников М. Н. Деловой мир Петербурга : ист. справ. – СПб. : Logos, 2000. С. 35.
13. ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 578. Л. 22.
14. Там же. Ф. 260. Оп. 1. Д. 100. Л. 758.
15. Там же. Д. 132. Л. 90.
16. Там же. Ф. 515. Оп. 1. Д. 3855. Л. 122.
17. Там же. Д. 5876. Л. 65.
18. Там же. Оп. 4. Д. 5891. Л. 11-12.
19. Там же. Л. 48-52.
20. Там же. Д. 5893. Л. 2.
21. Там же. Оп. 1. Д. 3855. Л. 63.
22. Там же. Д. 578. Л. 3.
23. Там же. Д. 3855. Л. 92.
24. Там же. Ф. 260. Оп. 1. Д. 132. Л. 90.
25. Там же. Ф. 515. Оп. 1. Д. 3855. Л. 67а.
26. Там же. Ф. 260. Оп. 1. Д. 100. Л. 152.
27. Соловьев А., Башкирова В. Хлеб и зрелища // Гениальное просто! – М., 2011. – С. 8.
28. Флоринский В.А. Питательное значение консервов Миллера : дис. на степень д-ра медицины. – СПб. : Паровая скоропеч. А.В. Пожаровой, 1889. – С. 3.
29. Интенданство – военное учреждение, в ведении которого находится снабжение войск.
30. Тяжелов Д.В. Материалы к вопросу о питательности жестячных консервов Азибера : дис. на степень д-ра медицины. – СПб. : тип. И.Н. Скороходова, 1889. – С. 4.
31. Флоринский В.А. Указ. соч. – С. 4.

МНОГОЛИКИЙ ПЕТЕРБУРГ

32. Белов А.И. Производство и транспорт консервов. – М. : «Русская» типо-лит., 1891. – С. 15.
33. Флоринский В.А. Указ. соч. – С. 4.
34. Там же. – С. 5.
35. Шустов А.С. Санкт-Петербургское купечество и торгово-промышленные предприятия города к 200-летию юбилею столицы : ил. альм. – СПб., 1903. – Ч. 2. – С. 2.
36. Тяжелов Д.В. Указ. соч. – С. 7.
37. Там же. – С. 6.
38. Солнцев В.А. Пищевые консервы для войск. – СПб. : : тип. Деп. уделов, 1887. – С. 14.
39. Тяжелов Д. В. Указ. соч. – С. 4.
40. ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 578. Л. 3.
41. Михневич В.О. Петербург весь на ладони. – СПб. : К.Н. Плотников, 1874. – С. 479.
42. Попов Р.С. Путеводитель по Петербургу. – СПб., 1886. – С. 319.
43. ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 3855. Л. 4.
44. <http://www.citywalls.ru/house9667.html?highlight=%E1%E0>
45. <http://promarc.ru/pfk/>
46. ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 4. Д. 5891. Л. 31-34.
47. Там же. Д. 5893. Л. 4.
48. Шустов А.С. Указ. соч. – С. 2.
49. [Изготовление мясных консервов в России]. – СПб. : тип. Л. Смольянинова, 1903. – С. 2.
50. Соловьев А., Башкирова В. Указ. соч. – С. 9.
51. Зотов В. П. Пищевая промышленность в предвоенные годы и во время Великой Отечественной войны // Вопр. истории. – 1972. – № 11.
52. ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 3855. Л. 91.
53. Там же. Л. 92.
54. Там же. Л. 120.
55. Там же. Л. 145.
56. Филонов : художник. Исследователь. Учитель. – М., 2006. – Т. 1. – С. 47.
57. ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 26. Д. 47. Л. 295.
58. Список фабрично-заводских заведений города Санкт-Петербурга. – СПб., 1914.
59. Список фабрично-заводских заведений города Петрограда. – Пг., 1917.
60. Интендантский журн. – 1914. – № 1–12.
61. Филонов : художник. Исследователь. Учитель. – М., 2006. – Т. 1. – С. 23.
62. Там же. С. 48.
63. Весь Петроград. – Пг., 1922. – С. 348.

Шацевская Екатерина

11 класс, 421 школа,

Петродворцовый район,

Юношеский Университет Петербурга

ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ»

Органы и органисты Петербурга XIX – начала XX века

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ занимает особое место в истории российской органной культуры. Город европейской направленности, с высокой религиозной толерантностью населения, значительная часть которого исповедовала католицизм и протестантизм, представлял совершенно исключительные в сравнении с другими городами России условия для функционирования органного искусства. Среди поселившихся в Петербурге выходцев из Западной Европы немцы, как известно, составляли основную часть. Именно через немецкие храмы в Петербург и в целом в Россию вошла «большая» церковная органная культура, фактически сформировавшаяся за полтора-два столетия стереотип восприятия органа в России и в значительной степени повлиявшая на формирования российских традиций органного композиторского творчества и исполнительства.

Органная музыка, принадлежащая перу профессиональных композиторов России, начиная с Бортиянского (1751–1825 гг.), сочетала в себе западноевропейские музыкальные формы с традиционным русским мелосом. Это способствовало проявлению особой выразительности и обаяния, благодаря которым русские сочинения для органа выделяются самобытностью на фоне мирового органного репертуара. Это же стало залогом того сильного впечатления, которое они производят на слушателя.

В XVIII–XIX вв. органные концерты могли проходить в Петербурге (как и вообще в России) исключительно в помещениях инославных церквей. В Петербурге начала XIX века сложился органист лютеранской церкви св. Петра Иван Карлович Черлицкий (1799–1865 гг.) – знаток музыки Баха. Черлицкий сыграл серию органных концертов из сочинений Баха в 1819–1822 годах. Кроме того, он первый в мире исполнил фортепианные переложения 50 хоральных прелюдий и 22 крупных произведения, написанных Бахом для органа. Популярными стали исполнения вокальных сочинений (арий из месс, кантат и ораторий) Баха,

МНОГОЛИКИЙ ПЕТЕРБУРГ

Генделя, Гайдна, Глюка, Моцарта, Керубини, Бетховена, Россини, Мендельсона, Листа с аккомпанементом органа. Звучал орган и со скрипкой, и с виолончелью. После установки нового большого органа фирмы Валькер в 1840 году, Петрикирхе стала, безусловно, лучшим помещением для органных концертов в Петербурге.

Огромный подъем в русской органной культуре начался с основанием органных классов в Петербургской (1862 г.) и Московской (1885 г.) консерваториях. Основателем и первым директором Консерватории был выдающийся музыкант-просветитель А. Г. Рубинштейн. Как пианист и педагог Рубинштейн никогда не уставал подчёркивать благоговейное отношение к музыке И. С. Баха. Рубинштейн предусмотрел и организацию класса органа. Генрих Даниель Штиль, получив от А. Г. Рубинштейна приглашение занять место профессора консерватории, стал практически основателем профессиональной российской органной школы. В 1854 году он стал по конкурсу органистом церкви св. Петра, что дало значительный импульс концертам прихода.

Поначалу класс был более чем малочисленным: в год по одному человеку. Первый выпускной экзамен по классу органа держали 14 декабря 1865 года два студента; оба получили оценку «хорошо». Это были. Г. А. Ларош – известный впоследствии музыкальный критик и П. И. Чайковский, которому было суждено стать гордостью русского музыкального искусства. Интересно, что предмет «Орган» для композиторов тогда входил в учебном плане в рубрику «Главные предметы», тогда как «Фортепиано» находилось в рубрике «Второстепенные предметы». Брат П. И. Чайковского Модест Ильич будет вспоминать: «...и здесь на долю его (Петра Ильича) выпало иметь профессора знаменитость: Г. Штиль, тогда ещё очень молодой, занимал едва ли не одно из первых мест среди европейских органистов...». Однако в 1869 году Штиль внезапно прекращает свою педагогическую деятельность. Его преемником в Петербургской консерватории становится Луи (Людвиг) Гомилиус (1845–1908 гг., преподавательская деятельность 1874–1908 гг.). Он, так же как и Штиль в своей педагогической практике ориентировался, прежде всего, на немецкую органную школу. Все рецензенты отмечали высочайший уровень его мастерства и разнообразие программ – от Баха до тогдашних современников Листа и Гильмана. Занятия органного класса Петербургской консерватории в первые годы проходили в соборе св. Петра и Павла. Преемником Луи Гомилиуса в Петербургскую консерваторию был приглашен Жак Гандшин (1886–1955 гг.). Он

МНОГОЛИКИЙ ПЕТЕРБУРГ

с 1909 г. по 1920 г. возглавлял органный класс. Он являлся, по всеобщему признанию, самым ярким и эрудированным органистом не только в Петербурге-Петрограде, но и в России. Особое место в его репертуаре занимали сочинения современников – Регера, Видора, Роже-Дюкаса. Благодаря инициативе Гандшина, тогда же появился и целый ряд органичных сочинений русских композиторов (Танеев, Глазунов, Ляпунов и другие).

Пресса того времени так отзывалась о Л. Гомилиусе: «...г. Гомилиус прекрасный органист, мастерски и со вкусом владеющий регистрами». Луи Гомилиус по праву считается основоположником эстонской органной школы. У него учились Йоханнес Каппель, Мийна Хярма, Константин Тюрнпу, Рудольф Тобиас, Артур Капп, Михкель Людиг, Август Топман, Март Саар и Пеэтер Сюда. В последствии Артур Капп стал органистом лютеранской церкви Св. Петра. Органистами Эстонской церкви стали видные эстонские композиторы, ученики Л. Гомилиуса: Рудольф Тобиас (1898–1904 гг.) и Михкель Людиг (1904–1918 гг.). Кроме игры на органе, органист должен был также руководить хором и организовывать концерты. Людиг Гомилиус пишет в своих «Воспоминаниях»: «Я ходил по воскресеньям в Яанову церковь (Тобиас работал там органистом), чтобы послушать его игру. Меня поражала его манера игры. Это было нечто новое, неслыханное... Я начал чаще посещать церковь; было интересно слушать его импровизации».

Органистом Римско-Католической церкви св. Екатерины был выдающийся литовский композитор, певец, органист и дирижер Чесловас Саснаускас. В 1937 году в Евангелическо-Лютеранской церкви Св. Екатерины на 1-й линии Васильевского острова, когда в помещении находился Дом культуры для детей, на органе давал концерты композитор, органист и органный мастер Вольф Федорович Лисс, который так же был органистом и в церкви Св. Петра и Павла.

Бывало и такое, что органистом нескольких церквей мог быть один человек. Как, например, П. Г. Дамбран, который являлся и органистом молельни при Доме призрения бедных Императрицы Александры Фёдоровны и Евангелическо-Лютеранской немецкой церкви Св. Георгия при 2-м кадетском корпусе Императора Петра Великого.

Использованная литература и источники:

1. Белякаева-Казанская Л.В. Силуэты музыкального Петербурга : путеводитель по музыкальным театрам, музеям, концертным залам прошлого и настоящего. – СПб.: Лениздат, 2001.

МНОГОЛИКИЙ ПЕТЕРБУРГ

2. Весь Петербург на ...[1896-1905, 1915] год: адрес. и справ. кн. г. Петербурга. – СПб.; Пг., 1896-1915.
3. Ежелев А. И зазвучит музыка, открытая для России Петром // Петергоф. вестн. – 2005. – 9 сент.
4. Князева Ж.В. Концерты органной музыки в Петербурге во второй половине 19– начале 20 века: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – СПб., 1994. – 23 с.
5. Кравчун П.Н. Органы немецких мастеров в петербургских храмах // Немцы Санкт-Петербурга: наука, культура, образование. – СПб., 2005. – С. 189–216.
6. Кравчун П.Н., Шляпников В.А. Органы Санкт-Петербурга и Ленинградской области. – М. : Прогресс, 1998. – 104 с. : ил.
7. ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 11. Д. 341. Л. 2, 9, 12 ; Ф. 361. Оп. 11. Д. 294. Л. 23, 39, 47, 64.
8. Там же. Ф. 1005. Оп. 2. Д. 19. Л. 3.
9. Там же. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 123 ; Д. 166. Л. 2 ; Д. 175 Л. 2, 11; Д. 222 Л. 14, 16, 18.
10. Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 166А ; Д. 303. Л. 7, 10, 12.
11. Запись со слов С. Булжевой. 2010. 26 окт.
12. Запись со слов О.Н. Петренко. 2010. 15 дек.
13. Запись со слов А.Е. Погодина. 2010. 16 мая, 17 сент., 3 дек.
14. Запись со слов А.Е. Погодина. 2011. 5 нояб.

Шашкова Анастасия

11 класс, 183 школа Центральный район
Юношеский Университет Петербурга
ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ»

**«Лицейскими были и будем!..»
В. А. Шильдер – последний директор
Лицея**

НА ФОТОГРАФИИ 1911 года Владимир Александрович Шильдер. Он работает в кабинете директора Императорского Александровского Лицея на Каменноостровском проспекте – здесь с 1844 по 1917 продолжалась история Царско-сельского Лицея. Об этом почти забыли, о последнем директоре забыли совсем. Это несправедливо. Осенью 2011 года проходили празднования двухсотлетия Лицея – это повод вспомнить В. А. Шильдера.

Вольдемар Шильдер родился 24 мая 1855 года в имени Симаново в семье отставного гвардейского ротмистра Александра Карловича Шильдера (1817–1883) и его жены Веры (Оттовны) Бенеке фон Дуве (1828–?). В. Шильдер учился в Полоцком кадетском корпусе, затем – в Пажеском, закончив его с отличием. Начал службу в 1864 году пажем (так в послужном списке – авт.) при Высочайшем дворе, в 1872 году произведён в камер-пажи. В 1873 году зачислен в лейб-гвардии Семёновский полк. В 1876 году он поступил в Николаевскую Инженерную Академию, из которой в 1877 году был отчислен по собственному желанию: участвовал в войне с Турцией, награжден за храбрость. Служба в Семеновском полку (1884–1885) прервалась командировкой в распоряжение великого князя Михаил Николаевича. Профессиональные качества Шильдера были оценены, и князь доверил ему воспитание сына. Алексей Михайлович из-за слабого здоровья учился дома, числясь в Морском корпусе. Отношения с молодым воспитателем были дружескими. В 1889 году В. А. Шильдер женился на Анне Михайловне Клингенберг. В 1896 году В. А. Шильдер назначается инспектором воспитанников Лицея, в обязанности которого входило наблюдение за учебой и нравственностью учеников. Николай Флиге называл Шильдера той поры «горячо любимый», чье «рыцарское и любовное отношение к молодежи» высоко ценили. В 1902 – 1905 гг. Шильдер возглавлял Псковский кадетский корпус – это был «золотой век» учебного заведения. Любовь к ученикам,

строгость и справедливость – на этом строилась педагогическая деятельность В. А. Шильдера, который с 1907 года возглавлял Пажеский корпус, а затем, с 1910 года – Александровский Лицей.

Здание Александровского лицея, которое помнит Владимира Александровича, стоит на месте, в нем по-прежнему учебное заведение. Можно увидеть директорский кабинет, классы. Уцелели часы на главной лестнице, сохранились зеркала. «Лицей не просто учебно-воспитательное учреждение. Лицей – это принцип». Новый директор понимал и принимал это утверждение в качестве руководства к действию, хотя знал о критическом отношении части общества к Лицею. Неприязнь вызывал сословный характер учебного заведения, особые права выпускников, устаревшие программа и форма обучения. «Вражда к лицейской крепка». В отсутствие интереса упрекал самих лицеистов редактор журнала Ю. Ермолов. Газета «Петербургский листок» от 22 августа 1910 года поместила доброжелательную статью «Новый директор лицея». «Лицейский журнал» так отозвался на смену руководства: «...назначен генерал-майор В. А. Шильдер, до сих пор занимавший пост директора Пажеского Его Величества корпуса и хорошо знакомый и близкий Лицею и лицеистам по своей службе в Лицее в качестве инспектора воспитанников (1896– 1900)». «29 сентября 1910 года вступление в исполнение обязанностей вновь назначенного директора», – уточнил раздел хроники журнала. Первый год директорства прошел под знаком подготовки к 100-летию учебного заведения. Решения Совета Лицея и Пушкинского общества принимались при участии В. А. Шильдера: обратиться 19 октября к гостям с призывом пополнить собрание стихов, написанных на День открытия Лицея и доставлять в музей всякую мелочь, имеющую отношение к Лицею. В. А. Шильдер занимался ремонтом здания, тем более, что в декабре 1910 года случился пожар. «...Часть второго этажа, где зал музея, преобразована и представляет как бы старые залы Лицея в Царском Селе». Музей получил расширенное вдвое помещение, новую мебель, витрины. Экспозиция обновилась. Вход стал свободным.

Подготовка памятных подарков, организация торжеств – всё требовало внимания директора. По просьбе Пушкинского общества И. Е. Репин написал картину «Пушкин на лицейском экзамене в Царском Селе 8 января 1815 года». В. А. Шильдер помогал устроить инсценировку экзамена силами бывших лицеистов и воспитанников, среди которых был правнук А. С. Пушкина. В дни празднования Лицей получил в дар письма, переводы, рисунки,

МНОГОЛИКИЙ ПЕТЕРБУРГ

книги, живописные и скульптурные работы – здесь был собран почти весь лицейский материал. Часть экспонатов летом сдавалась в банк на хранение.

В октябре 1911 года императора не было в России, поэтому торжества были назначены на январь 1912 года. В ЦГИА СПб хранится альбом с газетными вырезками, рассказывающими о тех событиях. Ни одно учебное заведение России не удостоивалось такого грандиозного государственного праздника. 7 января В. А. Шильдер принимал гостей, главными из которых были император Николай II и вдовствующая императрица Мария Федоровна. 8 января состоялся акт представления государю представителей курсов Лицея. Среди присутствующих был Александр Александрович Пушкин. 9 января император принимал в Зимнем дворце лицеистов и их наставников. 11 января лицеисты в Царском Селе присутствовали на открытии памятной доски и возложении венка к памятнику Пушкину. Вечером в Мариинском театре был дан «Евгений Онегин» для лицеистов и преподавателей. В один из дней был устроен обед в честь В. А. Шильдера. Получая приглашение шести курсов, Владимир Александрович «чуть не прослезился при всей его сдержанности и только повторял много раз: «Трогательно, трогательно». Анне Михайловне послали букет роз. Среди прочих тостов, подняли бокал за лицеиста Михаила Шильдера. 14 января был обед в Дворянском собрании для всех бывших лицеистов. С речью выступил генерал Шильдер: «Сила не в силе, сила в любви! Сила в единении! Пока жива будет у лицейских любовь к родному Лицею... не померкнет его вековая слава... Лицейскими были и будем!».

Ежедневной заботой было сохранение качества лицейского образования, в основе которого лежало изучение литературы и истории. В Лицее преподавали С. Ф. Платонов и В. В. Семевский, А. Ф. Кони, С. В. Рождественский, Н. А. Котляревский. Их лекции на актуальные темы, например, о положении крестьян, прочитанные 5 марта 1911 года, посетили попечитель, директор, воспитатели. Поддерживался интерес лицеистов к юридическим знаниям. В 1913 году серебряной медалью в честь 100-летия Лицея награжден Михаил Шильдер за сочинение «Крестьянский вопрос от Соборного Уложения 1649 года до смерти Екатерины II». Он же в 1914 году получил большую золотую медаль за работу «Крестьянский вопрос до Уложения Михаила Федоровича». При Шильдере появились музыкальные вечера, занятия фотографией, шахматами, спортом (футбол, теннис, хоккей, лыжи, коньки).

7 февраля 1914 года давали бал с двумя тысячами приглашенных. В феврале 1916 года II класс представил «комедию-фарс». Все это обсуждалось в «Лицейском журнале».

Цель и смысл воспитания лицеистов раскрывал девиз «Для общей пользы». Лицеист Д. Ф. Кобеко – современник Шильдера – сформулировал их так: «...нужно быть человеком. В Лицее не было телесных наказаний. На уважении строились взаимоотношения воспитанников и преподавателей. Авторитет директора был непререкаем. Лицеист князь Олег Константинович как-то спросил Шильдера: «А Вы, куда Вашего сына готовите?». «Я его готовлю в хорошие люди». С тех пор князь, когда спрашивали о будущем, всегда отвечал: «Прежде всего, я хочу быть хорошим человеком».

При В. А. Шильдере количество лицеистов увеличилось в три раза, на экзаменах выпускники показывали отличные знания, многие подавали надежды. Лицейские традиции объединяли. Гордились Пушкиным. «...Предание о Пушкине и его товарищах удержало Лицей на том пути, на который он твердо встал с самого начала», – писал Я. К. Грот. Ни одна организация не сделала больше для сохранения памяти о поэте, чем Лицей. В знак верности лицейскому братству обменивались серебряными жетонами.

Началась война. Ликующий заголовок в «Лицейском журнале» «Конец безвременью!». 22 августа 1914 года при Лицее открылся офицерский лазарет. Он содержался «на добровольные пожертвования и ежемесячные взносы чинов, воспитанников, бывших воспитанников Лицея и их семейств». Они же обслуживали раненых. А. М. Шильдер была сиделкой, «Лицеист XXXVIII курса, Член Государственного Совета, тайный советник, князь Д. П. Голицын-Муравлин (по 1 февраля 1915 года) и Курсовой воспитатель, статский советник Ф. В. Брей» были «братьями-санитарами». За первый год деятельности «стационарных больных» было 142, за второй год-60.

Осенью 1914 года Лицей организовал отправку газет в действующую армию, участвовал в кружечном сборе денег на раненых. Редакция «Лицейского журнала» собирала материал о каждом из 37 погибших лицеистов. Номера начинались «военным отделом»: списки ушедших на фронт, раненых, убитых; стихи. Опубликовали телеграмму, пришедшую с фронта: «Идем в бой. Шлем привет родному Лицею. Гладышев, Шиллинг, Лерхе. Добровольцы».

Февраль 1917 года. В Лицее разместилась «на всякий случай» полурота Гренадерского полка. Занятия приостановились.

МНОГОЛИКИЙ ПЕТЕРБУРГ

27 февраля «охрана» перешла на сторону восставших и покинула Лицей. Днем в квартиру директора ворвались вооруженные люди и забрали охотничьи ружья, в том числе дедовскую винтовку. 26 марта в газетах появилось сообщение, что был взломан стеной железный шкаф в квартире директора, где хранились ценности Пушкинского музея. Исчезло несколько медалей, золотое перо, кольцо-талисман поэта... В квартирах директора и инспектора поместился Петроградский политехникум.

Весной 1917 года занятия возобновились, и Лицей покинул последний LXXIII курс. В. А. Шильдер уже давно был болен и устранился от руководства Лицеом. Его место занял инспектор А. А. Повержо. Педагогическая деятельность Владимира Александровича продолжалась 22 года. Итоги ее подвел попечитель Лицея В. Н. Коковцов в письме об отставке Шильдера министру Временного правительства С. Ф. Ольденбургу. Только Ю. Макаров вспоминая Шильдера, отзываясь о нем и его деятельности пренебрежительно. Осенью 1917 Павел Рейнбот и Михаил Шильдер организовали перевоз ценностей из лицейских музеев в Академию наук, и тем самым спасли их.

В книге А. Беленковой удалось найти бесценный материал – письмо Михаила Владимировича Шильдера его эмигрировавшему лицейскому товарищу С. Воейкову, датированное 1923 годом. В этом письме он так пишет о тяжёлых «послелицейских» годах жизни своей семьи в голодном Петрограде: «Настоящего голода мы не испытывали, благодаря удивительной энергии и умению Мама, которая, став в 62 года «одной прислугой» ухитрилась кормить нас сытно в самое тяжелое время, когда давали по 1/16 фунта хлеба на человека. При этом она все время болела легкими и несколько раз переносила воспаление, почти не ложась в постель и не прерывая своих хозяйственных работ. Папа все время работает как по дому, так и по исполнению разных мелких заказов: точка ножей, ножниц, починка зонтиков, изготовление дамских каблучков и, раза три, сооружение детских гробов. Но если мы не голодали, то мерзли отчаянно. Дров не было совсем, и достать было нельзя. Зимой 1919/20 года у нас в спальнях стояла минусовая температура в течение нескольких месяцев. День мы проводили на кухне, где было теплее, но на ночь приходилось забираться в этот мороз под ледяные простыни. А в это время как раз был гайморит – воспаление полости носа, ужасно мучительное. У меня от холода и отсутствия жиров в пище пухло лицо и ноги ... и я с трудом взлезал во второй этаж от слабости сердца.

Все, что можно было продать из обстановки и вещей, не исключая фамильных, было продано и обменяно на продукты. Благодаря этому и поразительной энергии Мамы мы вырвались из этого ужаса. Следующая зима была уже лучше. С осени 1921 г. мой заработок настолько увеличился, что можно было обходиться без продажи вещей, и так до сих пор мы существуем без нужды, но еще не можем позволить себе роскоши иметь прислугу. Много помогли нам «Ары», присланные папе из Америки и Парижа его питомцами, нашими однокашниками».

Проникают в душу слова, которые Михаил пишет, как бы подводя итог: «все перенесенное и испытанное за минувшие годы заставило всем существом почувствовать, что все это – ниспослано нам Свыше и за наши личные и общие грехи, и что только страданием и достойным их перенесением можно их искупить. Это первый вывод, а второй – убеждение в том, что вся эта жизнь – суета сует, и не в ней смысл и цель нашего существования, а в другой жизни, к которой мы теперь готовимся». Он ещё не знает, какая страшная участь уготована ему судьбой... В апреле–мае 1925 года лицеисты, оставшиеся в России, были арестованы по «Делу лицеистов». Семидесятилетний Владимир Александрович находился на грани помешательства и умер в тюрьме, не выдержав известия о том, что жена и сын тоже приговорены к расстрелу. После смерти мужа Anne Михайловне заменили расстрел Соловками, еще позже ее, умиравшую от рака, сослали в Свердловск. Следы потеряны.

Сохранились письма Анны Михайловны к Е. П. Пешковой с просьбой сообщить ей о судьбе сына. 6 сентября 1928 года А. М. Шильдер узнала, что сын ее был расстрелян в июле 1925 года.

Использованная литература и источники:

1. ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 1. Д. 4086; Д. 616.; Д. 621; Д. 2442.
2. Александровский лицей : лицейский журн. : [издание лицеистов]. – 1910–1917.
3. Беленкова А.И. «Святому братству верен я...» : память. книга лицеистов Балтии. – Tallinn : Tallinna Raamatutrk kikoda, 2011.
4. Некрасов С.М. «Куда бы нас ни бросила судьбина...» : выпускники Императорского Александровского Лицея в эмиграции. – М. : Библиотека-фонд «Русское Зарубежье» : Рус. путь, 2007.
5. Некрасов С.М. Лицей после Лицея. – СПб. : Рус. путь, 1997.
6. Некрасов С.М. «Под сенью дружных муз...» : Царское Село – город русской поэзии : к 300-летию Царского Села : [альбом]. – СПб. : Альфа-Колор, 2007.

МНОГОЛИКИЙ ПЕТЕРБУРГ

7. Никитенко Н. Меморандум Шильдеров [Электронный ресурс] // Псковская правда. – 2009. – 19 нояб. – URL: <http://pravdapskov.ru/rubric/20/2764> (дата обращения: 18.11.2012).
8. Павлова С.В. Императорский Александровский (бывший Царскосельский) лицей. – СПб. : Паритет, 2002.
9. Псковский кадетский корпус [Электронный ресурс] // Кадеты России : энцикл. кадетского воспитания и образования : офиц. сайт С.-Петербур. Союза суворовцев, нахимовцев и кадет. – URL: http://www.ruscadet.ru/history/rkk_1701_1918/1883_1918/pskov/comm.htm (дата обращения: 18.11.2012).
10. Руденская М.П. С лицейского порога : выпускники лицея 1811–1917 : очерки. – Л. : Лениздат, 1984.
11. Руденская С.Д. Царскосельский – Александровский Лицей. 1811–1817. – СПб. : Лениздат, 1999.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ БИОГРАФИКА

Казакова Ольга

9 класс, школа № 26 Невский район
Юношеский Университет Петербурга
ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ»

«Блажен, кто предков с чистым сердцем чтит...»

Ожившие страницы прошлого моего рода.

Бетлинги. Мусс.

Трудно найти в Европе две другие страны, которые были бы больше связаны исторически, чем Россия и Германия. Несмотря на то, что эти страны вели между собой много войн, включая две мировые, в их истории и культуре было гораздо больше общего, чем конфликтов. Петербургские немцы – это особая глава в истории столицы. С самого начала немецкая колония была наиболее многочисленной: её представители составляли почти половину столичных иноземцев и пополняли все сословия, от мещан до высшей аристократии (включая членов царской семьи). Немецких колонистов объединяли язык, традиции и принадлежность к Евангелическо-лютеранской церкви. Первый приток немецких иммигрантов достиг своего апогея в середине 1720-х годов. Это время прибытия немецких ремесленников, людей искусства и науки.

Первая версия появления семьи Мусс в Петербурге состоит в том, что наши предки прибыли в Россию именно в это время. Мужчины были или стали со временем оптиками. Семья жила до 1938 года на 1-й линии Васильевского острова в доме № 2.

В РГИА находятся выписки из метрических книг по приходу церкви Св. Екатерины за 1856–1872 гг. Там значатся: 1856 г. – Мусс Карл Фридрих; 1858 г. – Мусс Каролина Христина; 1864 г. – Мусс Христиан Йохан Вильгельм Никол.; 1867 г. – Мусс Роберт Йохан, 1869 г. – Мусс Йохан. Имеют ли какое-то отношение к нам перечисленные выше представители фамилии Мусс, пока выяснить не удалось.

В Адресной книге 1909 г. мы нашли запись уже о наших родных: Мусс Христ. Авг. В.О. 1 л., 1–2 Оптик., Мусс Христиан Авг. Соловьевский пер., 1. Оптические принадлежности. 1911. Эта запись подтверждает семейные сведения, что семья Мусс жила

ПЕТЕРБУРГСКАЯ БИОГРАФИКА

именно по этому адресу и Христиан Августович занимался оптикой. В Адресной книге 1913 г. мы встречаем следующую запись: Мусс Луиза Филипп. Вд. куп В.О. Соловьев пер., 1. Эта запись подтверждает сведения, что Луиза Филипповна рано овдовела, а сын Борис рано остался без отца. В семье рассказывали, что семья Мусс снимала флигель по адресу В.О., 1 линия, д. 2. Записи в адресных книгах подтвердили эти рассказы.

В середине XIX века едва ли не каждый пятый василеостровец был по происхождению своему этническим немцем. Сколько же немцев жило на острове? В 1764 году профессор А. Л. Шлецер предложил учредить статистическую контору, которая бы среди прочих данных собирала сведения об этническом составе города. По его представлению на долю иностранцев приходилась 1/8 часть населения Петербурга 60-х годов XVIII века, где-то более 16 тысяч человек. Он не дает данных о составе немецкой колонии, но, так как она была самой многочисленной и сосредоточенной, в основном, на Васильевском, можно предположить, что одна пятая островитян были немцами. Сергей Шульц, автор многих публикаций по истории петербургских немцев, считает, что Васильевский в XVIII веке был немецким почти на одну треть, в XIX на одну четверть, — а перед Первой мировой войной его немецкая часть населения составляла 22 процента.

По другой версии, Мусс – колонисты, прибыли в Петербург на постоянное поселение в 1765 году. Манифесты, изданные Екатериной II в 1762 и 1763 гг., открыли возможность для тысяч и тысяч жителей Европы приехать для поселения в Россию. В числе колонистов преимущественно оказались немцы из многочисленных германских государств. Есть мнение, что к концу 18 века все Мусс проживали в Нижней колонии в Колпино. В частности, по подписанному контракту Ганс Клаус Мусс проживал в подворье № 21 с женою, у него детей – 2 сына и 2 дочери. Сюда же приписан его брат – Петер Мусс, который с женою и двумя детьми (сын и дочь) живёт в Санкт-Петербурге наборного цеха мастером. На данный момент нам не удалось установить, являются ли вышеуказанные Мусс по первой или второй версиям нашими предками, хотя существует мнение, что все Мусс в России – родственники, близкие или дальние.

Христиан Августович Мусс (? – 1912)

Самое давнее воспоминание в нашей семье существует о Мусс Христиане Августовиче. По сведениям из адресно-справочных книг за 1907, 1911 гг. мы обнаружили следующие данные: Мусс Христиан Авг. – ВО 1 линия, 1–2. Оптик. Мусс Христиан

Авг. – Соловьевский пер., 1. Оптические принадлежности. Эти данные совпадают с семейными преданиями о месте жительства и роде занятия Христиана Августовича. Этого дома давно не существует. Как не существует и выглядывающего из-за ограды дерева, и плиточного тротуара, и булыжной мостовой, и старинных уличных фонарей... А ведь это — Соловьевский переулок, нынешняя улица Репина перед ее выходом к Большому проспекту, по которому этот дом и числился за № 1. Именно здесь, в левом крыле жилого комплекса, принадлежавшего лютеранской церкви Святой Екатерины, размещалась «Евангелистическая школа женского рукоделия», о чем, собственно, и сообщает хорошо различимая на снимке вывеска. Дом был построен в 1859 году по проекту В. Я. Лангвагена, а во время блокады его уничтожила немецкая бомба. Теперь здесь стоит дом, возведенный в 1946 году пленными немцами. Совсем не похожий на своего предшественника, он, тем не менее, перенял от него три полукруглых, доходящих до третьего этажа, входных арки.

В этих же книгах мы нашли, что в 1913 г. оптический магазин, который значился за Христианом Августовичем, уже записан за его женой – Мусс Луизой Филипповной, что тоже совпадает с воспоминаниями о том, что Луиза Филипповна рано овдовела, а сын, Борис Христианович, рано остался без отца. Мусс Луиза Филипп. В.О. Соловьевский пр., 1 Оптический магазин.

Луиза Филипповна (Францевна) Мусс – урождённая Шарф (1878–?)

Луиза Филипповна – дочь Франца Шарфа. Вышла замуж за Христиана Мусс, (он работал с Бенедиктом Васильевичем Леманом у оптика). Этот оптик был двоюродным братом Христины Урлауб. Он взял Лилию (Луизу) и Ольгу (сестру Луизы) к себе работать.

У Лили и Христиана родился сын Борис. Христиан вскоре умер. Лили умерла в ссылке в Стерлитамаке, куда была выслана семья после ареста её сына Бориса.

Жильцы 1 линии Васильевского острова, д. 2.

Из истории этого дома в начале 1-й линии В.О. известно, что он принадлежал когда-то соратнику Петра I, секретарю тайного кабинета А. В. Макарову. Здесь жили впоследствии первый русский профессиональный актер Фёдор Волков и известный мореплаватель вице-адмирал П. И. Рикорд, а в начале 1890-х в нем снимала помещение живописная мастерская Грейфенберга. Спустя 20 лет, как свидетельствует фотография, здесь уже «царствовал»

ПЕТЕРБУРГСКАЯ БИОГРАФИКА

некто И. Ф. Шарф, преемник Франца Урлауба, специалист по части насосов, пожарных труб и технических котлов.

Просматривая адресные книги Петербурга, прочитав записки Эльзы Бенедиктовны Леман, мы определили, что связывало между собой Урлауба, Шарф, Лемана. Иван Яковлевич Урлауб (1856–1936), С.-Петербургский 2-й гильдии купец (с 1878 года), католического вероисповедания, сын преподавателя С.-Петербургских гимназий и Коммерческого училища, родился в Санкт-Петербурге. Общее образование получил здесь же, специальное за границей. С 1870 по 1874 годы он изучал оптическое дело, работая в Петербургских оптических магазинах. Затем отправился за границу для усовершенствования своих теоретических и практических знаний в области физической оптики. В 1877 году, по возвращении из-за границы, основал своё самостоятельное дело в Санкт-Петербурге и учредил мастерские оптико-механических, физико-механических, электромедицинских аппаратов. Очень скоро фирма приобрела заслуженную репутацию, выпуская оригинальные глазные инструменты, приборы и аппараты в соответствии с рекомендациями ведущих специалистов по офтальмологии.

Фирма изготавливала: офицерские бинокли, зрительные приборы, очки, пенсне, лорнеты, лупы, микроскопы и особенно специализировалась на изготовлении различных принадлежностей для исследования глаз, определения зрения и предупреждения слепоты. Уже в первые годы своего существования С.-Петербургскую фабрику оптических инструментов И. Я. Урлауба избрали своим поставщиком многие военные, гражданские и частные учреждения. В 1901 году Государь Император, по представлению Военного Министра, за заслуги по созданию оптических приборов, пожаловал Ивану Яковлевичу Урлаубу – Золотую медаль – для ношения на шее на Станиславской ленте. После Октябрьской революции фирма «Ив. Як. Урлауб» была национализирована, но он сам остался работать на ней, как специалист. Весной 1932 года И. Я. Урлауб уехал в Германию, где жила его дочь с мужем. Весной 1936 года, в Германии, И. Я. Урлауб скончался.

«Урлауб Франц Фёдорович, 51 г., СПб 2 гильд. купец, вер. Лютер., получил образ в Петропавловском училище, выб. Свид. с 1871 г., в купечестве с 1873 г. Жит. Вас. ч., 1 уч. по 1 лин., д. № 2. Торг. машин. и земледельческими оруд. в д. жит. и сод. Механический и машиностроит. завод, Пет. ч., 3 уч., по наб. р. Карповки, д. № 39. При нём жена Генриэта-Констанция, сын Константин-Фёдор-Вильгельм, 25 л. с женою Екатериною Михайловною и

дочь Маргарита-Луиза-Клара-Мария. Сосл. свид. 2 гильд. № 6897, Пром. свид. 2 разр. № 6896, Промыш. свид. 4 разр. № 844».

В этом же доме проживал Мусс Христиан Августович, который вместе с Леманом Бенедиктом Васильевичем работал у Урлауба и был женат на дочери Франца Шарф – Елизавете Францевне. Он был оптиком и позднее содержал магазин оптических принадлежностей. Там же проживал Леман Бенедикт Васильевич, который в 14 лет приехал из Риги и устроился мальчиком в магазин Урлауба. Он был женат на другой дочери Франца Шарф – Ольге Францевне. Леман Бенедикт Васильевич одно время заведовал оптическим магазином И. Я. Урлауба, а со временем стал и сам хозяином магазина «Оптические принадлежности». Один сын Франца Шарф – Иван Францевич, одно время был управляющим технической конторой Урлауба. Потом стал владельцем фирмы «И. Ф. Шарф» (насосы, тараны, пожарные трубы и водопроводные принадлежности, устройство водопровода без бака на чердаке). Вывеска этой фирмы запечатлена на фотографии К. Буллы 1910 года. Третья дочь Франца Шарф – Мария Францевна, работала в конторе брата Ивана Францевича «И. Ф. Шарф». Другой сын Франца Шарф – Людвиг Францевич, проживал тоже в этом же доме и имел свой магазин «Оптические принадлежности» на Литейном, 50. А сам Шарф Франц Иванович приехал из Германии совсем молодым, владел булочной и был женат на Христине – двоюродной сестре Урлауба.

Борис Христианович Мусс (12.06.1902–1938)

В «Ленинградском Мартирологе» содержится следующая информация о Б. Х. Муссе:

Мусс Борис Христианович, 1902 г. р., уроженец и житель г. Ленинграда, немец, беспартийный, рабочий экспериментальных мастерских Оптического института (ГОИ), проживал: В. О., 1-я линия, д. 2, кв. 22. Арестован 11 февраля 1938 г. Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР 25 марта 1938 г. приговорен по ст. ст. 58-6-11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян в г. Ленинграде 8 апреля 1938 г.

Останки большинства жертв, упомянутых в мартирологе, покоятся на Левашовском кладбище, которое было местом массовых расстрелов и до 1989 года оставалось тайным могильником НКВД. Согласно приказу наркома НКВД Н.И. Ежова за номером 00439 от 25 июля 1937 г. предписывалось составлять списки немцев для их последующих расстрелов как «агентов немецкой разведки». Вот как об этом сообщается: 25 июля. Оперативный приказ НКВД СССР Н

00439 «Об операции по репрессированию германских подданных, подозревавшихся в шпионаже против СССР» (в первую очередь имелись в виду работавшие на оборонных заводах и на транспорте). Аресты начались 29 июля. С осени операция постепенно стала распространяться на некоторые категории советских немцев и других граждан, обвиняемых в связях с Германией и шпионаже в её пользу. Тогда же для осуждения стал использоваться «альбомный порядок», это такой порядок оформления дел, когда рассмотрение дел производилось заочно, по спискам, сшитым в «альбомы». Этот механизм применялся при проведении всех «национальных операций». По «немецкой операции» в течение 1937–1938 гг. было осуждено 55 005 чел., из которых 41 898 приговорены к расстрелу. Попасть в «немецкий список» мог любой, у кого была, по мнению агентов НКВД немецкая фамилия или просто человек был «уличён» в знании немецкого языка.

Борис Христианович был женат на Ирине Вадимовне Завадской (8.5.1905 (7) – 19.3.1972). У них родился сын Кирилл, дочь Лиза, которая вскоре умерла. Потом родилась Наталия. Борис работал оптиком в Государственном оптическом институте (ГОИ), точил линзы для перископов подводных лодок. В институте работал и был его научным руководителем с 1932 по 1945 год академик, Президент Академии наук СССР с 1945 по 1951 год Сергей Иванович Вавилов, имя которого носит ГОИ. В 1938 году Бориса Христиановича посадили, а семью выслали в Стерлитамак, где они пробыли до 1953 года.

Кирилл Борисович Мусс (5.10.1927–6.3.2011)

Родители: Мусс (Завадская) Ирина Вадимовна 8.5.1905 (7) – 19.3.1972 гг.; Мусс Борис Христианович 12.6.1902 – расстрелян в апреле 1938 г. Кирилл Борисович Мусс родился в городе Ленинграде. В школу пошёл в 1935 году. В феврале 1938 года был арестован отец, впоследствии в апреле расстрелян по 58 статье. Семью – маму Ирину Вадимовну, Кирилла, сестру Наталию (27.5.1937 г.р.) и бабушку Елизавету Филипповну Мусс (Луиза Францевна Шарф 1878 г.р.) выслали из Ленинграда, как членов семьи врага народа, в город Стерлитамак Башкирской АССР. Жили голодно, холодно. Семью несколько раз обворовывали. Пропали все фотографии, деньги, документы и имущество. Кирилл, как мог, помогал – копал картошку, работал на чужих огородах, старался снабжать топливом. Весной 1945 он года окончил школу и был призван в армию, но на фронт не попал, так как заболел тяжёлой формой брюшного тифа. Он проболел до конца 1945 года. У него были тяжёлые осложнения.

В армию попал в 1946 году. Кирилла направили в г. Ленинград в инженерное училище, размещавшееся в Михайловском замке, но там он подцепил малярию. По выздоровлению был отправлен на Кавказ. Малярия мучила ещё долгие годы. В Грузии, в Тбилиси он окончил школу санинструкторов и служил в госпитале. Там же повторно закончил 10 и 11 классы вечерней школы рабочей молодёжи. Школу окончил с золотой медалью. После демобилизации поехал в г. Киев для поступления на Горный факультет Киевского Политехнического института. Учёба на Горном факультете давала возможность получать повышенную стипендию и форму (одежду) в кредит на два года. Поступив в институт на дневное отделение, Кирилл устроился работать на машиностроительный завод «Большевик», где работал в вечерние и ночные смены дежурным электриком. В 1953 г., заканчивая второй курс, женился на выпускнице Киевского педагогического института иностранных языков Казаковой Галине Николаевне. 1 мая 1954 года в семье родилась дочь Наташа.

В 1956 году Кирилл окончил институт и был направлен на работу, на шахту им. Ленина треста «ЛЕНИНУГОЛЬ» Ворошиловградской (Луганской) области. Там он работал главным энергетиком шахты, одновременно преподавал в 10-м классе вечерней школы рабочей молодёжи электротехнику. Туда же приехала его мама Ирина Вадимовна с сестрой Наташей. 4 августа 1958 г. родилась вторая дочь – Мусс Ирина Кирилловна. В 1959 году семья Мусс обратилась в Верховный Совет СССР по поводу реабилитации Мусса Бориса Христиановича. В конце 1959 года получили документы о реабилитации, Ирина Вадимовна уехала в Ленинград и встала в очередь на квартиру. В конце 1960 года она получила известие о подходе очереди на квартиру. В феврале 1961 года Ирина Вадимовна получила ордер на квартиру. 12 апреля семья вернулась в Ленинград. Младшая сестра Кирилла Борисовича к этому времени вышла замуж. С 14 апреля 1961 года семья стала жить в Ленинграде. В мае 1961 года Кирилл Борисович устроился на работу. Сначала – в отдел строительства, затем – главным энергетиком фабрики «Октябрьская», где проработал год. В 1962 году перешёл на работу в ВИТР (Всесоюзный институт методики и техники разведки) старшим научным сотрудником в лабораторию техники безопасности. В 1964 году он поступил в заочную аспирантуру Ленинградского горного института на кафедру электрификации горной промышленности к профессору С. А. Алаторцеву. По окончании аспирантуры весной 1966 года защитил диссертацию по теме «Защита от однофазных замыканий в карьерных высоковольтных

сетях на кафедре «Электрификация горной промышленности», вскоре после этого перешёл на работу в Горный институт на кафедру, где писал диссертацию. Через несколько лет, весной 1971 года, стал доцентом этой кафедры. После смерти руководителей кафедры С. А. Алаторцева и Башкирова Кирилл Борисович перешёл на работу в ВАМИ (Всесоюзный алюминиево-магниевый институт). В 1984 году он развёлся с Г. Н. Казаковой, в 1986 году он женился второй раз и перестал общаться с семьёй. В 1987 году вышел на пенсию. Умер 5 марта 2011 года. Похоронен на Южном кладбище.

Продолжают наш род по линии Кирилла Борисовича Мусса – дочь, три внучки, внук и правнучка – я, Ольга Казакова.

Использованная литература и источники:

1. Адрес-календарь : общая роспись всех чиновных особ в Государстве. – 1843–1856.
2. Российский медицинский список, изданный медицинским департаментом министерства внутренних дел на 1902 г. – СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1902.
3. РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 215. Год 1847, 1850. Формулярный Список о службе акушера Таврической врачебной управы доктора медицины Николая Николаевича Бетлинга. Составлен 28 сентября 1850 год.
4. РГИА. Ф. 1343. Оп. 35. Д. 1802. Год 1897. Дело о дворянстве рода Бетлинг.
5. РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 89. Метрическая книга по приходу церкви Св. Екатерины. Год 1856–1872.
6. ЦГИА. Ф. 2294. Оп. 1. Д. 39 ; Д. 44 ; Д. 50. Метрические книги лютеранских церквей гор. С.Петербурга и Петербургской губернии. 1901–1903 гг.
7. РГАДА. Ф. 248. Сенат и его учреждения. Кн. 3398. Л. 238–243 об. ; ПСЗ. Т. 16. № 11880.
8. Антонов В. Посольский дом // С.-Петерб. ведомости. – 2009. – 27 марта.
9. Вьюницкая Л.Н., Бетлинг Н.Н. Крым в лицах и биографиях / под ред. Сухорукова В.Н. – Симферополь : Атлас-контакт, 2008. – Вып. 2.
10. Краско А.В. Голландские предприниматели в составе петербургского купечества. // Генеал. вестн. – 2002. – № 8.
11. Мошковцева О.А. Памяти Н. Н. Бетлинга. – Симферополь, 1903.
12. Незабываемые могилы : Российское зарубежье : некрологи 1917–1997 : в 6 т. / сост. Чуваков В.Н. ; под ред. Макаревич Е.В. – М. : Пашков дом, 1999.
13. Список гг. купцов, иностранных гостей и биржевых маклеров, производящих дела на С.-Петербургской бирже с 1836 по 1837 год. – [СПб., 1837].

Остромецкая Вера

10 класс, 570 школа, Невский район
Юношеский Университет Петербурга
ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ»

Из прошлых веков в будущее растут ветви. Семья Генъ

ЭТА РАБОТА была для меня самая трудная, она делалась буквально по крупинам. Ни с кем из жизни ушедших предков мне не пришлось общаться, а ныне живущие родственники, с которыми, благодаря программе «Жди меня», удалось установить связь, живут в Германии. Я надеюсь, что когда-нибудь у меня будет возможность встретиться с ними. Материалы семейного архива, были довольно скудны. Но они значительно пополнились за два года поисков нового материала по этой родословной ветви. Получилась довольно внушительная папка с историей жизни моих немецких предков: Коми и Донецкая область, документы, присланные из Германии, а также материалы трех уголовных дел, присланных из Украины.

Мои очень далёкие предки были переселенцами, скорее всего, из Северной Германии. Их немецкий язык отличался от современного немецкого. Диалект северной Германии – платдойч. Хотя и сейчас на Севере Германии так говорят. Сколько поколений моих далёких предков прожили на территории России, мне пока не известно.

Итак, мой прапрадед Иван Иванович Генг (в некоторых документах фамилия пишется Генъ или Гейн) родился 17 ноября 1873 года в Люксембургском районе Днепронетровской области (сейчас Люксембургский район переименован в Куйбышевский район и относится к Запорожской области) в селе Свято-Троицкое, по национальности – немец, гражданин СССР. По социальному происхождению он из крестьян-кулаков. Он был малограмотный, работал столяром в трудартели г. Орджоникидзе. У Ивана Ивановича была сестра Христина Ивановна, 1887 года рождения, брат Карл Иванович, год рождения не известен. Жену Ивана Ивановича звали Анна Якубовна (в русском варианте – Анна Яковлевна), она 1875 года рождения. У Ивана Ивановича и Анны Яковлевны было шестеро детей: дочь и пять сыновей. О дочери нет никаких данных, кроме года смерти – 1919 г. Сыновей звали: Иосиф (1898 года рождения), Антон (1907 года рождения),

ПЕТЕРБУРГСКАЯ БИОГРАФИКА

Яков (1911 года рождения), Теодор (Фёдор) (1912 года рождения), Иван (1912 года рождения).

Вот как пишет о своей жизни мой прапрадед: «До 1930 года я жил в немецкой колонии Ново-Васильевка Солнцевского с/с Старобешевского района Донецкой области, где занимался крупным сельским хозяйством. Имел до 8 лошадей, 5-6 коров, постоянных рабочих имелось 2 человека и сезонных до 3-х человек, земли было 48-50 га и разного крупного с/х инвентаря и машин. В 1930 году я был раскулачен и выслан из пределов Старо-Бешевского района, откуда я приехал в Орджоникидзенский район, где остановился жить в начале у своей родной сестры в немецкой колонии Христовка, а в 1932 году нанял себе квартиру в хуторе Терновка у Фриза Иосифа, а работал на шахте «Юнком». Ещё работал столяром в трудовой артели г. Енакиево Сталинской области». А далее было постановление от 26 октября 1937 года об избрании меры пресечения. В нем сказано, что начальник 3 отдела УГБ Госбезопасности НКВД Щенев, из материалов по обвинению нашёл, что Генг И.И. является членом фашистской диверсионно-повстанческой организации, активно проводит фашистскую пропаганду, ожидает интервенции со стороны Германии и высказывает свою готовность оказать помощь Германии в борьбе с советской властью во время войны Германии с СССР. На основании изложенного и руководствуясь ст.142-145 ст.156 УПК УССР постановил избрать мерой пресечения содержание под стражей. Это постановление служило представлением Горпрокурору для санкции.

Прокурор г. Орджоникидзе Бабинский, рассмотрев материалы по обвинению гр-на Гейна Ивана Ивановича (Генг, а не Гейна – так ошибочно написано в некоторых следственных документах) по статьям 54-6, 54-10, 54-11 УК УССР также: 1) нашёл, что Гейна Иван Иванович в достаточной степени изобличается в том, что он состоит членом контрреволюционной фашистской организации, занимался шпионской деятельностью, занимался контрреволюционной агитацией и 2) постановил Гейна И.И. заключить под стражу. В этот же день, 26 октября, на основании ордера на арест за № 140 произведён обыск у Генг И.И. в присутствии понятых. При обыске ничего обнаружено не было. Затем было ещё одно постановление от 6 ноября, текст которого, почти повторял первое постановление. 12 ноября 1937 года был допрос. На котором Иван Иванович под пытками сознался в том, что «На протяжении 1933–1934 гг. имел связь с фашистскими организациями помощи Германии, куда писал письма клеветнического

характера на советскую власть и после получал гитлеровскую помощь несколько раз, всего, получил 5 раз в сумме 40 марок». И «Я полностью признаю себя виновным в том, что я являюсь членом контр-революционной фашистской организации, сбежал со своего района от высылки меня на Север после раскулачивания, т.к. меня должны были выслать как крупного кулака. Имел переписку с Германией, распространял адреса написания в Германию писем, среди немецкого населения хутора Терновка, проводил контр-революционную пропаганду о неизбежности гибели Советской власти во время войны с СССР».

Из выписки протокола №33 НКВД СССР и прокуратуры СССР от 14 ноября: «Слушали дело по обвинению Генг И.И., постановили – расстрелять». Подпись начальника учётно-архивного отдела УКГБ при совете министров УССР по Сталинской области. Вместе с моим прадедом по делу проходили ещё 6 человек, все немецкой национальности, все расстреляны. По приказу Ежова за № 00447 в течение 24 часов за 3 дня до своего дня рождения, Иван Иванович Генг был расстрелян. Ему исполнилось бы 64 года.

Из материалов уголовного дела, присланного из Донецкой области, удалось узнать, что трёх сыновей Ивана Ивановича постигла такая же печальная участь. Генг Иосиф Иванович был арестован 6 декабря 1936 года в возрасте 38 лет. Он был женат, но о составе семьи ничего не известно, кроме того, что семья какое-то время проживала в Кемеровской области. Может, потомки Иосифа Ивановича и сейчас там живут. Где находится его уголовное дело? Видимо, его надо искать в базе данных Главного Информационного центра МВД в Москве.

Уголовное дело по обвинению Антона Ивановича, и ещё девятых человек, занимает 3 тома. На титульном листе уголовного дела стоит фамилия Фукс Т. Э. Фукс Теодор Эвальдович родился в 1914 году также в Старо-Бешевском районе в той же немецкой колонии. Имел среднее образование, работал учителем в неполной средней школе, был холост. Он был двоюродным братом Антона Ивановича, а значит и всех остальных братьев, включая моего прадеда Якова Ивановича (о нём речь пойдёт ниже). Его отца звали Фукс Эвальд Иванович, а мать – Христина Ивановна, её девичья фамилия была Генг. У Эвальда Ивановича и Христины Ивановны, кроме Теодора, были сёстры Розалия, 1911 года рождения в замужестве Дубровская, Евгения 1926 года рождения и брат Эвальд 1919 года рождения.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ БИОГРАФИКА

Непосредственно информации, касающейся Антона Ивановича, 104 листа. Антон Иванович был среднего роста, тёмно русый, глаза серые. Образование низшее, работал в артели им. III Интернационала Солнцевского сельсовета Старобешевского района колхозником, был членом профсоюза. Его жену звали Мальвина Яковлевна, она родилась в 1911 году, её девичья фамилия Бах. (Эта фамилия встретится ещё в работе, связанной с другим человеком, но есть ли между ними родственная связь, пока не понятно). У Мальвины Яковлевны и Антона Ивановича было двое детей: Берта 1929 года рождения и Николай, 1933 года рождения. В 60-х годах прошлого века Мальвина Яковлевна проживала в Казахской ССР, Восточно-Казахстанской области, в Курчумском районе, в селе Дарственное.

Генг Антон Иванович был арестован в апреле 1937 года в деревне Ново-Васильевка Старо-бешевского района Сталинской области. Сначала он содержался под стражей при тюрьме в городе Мариуполь. Прокурор в постановлении от 23 апреля пишет: «Генг А.И. изобличается как участник террористической группы, совместно с Фуксом Т.Э. выказывали готовность совершить террористические акты над вождями Коммунистической партии и советского правительства, в первую очередь над Сталиным, а также Генг А.И. привлекался в подготовительную группу по осуществлению газовых отравлений частей Красной армии и советских партийных руководителей. В другом постановлении от 8 мая 1937 года: «...ставил своей целью оказание вооружённой помощи Германии, в то время, когда последняя начнёт войну против Советского государства». Из материалов дела видно, что именно Фукс Теодор Эвальдович привлёк Антона Ивановича к террористической деятельности и из протокола допроса обвиняемого от 5 мая: «Фукс убеждал меня в том, что скоро советская власть переменится, т.к. Германия будет воевать против Советского союза и заберёт Украину. Немцы должны объединиться и оказать помощь Германии в победе над Советским Союзом. Во всём виноваты вожди правительства и их надо убивать, в частности надо убить Сталина». Таким образом, в обвинительном заключении написано: «В апреле месяце 1937 года 4 Отделом УГБ УНКВД по Донецкой области, вскрыта и ликвидирована в Старо-Бешевском районе немецкая контрреволюционная фашистская повстанческо-диверсионная, террористическая организация, насаждённая агентом иностранной разведки Фуксом Теодором Эвальдовичем». Военным трибуналом Харьковского военного

округа Антон Иванович был осуждён к тюремному заключению сроком на 10 лет. Но 9 июля 1938 года и Генг Антон Иванович и Фукс Теодор Эвальдович были расстреляны. Антону Ивановичу было 30 лет, Теодору Эвальдовичу 23 года. Позднее оба были реабилитированы посмертно. В уголовном деле Генга Ивана Ивановича имеется справка, в которой говорится, что Генг Фёдор Иванович (его сын) осуждён на 10 лет Исправительно-Трудового лагеря, где, находясь в заключении, умер от менингита. Но, ознакомившись с материалами уголовного дела по обвинению Фёдора Ивановича, я выяснила, что всё оказалось не так.

Приведу фрагменты из его уголовного дела. Фёдор Иванович также родился в Старо-Бешевском районе Донецкой области в феврале 1912 года. Образование имел 5 классов. Проживал в городе Орджоникидзе (ныне Донецк) на Рудничной улице, д. 38. Был холост. С 1936 года работал каталом в доменном цехе Орджоникидзевского Металлургического завода. Был членом профсоюза. 24 ноября 1937 года Орджоникидзевский Горотдел НКВД нашёл, что Генг Фёдор Иванович среди рабочих открыто, проводил контр-революционную фашистскую пропаганду, высказывая недовольство существующим строем, ожидает интервенцию со стороны Германии на Советский Союз, высказывает своё желание оказать активную помощь Германии в борьбе с Советской властью. Доказывает невозможность выполнения производственных норм, тем самым игнорирует стахановский метод работы. Профорг цеха написал такую характеристику: «Генг Ф. И. ...в общественной жизни не участвует на заём не подписался, вёл антисоветскую агитацию против займа, по производству имел нарушения трудовой дисциплины, делал прогулы, организовывал пьянки, разлагал трудовую дисциплину». В итоге Фёдор Иванович был арестован и заключён под стражу, а 4 декабря комиссия НКВД и Прокурор СССР своим решением постановили «Генга Ф. И., по своим убеждениям ярого фашиста расстрелять». Ему было 25 лет. Реабилитирован посмертно. О судьбе пятого брата – Генга Ивана Ивановича, известно лишь только то, что он проживал в городе Енакиево и до 1941 года был жив.

После ознакомления с уголовными делами, я пришла к выводу, что Якову Ивановичу повезло больше всех. Это, действительно счастье, что он избежал участи ареста и расстрела. И, хотя ему, как немцу, тоже досталась нелёгкая судьба, но он остался жив, единственный из всех братьев. Совсем недавно я узнала одну очень важную подробность тех далёких времён. Оказывается,

ПЕТЕРБУРГСКАЯ БИОГРАФИКА

после ареста братьев, к Якову Ивановичу пришёл некий, предположительно, комиссар, из органов НКВД и предупредил, что в скором времени и его арестуют, и посоветовал скрыться. Так Яков Иванович Генг, мой прадедушка, остался жив. Но подробностей этого момента уже никогда не узнать. Да, были порядочные люди и среди представителей НКВД. Если бы Якова Ивановича расстреляли, его род прервался бы.

Фамилия прадедушки в документах уже пишется не Генг, а Генъ. Он, Яков Иванович, родился 20 июля 1911 года там же в немецкой колонии в деревне Блуменфельд или Ново-Васильевка (ныне деревня Краснополье) Солнцевского сельсовета Старобешевского района Сталинской области (ныне Донецкая область) на Украине. По воспоминаниям Якова Ивановича, семья имела своё хозяйство: большой двор, куры, свиньи, коровы. Отец, Иван Иванович, умел играть на скрипке. Прадед Яков Иванович пошёл в школу в 1917 году в деревне Блуменфельд, но окончил только 4 класса. Прабабушка Александра Петровна родилась 21 января 1910 года в той же деревне Блуменфельд на Украине. Родилась в семье немцев: Бах Петра Петровича (1887 года рождения) и Елизаветы Павловны (урождённая – Рожинская). В семье было ещё 3 старшие сестры Рики, Франциска 1905 года рождения и Агнесс 1908 года рождения, а также 3 брата. Одного звали Александр), имена остальных не известны. Все братья также в 1937 году были репрессированы, без вести пропали. Пётр Петрович Бах умер в 1930 году.

Яков Иванович и Александра Петровна родились и жили на одной улице, вместе росли. Прадедушка вспоминал, что прабабушка хорошо пела, играя с куклами, всегда что-то напевала. Зная друг друга с детства, в 1928 году Яков и Александра решили пожениться. Там же в деревне Блуменфельд сыграли свадьбу. Но документа о регистрации брака от 28 октября 1928 года не сохранилось. Только в 1949 году они получили новое свидетельство о браке. Яков Иванович хотел работать в колхозе, но его не приняли, как сына кулака. Хотя Яков Иванович вспоминал, что они не были кулаками и сами содержали и работали на своём дворе и со скотом. В 1929 году у них, как и у многих, было конфисковано всё имущество: дом, двор, скот, орудия труда всё было изъято и передано государству. За одну ночь стали они бездомными. Это, и к тому же смерть первого ребёнка, побудили Якова Ивановича и Александру Петровну оставить родное село и переехать в город. Яков Иванович устроился работать на стройке ЗУГРЭССТРОЙ. Александра Петровна была домохозяйкой. А прадедушка на лошадях подвозил строительный

материал. В 1932 году произошло сокращение работников. Далее я приведу фрагмент воспоминаний прадедушки, написанных им в 1990 году: «...и мы должны были переехать в город Енакиево, где я устроился на работу на кирпичный завод. В 1933 году 30 октября забрали в трудовую армию. Документы не сохранились, где пробыл с 1933 по 1936 год. В 1936 году 12 сентября вернулся из трудовой армии и устроился на работу на металлургический завод города Енакиево. В 1938 году выстроил дом, где прожили до 1941 года. В 1941 году работал на гидрошахте № 1, в качестве дежурного. 1 сентября оставили шахту и рабочие были отправлены на окопы. Проработав 1 месяц, приехал в Ореховский военкомат Запорожской области. Собрали всех русских немцев с окопов и пешком отправили в глубокий тыл. Шли, не доходя до Астрахани, 60 км. Там нашли работу для нас – стройка железной дороги Кизляр – Астрахань. Проработали 6 месяцев, нас увезли в Ульяновск, где мы работали на выгрузке шпал из трала баржи». В 1937 году у Якова Ивановича и Александры Петровны случились ещё одна трагедия. Умер их второй ребёнок: сын Николай. 1937 год был очень тяжёлым для семьи, ведь были арестованы 4 брата Якова Ивановича, их отец Иван Иванович, а также 3 брата Александры Петровны. Больше никто их никогда не видел. 2 марта 1941 года у Александры Петровны и Якова Ивановича родился ещё один ребёнок. Они молились и очень надеялись, что он выживет. И он выжил. Мальчика назвали Иваном. Место его рождения – Орджоникидзевский район Донецкой области. Так на свет появился мой дедушка. Родился за 3,5 месяца до начала Великой Отечественной войны. В свидетельстве о рождении от 12 марта 1941 года графа национальность отсутствует. (Гораздо позднее, когда Иван Яковлевич стал взрослым, у него родилась дочь – моя мама, Надежда Ивановна. В её свидетельстве о рождении, в графе национальность отца написано: русский).

Затем пришли тяжёлые годы войны. И для лиц немецкой национальности вдвойне.

В 1943 г., в период май–сентябрь, происходит четвёртая волна мобилизации советских немцев в Трудовую армию на основании постановлений ГКО СССР № 3095 от 26 апреля, № 3857 от 2 августа и № 3860 от 19 августа 1943 года. Призвано 5,3 тыс. мужчин и 9,8 тыс. женщин. В связи с «истощением ресурсов» мобилизуются больные, инвалиды, беременные женщины, подростки 14 лет, старики. И так, в 1943 году Якова Ивановича разлучили с семьёй. Из архивной справки МВД Республики Коми: «...Гень Я. И. в 1943

ПЕТЕРБУРГСКАЯ БИОГРАФИКА

году мобилизован в трудовую армию и направлен для работы в промышленности Воркутстроя. По демобилизации из трудовой армии взят на учёт спецпоселения по национальному признаку». В акционерном обществе по добыче угля «ВоркутаУголь» на хранении в архивном фонде шахты «Воркутинская» (бывшие шахты № 4, 40) находятся документы Геня Якова Ивановича. Копии этих документов теперь хранятся у нас дома. В документах прилагалась фотография относительно молодого прадедушки, это большая удача т.к. ранних фотографий его у меня дома нет. 8 января 1945 г. Совет Народных Комиссаров СССР принимает постановление «О правовом положении спецпереселенцев», определившим бесправное положение немцев на многие годы. Это была та же тюрьма, только без ограждений из колючей проволоки. Спецпереселенцы не имели права без разрешения коменданта спецкомендатуры НКВД отлучаться за пределы района расселения; самовольная отлучка рассматривалась как побег и влекла за собой кару в уголовном порядке. Но жестокость творцов сталинской национальной политики не знала предела. 26 ноября 1948 г. принимается Указ Президиума Верховного Совета СССР, в котором с иезуитским хладнокровием сообщалось: «депортированные народы, в том числе немцы, переселены в отдалённые районы Советского Союза...навечно, без права возврата их к прежним местам жительства». За самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения устанавливалась уголовная ответственность – 20 лет каторжных работ. С декабря 1945 года по январь 1946 года происходит ликвидация рабочих колонн и лагерной системы (зон) проживания мобилизованных немцев. Трудармейцы закрепляются за предприятиями, им дается право перевода своих семей к месту работы. За время существования рабочих колонн – с сентября 1942 по январь 1946 – через это прошло 316, 6 тыс. советских немцев.

Александра Петровна вместе с маленьким сыном Ваней была выслана в Кемеровскую область. Проживала в период 1941–1947 гг. в колхозе «Ударник», в Промышленном районе Кемеровской области. В 1947 году прибыла на соединение к мужу в Воркутлаг и взята на учёт спецпоселения. Целых 6 лет Яков Иванович не видел своего сына. Я представляю, какую радость испытала вновь воссоединившаяся семья!

В октябре 1947 года у Александры Петровны и Якова Ивановича родилась дочь Лидия. Позже Лидия Яковлевна вспоминала, что в детстве «жила с родителями в покое и в радости. Ни разу не слышала, чтобы они друг с другом ссорились или вспылили. Общительные, смиренные, незлопамятные, они не злословили,

не перемывали людям «косточки». В служебной личной карточке Якова Ивановича, присланной из Воркуты написано, что он с 1943 года по 1948 год работал электрослесарем и механиком участка на шахте № 4 города Воркута, в 1948 году окончил курсы машинистов подъёма и работал машинистом подъёмных установок. С июня 1949 года по февраль 1950 году Яков Иванович ещё работал шофёром. Трудился он на угольных шахтах № 4, № 2 и № 40. 10 июня 1962 года Яков Иванович вышел на пенсию. Вот некоторые интересные моменты биографии из той же служебной карточки. На вопрос, какими иностранными языками владеете, Яков Иванович отвечает: хорошо – немецким, слабо – русским. А в другой справке указано, что средний заработок Якова Ивановича, например, за январь 1949 года составил 1654 рубля 64 копейки, а за май – 2103 рубля 64 копейки. Сейчас даже не понятно для 1949 года, работая на Севере – это много или мало. И ещё: в предвоенные и военные годы многие документы семейного архива были утрачены, и после войны некоторые документы оформлялись снова. Среди них свидетельства о рождениях Якова Ивановича и Александры Петровны, их свидетельство о браке, свидетельство о рождении их сына, моего дедушки Ивана Яковлевича. И, может быть, в целях безопасности в свидетельстве о рождении Якова Ивановича фамилия Генг изменена и стала Гень, хотя в некоторых ранних документах последняя буква «г» пишется похожей на «ь».

13 декабря 1955 года Президиум Верховного Совета СССР принимает Указ «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении». В указе подчёркивается, «снятие с немцев ограничения по спецпоселению не влечёт за собой возвращения имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены».

Ещё 20 февраля 1957 года Яков Иванович обратился в соответствующие органы с заявлением по розыску и установлению судеб своего отца и братьев. 3 марта 1961 года он вновь обращается в военную прокуратуру Киевского военного округа, которая, в свою очередь, запрашивает УКГБ при Совете министров УССР по Сталинской области и Центральный Государственный особый архив СССР на наличие сведений о принадлежности Генга Ивана Ивановича к агентуре германских разведорганов. В июле получен ответ: «Произведённой проверкой принадлежности Генга И. И. к органам разведки Германии не установлено». Далее: «Учитывая, что в 1937 году вменявшееся осуждённым (их было 7 человек) по настоящему

делу обвинение об их антисоветской деятельности основывалось исключительно на показаниях обвиняемых, которые в ходе дополнительной проверки не нашли себе подтверждения, отменить постановление бывшей комиссии НКВД и прокуратуры СССР об осуждении Генг И. И. и за отсутствием состава преступления дело производством прекратить на основании ст. 213 часть II УПК УССР» и «Привлечение к уголовной ответственности по настоящему делу лица были репрессированы не обоснованно». 28 августа 1961 года Яков Иванович получил справку из военного трибунала Киевского военного округа о реабилитации своего отца посмертно.

В апреле 2010 года Лидия Яковлевна из Германии написала нам письмо. Вот детские воспоминания Лидии Яковлевны: «О Воркуте у меня самые светлые воспоминания. Да, родителей сослали, как немцев, на Крайний север. За нашим домом была тюрьма для политических ссыльных. Мы были в законе – без права продвижения, переезда в другие города. Но я была школьницей, и, что запомнилось? Сугробы с двухэтажный дом и как трактор разгружал их. Активированные дни: т.е. утром радио сообщало: учащиеся с 1 по 10 класс школу не посещают, т.к. буран, вьюга, метель – 50–60 градусов мороза. А после обеда – как у Пушкина: «Мороз и солнце день чудесный!» Мы брали лыжи, санки и в тундру». Из этого же письма Лидии Яковлевны: «Мама с папой очень любили музыку, у мамы и в 92 года был очень хороший голос (а пела она с детства). На музыкальных инструментах они не играли. Но мама часто говорила: «Хорошо, если в семье кто-то играет на музыкальном инструменте». Я в первом классе поступила в музыкальную школу по классу фортепиано, сдала экзамен, но т.к. в доме инструмента не было, так всё и ушло. А вот для моего брата Ивана, который был старше меня на 8 лет, музыка стала профессией. Кто посоветовал ему играть на баяне – не знаю, думаю, что сам, желание было его. Музыка Иван был посвящён с детства. Мама рассказывала, что мелодия, которую он слышал по радио, воспроизводил мгновенно, сам сочинял. Играть Иван не просто любил, а обожал. Это доставляло ему огромное удовольствие. После школы он поступил в Сыктывкарское музыкальное училище, потом учился в городе Ухта. Я слышала, что брата приглашали поступать в Консерваторию. Он очень часто выступал с концертами и занимался преподавательской деятельностью в музыкальных школах». У нас дома чудом сохранилась афиша Джамбульского областного управления культуры с фамилией лауреата городских и областных конкурсов баянистов Ивана Гень.

Тем временем, Иван Гень, будучи молодым человеком, должен был проходить службу в армии. К призывному участку г. Ухта он прибыл 23.09.1961 года из г. Сыктывкара республики Коми. 27 ноября 1962 года Иван был призван Ухтинским горвоенкоматом в вооружённые силы. Именно в этот период Иван Яковлевич Гень знакомится в Ухте с Давыдовой Ларисой Викторовной. Она после окончания инженерного факультета Сельскохозяйственного (ныне Аграрного) института работала на Севере. Где конкретно познакомилась моя бабушка и бабушка, к сожалению, мне не известно. Но я хорошо помню, как бабушка часто говорила о том, как здорово играл на баяне дедушка. Вспоминала его большой концертный белого цвета баян, и как виртуозно он играл любую музыку. А так как Лариса Викторовна сама знала нотную грамоту, умела играть на фортепиано, любила и ценила хорошую музыку, то игрой Ивана Яковлевича она была восхищена. Недавно, одна из ее подруг, которая впоследствии работала с Ларисой Викторовной – Аннета Николаевна Тимохина высказала предположение, где могли конкретно познакомиться Иван Яковлевич и Лариса Викторовна (Лариса Викторовна умерла в 2003 году). Я с этим предположением согласна. Иван Яковлевич играл на баяне в местном Доме культуры или клубе. Может быть, это были концерты или танцевальные вечера под живую музыку, а т.к. Лариса Викторовна всегда увлекалась музыкой, то она и посещала эти музыкальные мероприятия. Так, наверно они и познакомились. Потом стали встречаться и впоследствии поженились. 11 июня 1963 года у Ивана Яковлевича и Ларисы Викторовны Гень родилась дочь Надежда, моя мама.

Вернусь к прадедушке и прабабушке. Ещё в феврале 1956 года Яков Иванович и Александра Петровна в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 года были сняты с учёта спецпоселения. Время проживания на Севере моих прабабушки и прадедушки с детьми, когда их с родных мест по национальным признакам незаконно переселили, было, нелёгким и суровым. И целому поколению русских немцев выпала такая же непростая судьба. Мне не случилось увидеть ни Якова Ивановича, ни Александру Петровну, и спросить у них, как же им жилось в Воркуте? Лидия Яковлевна написала так по этому поводу: «О трудностях у нас в семье не говорили». 14 ноября 1989 года Верховный Совет СССР принимает Декларацию «О признании незаконными и преступными репрессивные акты против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав» – первый документ высших органов государственной власти СССР после 1942 года. В декларации

говорится: «Память с особой горечью возвращает нас в трагические годы сталинских репрессий. Беззаконие и произвол не обошли стороной ни одну республику, ни один народ. Допущенные в прошлом массовые аресты, лагерное мученичество, обездоленные женщины, старики и дети в переселённых зонах продолжают взывать к нашей совести, оскорбляют нравственное чувство. Об этом нельзя забывать». Только в начале 90-х годов прошлого века Яков Иванович и Александра Петровна получили справки о реабилитации, где написано, что «Незаконное выселение и принудительное направление на спецпоселение признаётся политической репрессией» (Указ президента СССР от 13 августа 1990 года «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20–50-х годов»).

После того как Яков Иванович вышел на пенсию в 1962 году, семья решила уехать с Севера. Уехали в Казахстан, потому что там было тепло и проживали сёстры Александры Петровны. Бах Франциска Петровна и Агнесса Петровна одно время жили на руднике Чердоjak Курчумского района Восточного Казахстана, далее в селе Алексеевка Сталинского района Акмолинской области и позже в городе Тараз (в прошлом Джамбул).

Итак, 16 июня 1962 года семья переехала в Казахстан. Перед этим Яков Иванович сначала съездил в город Тараз, всё посмотрел. После морозов и холодов Севера в Казахстане было солнечно и тепло. В Таразе ему понравилось, и он купил небольшой дом с садом и огородом. Потом уже Александра Петровна с дочерью приехали. Сын Иван в это время служил в армии на Севере. Прабабушка и прадедушка завели хозяйство: кур, свинью, собаку, кошку. И стали они мирно жить-поживать, можно сказать, наконец-то в своё удовольствие, в радости и покое.

Использованная литература и источники:

1. Материалы семейного архива. Фонд линии матери. Дело А.Я. Давыдовой, дело В.Н. Давыдова.
2. Материалы семейного архива. Фонд линии матери. Дело В.Н. Остромецкой, дело Генг-Гень, дело Л.В. Гень, дело Н.И. Гень, дело Остромецких.
3. Материалы уголовных дел на И.И. Генга, А.И. Генга и Ф.И. Генга.
4. Материалы уголовного дела на К.П. Остромецкого.
5. Списки граждан, расстрелянных в 1937–1938 гг. (10 томов «ЛМ») // Возвращённые имена : [сайт] / Рос. нац. б-ка. – URL: http://vizz.nlr.ru/search/lists/all/238_19.html (дата обращения: 24.03.2012).

Сербина Александра
10 класс, Аничков лицей,
Юношеский Университет
Петербурга
ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ»

**«Жизнь Родине, честь никому»
(Род Травиных – Вишневских – Закликовских)**

В РАНЕЕ проведенной исследовательской работе, посвященной моей прабабушке – художнице, члену коллектива «Мастера аналитического искусства» П. Н. Филонова Софье Людвиговне Закликовской, помимо изучения биографии самой Софьи Людвиговны, нужно было уделить внимание и ее генеалогическому древу. Изучение родословной так увлекло меня, что выбор темы для новой работы остановился именно на этом. Изучение родословной всегда не только интересно, но и актуально: через судьбы отдельных личностей мы узнаем историю всей нашей Родины. На сегодняшний день мною прослежена родословная по линии Софьи Людвиговны Закликовской вплоть до 12-го поколения. Судьбы некоторых представителей ее родословного древа отражены в данном исследовании.

Эта глава посвящается крестному моей прапрабабушки А. У. Закликовской, брату ее матери Марии Дмитриевны, Ивану Дмитриевичу Травину. Материалы для написания этой главы я нашла в Государственном архиве Псковской области (ГАПО), в Российском государственном архиве военно-морского флота, а также в адрес-календарях и различных трудах по истории и краеведению.

Моя прапрабабушка, Александра Ульяновна, часто рассказывала дочерям про одного из родственников, который, по ее словам, был адмиралом, служил в Кронштадте, и отзывалась о нем с большой теплотой и нежностью. Но никто из ныне живущих ее потомков не мог точно вспомнить, о ком шла речь в этих рассказах. Какова же была моя радость, когда при работе в ГАПО я наткнулась на свидетельство о браке А. У. Закликовской, урожденной Вишневской, где одним из восприемников значится Иван Дмитриевич Травин, генерал-майор. Забегая вперед, скажу, что служил Иван Дмитриевич в морской артиллерии, а звания морским артиллеристам присваивались сухопутные. Так что звание генерал-майор соответствовало морскому контр-адмиралу. Так у меня получилось пролить свет на историю о загадочном адмирале,

и захотелось подробнее узнать о нем. Как мне удалось выяснить из документов, хранящихся в ГАПО, родился И. Д. Травин в семье помещика, губернского секретаря Дмитрия Гавриловича Травина и его жены Марии Федоровны. В ГАПО хранится свидетельство, выданное Ивану Травину в мае 1825 года о том, что «род его состоит в Псковской губернии в Островском уезде по 7-й ревизии мужского пола дворовых людей и крестьян четырнадцать душ, и что род сей Травиных внесен в дворянскую родословную книгу». Сам же Иван был внесен в дворянскую родословную книгу, часть 1-ю, 12 декабря 1825 года. Кроме Ивана в семье Травиных были еще сыновья Дмитрий и Гаврила и дочери Олимпиада и Мария (впоследствии – мать моей прапрабабушки).

Итак, поместье Травиных находилось в Островском уезде Псковской губернии. В списке населенных мест Псковской губернии на 1872–1877 гг. мы можем увидеть два населенных пункта с названием «Травино». Одна деревня Травино (Космачи) находилась в Сонинской волости (ближе к Вышегородской дороге) в 49 верстах от г. Острова, при колодце, и было в нем два двора и по девять человек жителей мужского и женского пола. Другой – сельцо Травино, в списках населенных мест значится под № 8102, находился вблизи проселочной дороги из г. Острова через погосты Сторицы и Навережье в Вышгород Порховского уезда в 61 версте от уездного центра. В этом сельце был один двор, проживало семь мужчин и десять женщин. Возможно, одно из этих имений в начале века принадлежало родителям Ивана Дмитриевича. Там, на просторах псковщины и прошло его детство. В 1829 году, когда Ивану было десять лет, отец решил определить его в военное учебное заведение. Вот как Дмитрий Гаврилович пишет в Прошении о выдаче протокола о дворянстве: «Имею я при себе законного сына, Ивана, имеющего от роду 11-й год, неопределенного еще на службу никуда, а желание имею определить в морской кадетский или другой корпус». В РГАВМФ сохранилось аналогичное прошение «уволненного от дел российского дворянина губернского секретаря Дмитрия Гавриловича Травина» от 16 февраля 1829 года, в котором говорится: «Имею я при себе законного сына Ивана, которому от роду 11-й год; он обучен российской грамоте читать, и писать, Закону Божьему, арифметике, грамматике, географии...а желание имею я воспитывать его в морском кадетском корпусе...». Однако в Морской кадетский корпус Ивана не должны были принять, так как корпус был одним из самых привилегированных учебных заведений. Принимались в него только дети из семей флотских

офицеров; дворян, внесенных в 4, 5 и 6-ю части родословных книг; дворяне княжества Финляндского и трех прибалтийских губерний, имеющие не менее чем 100-летнее дворянство; дворяне Царства Польского; дети особ первых 4-х классов. Отец Ивана, Дмитрий Гаврилович Травин был внесен в 1-ю часть родословной книги и имел чин губернского секретаря, который относился к XII классу. То, что Иван не обучался в Морском кадетском корпусе, подтверждает «Очерк истории морского кадетского корпуса» составленный Ф. Веселаго, в приложении к которому помещен список воспитанников корпуса за 100 лет. В 1830–40-х годах среди выпускников не встречается Иван Травин, также как там нет и Гавриила Травина, двоюродного брата Ивана. Отец Гавриилы, Алексей Гаврилович подавал прошение о приеме своего сына в морской кадетский корпус одновременно с Дмитрием Гавриловичем. Где Иван Дмитриевич получил образование, выяснить мне пока не удалось. Однако, на основании запроса из канцелярии корпуса морской артиллерии от 23 июля 1841 года хранящегося в ГАПО, я знаю, что в 1841 году Иван Дмитриевич Травин был унтер-офицером Каспийской морской артиллерийской роты и представлялся к производству в первый офицерский чин. Вся последующая карьера И. Д. Травина связана с Инженерным училищем морского ведомства. За время своего существования оно несколько раз меняло названия: 1798–1827 – Училище корабельной архитектуры, имело 3-х годичный курс обучения и штат в 100 человек. Сначала училище располагалось в здании по адресу Никольская пл., д. 2 (дом Г. И. Бухарина). Ныне на фасаде, выходящем на проспект Римского-Корсакова, помещается памятная доска с текстом: «Здесь в 1798–1816 гг. размещалось первое в мире Училище корабельной архитектуры». В 1827 году это училище было преобразовано в Кондукторские роты Учебного морского рабочего экипажа с общим штатом 900 человек, где готовили главным образом унтер-офицеров. В книге В. П. и П. С. Митрофановых «Школы под парусами» на странице 86 помещена фотография дома № 119 по каналу Грибоедова (бывш. Екатерининский канал), которая подписана: «Первое здание Морского инженерного училища». Возможно, именно в это здание переехало училище с Никольской площади. С 1828 года училище располагалось уже в здании Главного Адмиралтейства. С 1844 по 1856 год – Морское инженерное училище, на базе которого в 1856 году создано Морское инженерно-артиллерийское училище, в котором сосредоточилась подготовка артиллеристов, механиков и корабельных инженеров. Штат училища первоначально составлял

274 человека, но если в 1861 году в нем учился 281 человек, то в 1871 – только 48. За эти годы было выпущено 239 инженеров с офицерскими званиями. В 1872 году инженерно-артиллерийское и штурманское училища были объединены в одно учебное заведение – Техническое училище морского ведомства, которое тогда же переведено в Кронштадт. Это было высшее учебное заведение со штатом в 225 человек и трехлетним сроком обучения. Для поступления в училище требовалось окончить пять классов гимназии или реального училища. В училище было четыре отделения: артиллерийское, штурманское, механическое и кораблестроительное. В период с 1873 по 1879 год в нем было подготовлено 29 специалиста, ежегодный прием составлял 46–58 человек. Сословный состав обучавшихся там отличался от обучавшихся в Морском корпусе: детей дворян из принятых за все годы существования Технического училища морского ведомства было только 9, 2 %. По Адрес-календарям получилось проследить карьеру Ивана Дмитриевича Травина с 1850 по 1881 годы. В 1850 году в разделе «Морские министерства» Иван Дмитриевич Травин – штабс-капитан в инженерном и артиллерийском училище. В 1860 году И. Д. Травин – командир роты крепостной морской артиллерии в Инженерном и артиллерийском училище Морского ведомства в чине штабс-капитана. Крепостная артиллерия, по определению энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, это «совокупность находящихся в крепостях артиллерийских орудий, с материальной частью и принадлежностями, и личного состава офицеров и нижних чинов. Крепостная артиллерия каждой крепости разделяется на батальоны и роты». В 1865 году он уже капитан, в той же должности, а в 1870 году – командующий отделением морской артиллерии.

С 1828 года училище располагалось в здании Адмиралтейства, там же были квартиры офицеров. Во Всеобщей адресной книге на 1867–68 годы можно найти адрес капитана Травина Ивана Дмитриевича: Адмиралтейская площадь, д. лит. Б. Артиллерийское училище. Ныне на месте Адмиралтейской площади находится разбитый в 1870-х годах Александровский сад. А само здание Главного Адмиралтейства было перестроено по проекту занимавшего должность «Главного Адмиралтейств архитектора» А. Д. Захарова в 1806–1823 годах, так как построенное И. К. Коробовым в 1730-х годах, оно к началу XIX века представлялось скромным и недостаточно выразительным сооружением. Также частично были перепланированы внутренние помещения под квартиры для адмиралов и министра. Офицеры и курсанты

посещали церковь Святого Спиридона Тримифунтского, расположенную в здании Адмиралтейства. В РГАВМФ я нашла приказ управляющего Морским Министерством от 1 мая 1873 года по которому ротным командиром корпуса морской артиллерии по Техническому училищу назначается подполковник Иван Травин. В 1875 году Иван Дмитриевич также в чине подполковника являлся командиром роты морской артиллерии в Техническом училище, которое это время уже находилось в Кронштадте. В 1880–1881 годах И. Д. Травин уже полковник.

В городе на острове Котлин училище расположилось в Итальянском дворце (ныне Макаровская ул., д. 3), бывшем дворце А. Д. Меншикова. Построен дворец был итальянским архитектором Иоганном Браунштейном, в отделке принимал участие Джузеппе Фонтана. Дворец Меншикова в Кронштадте стал одним из самых просторных по размерам и изящных по отделке архитектурных ансамблей в России. Первые этажи занимали торговые лавки местных купцов, которые вели активную торговлю с иностранными купцами, чьи суда приходили в находившуюся поблизости Купеческую гавань. После отставки Меншикова во дворце разместилась Канцелярия строительства дока, затем таможня, а после пожара 1823 года – Кронштадтский адмиралтейский госпиталь. Когда для лечебного учреждения построили новое здание, в Петербурге пострадало от пожара здание Морского кадетского корпуса и по велению императрицы Екатерины II питомцев учебного заведения разместили в Итальянском дворце. И только в августе 1798 года император Павел Петрович, являвшийся генерал-адмиралом военного флота, повелел перевести Морской корпус обратно в столицу, а для подготовки навигаторов для Балтийского флота учредил в Кронштадте Штурманское училище. В 1843–48 годах дворец подвергся реконструкции для расширения учебного заведения, и в 1872 году инженерное училище Морского ведомства покинуло город на Неве и разместилось в Итальянском дворце. Учебное заведение теперь стало именоваться Техническим училищем Морского ведомства. Позднее здание неоднократно перестраивалось, достраивались новые корпуса. И только в 1910 году, с заменой устаревшей сигнальной башни, западная часть архитектурного комплекса получила свой окончательный вид. Ныне в здании находится Матросский клуб и Драматический театр Балтийского флота. Еще один адрес в Кронштадте, непосредственно связанный с жизнью офицеров XIX века, в том числе и с жизнью Ивана Дмитриевича, это здание Морского собрания

на Большой Екатерининской улице (ныне Советская ул., д. 45), построенное по проекту архитектора М. Н. Ветошникова в 1785–78 годах. По приказу великого князя генерал-адмирала Константина Николаевича, оно было капитально реконструировано в 1856–58 годах по проекту архитектора Р. И. Кузьмина для размещения Морского собрания и Морской библиотеки. В отреставрированном здании пять комнат первого этажа отвели для библиотеки, а также по одному помещению для читального зала и музея, экспозиция которого представляла собой коллекцию живописных полотен и декоративных предметов интерьера – подарок от кают-компаний кораблей, возвратившихся в родной порт из дальних походов. На заседаниях Морского собрания звучали доклады о развитии военно-морской науки, рассматривались научные результаты экспедиций, проходили встречи флотских офицеров с известными российскими учеными и деятелями искусства. Ныне в здании находится Дом офицеров. По соседству с Домом офицеров находятся трехэтажные здания – офицерские флигели, построенные в 1785–88 годах архитектором М. Н. Ветошниковым. Строительство велось так основательно и добротнo, что здания без существенных изменений до сих пор олицетворяют собой архитектурный стиль и облик одной из центральных улиц Кронштадта. В одном из этих корпусов мог проживать и Иван Дмитриевич. Описывая Кронштадт того времени, невозможно не упомянуть об Андреевском соборе, который в то время являлся украшением всего города и неотъемлемой частью жизни моряков. Собор был заложен 20 июня 1805 года митрополитом Новгородским и Санкт-Петербургским Амвросием в присутствии императора Александра I. Возведенный на ассигнации Морского ведомства по проекту главного архитектора Адмиралтейства А. Д. Захарова, главный храм крепости был освящен 26 августа 1817 года Ревельским епископом Филаретом. С 1855 года протоиереем Андреевского собора был отец Иоанн Ильич Сергиев Кронштадский. Неистовая служба этого великого человека на протяжении 53 лет снискала настоятелю храма всенародное признание не только города-крепости, но и всей России. Возможно, Иван Дмитриевич был среди прихожан Андреевского собора и внимал проповедям отца Иоанна. К сожалению, в 1932 году собор снесли, и о его красоте мы можем судить только по фотографиям. Насколько велика значимость Кронштадта в истории России, настолько же каждая улица, каждое здание города может быть связано с именем Ивана Дмитриевича Травина.

Итак, к 1883 году, когда венчалась его племянница и крестная Александра Вишневецкая, Иван Дмитриевич был уже генерал-майором и находился в отставке. Скончался И. Д. Травин 8 апреля 1886 года. После смерти Ивана Дмитриевича его вдове, Ольга Лукиничне Травиной, в мае 1886 года была назначена пенсия из эмеритальной кассы в размере 514 рублей 47 копеек за 35 лет службы мужа. Ольга Лукинична родилась 14 ноября 1834 года и скончалась 25 декабря 1906 года, пережив супруга на 20 лет. Она захоронена на Волковом православном кладбище в Петербурге, надпись на могиле гласит: Травина Ольга Лукинична, вдова генерал-майора.

С большим интересом я собирала факты биографии Ивана Дмитриевича Травина, рожденного в семье небогатого помещика и прошедшего путь до генерал-майора, и очень рада, что мне удалось собрать воедино летопись его жизни.

Использованная литература и источники:

1. ГАПО. Ф. 110. Оп. 1.
2. ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп. 1.
3. ДАЖО. Ф. 146. Оп. 1.
4. Семейный архив Андрушкевич, Сербиных, Суворовых, Ятлинко.
5. Бобровский П. О. Двадцатипятилетие юнкерских училищ : (20 сент. 1869 по 1889) : очерк генерал-лейтенанта П. Бобровского. – СПб. : : тип. Деп. уделов, 1889.
6. Висковатый А. В. Краткая история Первого Кадетского корпуса. – СПб. : Воен. тип. Гл. штаба, 1832.
7. Волков С. В. Русский офицерский корпус. – М. : Воениздат, 1993.
8. Грабовский С. В. Историческая хроника полков 37-й пехотной дивизии. – СПб. : Тип. Кесневиля и Балашева, 1883.
9. Месяцесловы с росписью чиновных особ в государстве на 1778–1802 годы. – СПб. : Имп. Акад. наук, 1778–1802.
10. Морской сборник. – 1886. – Т. 215, № 7.
11. Общий список офицерским чинам русской императорской армии. – СПб. : Воен. тип., 1908–1910.
12. Памятные книжки Псковской губернии за 1856–1914 годы. – Псков : Гос. стат. комитет, 1856–1914.
13. Половинкин И.В. «Памятка» подполковника Витта : из истории 24-й артиллерийской бригады // Провинциальные новости. – Луга, 2007. – № 3.
14. Списки населённых мест Российской империи. Псковская губерния. – СПб. : Центр. стат. комитет М-ва внутр. дел, 1885.

ЛЕНИНГРАД. ВОЙНА. БЛОКАДА

Гайнетдинова Гульшат
11 класс, школа № 571,
«Правобережный» ДДТ Невского
района

Роль татарского и башкирского народов в обороне Ленинграда

22 июня 1941 года жизнь всех советских граждан поменялась в одночасье. Началась война – время тревоги, неопределенности: немцы захватывали все больше наших территорий. Гитлер считал, что Советский Союз будет крайне легко разрушить из-за его многонациональности. Немецкое командование полагало, что тщательной, хорошо продуманной работой над национальными факторами сможет расколоть мощную державу на мелкие кусочки. Германия готовилась к идеологической войне. Особое внимание оказывалось воздействию на татарское и башкирское население:

во-первых, татары – это второй по численности после русских народ, проживающий на территории России, а башкиры и татары очень близки друг к другу;

во-вторых, из исторических фактов становится ясно, что и татары, и башкиры бесстрашны, очень выносливы, а главное – преданы своей Родине, настоящие воины.

Немецкие разведчики установили, на каких фронтах воевало большое количество татар, и вели активную агитационную деятельность на их родном языке. Довольно большое внимание уделялось печатной агитации. Выпускалось множество газет и листовок на татарском языке (татарский и башкирский языки очень похожи). Немцы сбрасывали на населенные пункты снаряды с пропагандистскими листовками внутри, агитируя людей переходить на их сторону. Не так давно минный реактивный снаряд 73-миллиметрового калибра, начиненный листовками на татарском языке, был найден поисковым добровольным объединением «Северо-Запад» в местечке у Мясного Бора, находящимся между Чудовом и Новгородом. Найденные листовки содержали следующую информацию: «Большевики и Москва многие годы давили вашу религию. Мечети

ЛЕНИНГРАД. ВОЙНА. БЛОКАДА

ваши закрывались, в них открывались клубы и гаражи. Тех, кто читал намаз, соблюдал пост в месяц Рамазан, арестовывали, ссылали, расстреливали...». Содержание листовки говорит о том, что немцы основательно подошли к изучению особенностей народов СССР и недостатков советской политики в сфере национальных и религиозных вопросов. Стоит добавить, что листовки на татарском языке были написаны латинскими буквами, следовательно, немцы знали о переводе в 1929 году татарской письменности с арабской графики на латиницу. Однако советское руководство также знало об огромной силе слова и еще задолго до начала войны при подготовке к ней начало активную пропаганду: изготавливались плакаты, кинофильмы, писались песни и многое другое. Агитация и пропаганда велась не только на русском языке, но и на языках народов СССР, не исключая татарский и башкирский. Мастера слова, в том числе татарские и башкирские писатели, поэты в суровое время поднимали боевой дух однополчан и сослуживцев. Выдающийся татарский поэт Муса Джалиль (Муса Мустафаевич Джалилов) был одним из них. Поэт был призван на фронт на следующий день после объявления войны и в марте 1942 года старшим политруком прибыл на Волховский фронт, где работал корреспондентом газеты «Отвага». 2-я Ударная армия, к которой был прикреплен Муса Джалиль, принимала активное участие в боях по прорыву блокады Ленинграда. В письмах, написанных в феврале – начале марта 1942 года, он писал: «Я на фронт, близкий к Ленинграду ушел...», «Мы проклятых фашистов из территории Ленинградской области вышвырнем, а затем из всей советской земли». Судьба Мусы Джалиля сложилась весьма драматично. Во время окружения 2-й ударной армии под Ленинградом, он был взят в плен. В немецком лагере поэт стал одним из руководителей подпольной организации, готовящей восстание против фашистов. Но, преданные провокатором, Муса Джалиль и его соратники оказались сначала в Варшавской, затем в Моабитской тюрьме, где поэт и написал свои стихи, вошедшие в «Моабитские тетради». 25 августа 1944 года, как написано в официальном документе, был казнен Муса Джалиль и 10 его товарищей. Присутствовавший при казни священник Юрытко позже написал: «Татары умерли с улыбкой». Успех в боях с фашистами обеспечивал боевой дух воинов. Укреплению его была подчинена вся партийно-политическая работа в частях и соединениях. Одним из эффективных средств воспитания бойцов в духе советского патриотизма была печать: агитационные листовки, фронтовые газеты. Во время Великой Отечественной

ЛЕНИНГРАД. ВОЙНА. БЛОКАДА

войны в течение 1942–1945 гг. различными фронтами издавалось 16 газет на татарском языке. Так как среди защитников города было много татар, на их родном языке выпускались фронтовые газеты. 10 июля 1942 года на Северо-Западном фронте вышел первый номер газеты «Ватан чен» («За Родину»), Р. Х. Теляшов отмечает, что «эти газеты не дублировали аналогичные русскоязычные фронтовые газеты, а были самостоятельными изданиями. Необходимо отметить также такую закономерность: татарский язык, который государство чаще всего не поощряло, не способствовало его развитию, каждый раз становился востребованным, когда стране было трудно, когда государство оказалось на краю гибели. Тогда к татарскому языку обращались, вспоминали его огромный потенциал, его былую распространенность. На обширных евразийских просторах татарский язык столетиями был средством международного общения».

В этой связи можно привести следующие примеры: «Ватан чен!» («За Родину!») – орган Политуправления Северо-Западного фронта. Издавалась с 10 июля 1942 г. по 1944 г. Редактор Г. Гильманов, в газете активно работали журналисты: Х. Усманов, Ш. Мударрис и др. «Ватан чен сугышы!» («В бой за Родину!») – орган Политуправления Карельского фронта. Издавалась в самое трудное, напряженное для фронта время – с января 1943 г. по ноябрь 1944 г., вышло 89 номеров. В феврале 1944 г. была объединена с газетой «Фронт правдасы». Редакторы: А. Гирсимов, Б. Курбанов, Г. Хабиб. «Ватанны саклауда» («На страже Родины») – орган Политуправления Ленинградского фронта. Издавалась с начала 1943 г. по июнь 1946 г. Редакторами ее в разные время были А. Мадалиев и Э. Исхаков. В этих газетах печатали сводки Информбюро, новости о жизни земляков в Татарской АССР, статьи о подвигах отличившихся воинов, о зверствах врагов, а также речи И. В. Сталина, Г. К. Жукова и других, публиковались сведения о положении на других фронтах. Татарские газеты публиковали статьи и о представителях других национальностей (о русских, украинцах и т. д.). Так, в газете «Ватанны саклауда» от 6 марта 1943 года известный писатель-фронтовик Илья Эренбург пишет: «Татары и казахи Родину охраняют героически». В другом номере он пишет: «У нашей Родины сыновей много, но мать у нас одна. У любого человека двух матерей не бывает. У наших народов: русских, татар, украинцев, казахов – Родина-Мать одна. Родину-Мать обижать не позволим, от немцев уберезем».

ЛЕНИНГРАД. ВОЙНА. БЛОКАДА

Таким образом, можно сделать заключение о том, что башкирский и татарский народы в одно и то же время стали объектами и субъектами пропаганды. В первом случае немцы уделяли особое внимание агитационной работе с многочисленными татарским и башкирским народами. Используя религиозные и культурные различия между татарами, башкирами и русскими, немцы тщетно стремились переманить на свою сторону столь многочисленные и отважные группы населения. Статистические данные убедительно и красноречиво говорят о том, что количество перебежчиков из числа башкир и татар было ничтожно мало. Это в свою очередь подтверждает верность немецких оценок важности и потенциала татарского и башкирского народов в обороне Ленинграда, но указывает на их просчет относительно способности этих народов предать свою родину. Во втором случае целый ряд представителей башкирского и татарского народов стали активными участниками агитационных мероприятий, направленных на поддержание и повышение боевого духа защитников нашей страны и Ленинграда в дни тяжелой блокады. Именно башкирские и татарские поэты не только в силу особенностей благозвучия башкирского и татарского языков, но и в силу национальных лидерских особенностей стали ведущими писателями на боевых фронтах.

Итак, газеты стали для башкир и татар, воинов и защитников города, источником информации и надежды. Необходимо принимать во внимание тот факт, что не все башкиры и татары, которые обороняли город, свободно владели русским языком. Газеты с большим тиражом, издаваемые на родном языке этих народов, в то же время являлись важным знаком того, что руководство страны осознавало важность вклада, который вносили башкиры и татары в общее дело обороны Ленинграда. Татарские и башкирские воины (от рядовых до генералов) ярко проявили себя в боях за Ленинград, многие были представлены к правительственным наградам. «В соединении полковника Бурмистрова в числе 950 лучших воинов, награжденных орденами и медалями, было 188 татар. Дважды воины дивизии были удостоены благодарности Верховного Главнокомандующего, дивизия получила наименование Гатчинской и была награждена орденом Красного Знамени», – такой факт приводится в книге «Татарстан в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». На основе фактов о том, что в конце 1943 – начале 1944 года на всех фронтах, воевавших за освобождение блокадного города от фашистской Германии, участвовало 1241 тысяча солдат и офицеров и что татар в среднем в дивизиях было около 2,5 %, можно сказать, что на этом этапе Ленинградской битвы более

ЛЕНИНГРАД. ВОЙНА. БЛОКАДА

31 тысячи татар и башкир приняли в ней участие. В боях за Ленинград отличились воины батальонов, которые возглавляли Х. Давлетбаев и А. Ибрагимов, сержант М. Галиакберов, бронебойщик М. Актуганов и многие другие. После прорыва блокады Ленинграда И. В. Сталин издал приказ, поступивший на имя К. А. Мерецкова, командующего Волховским фронтом, в котором содержались благодарности воинским соединениям, участвующим в прорыве блокады Ленинграда. Одним из названных в приказе было имя генерал-майора Минзакира Абсалямовича Абсалямова. Генерал-майор, доктор военных наук, Минзакир Абсалямович Абсалямов (1896–1981), участник Гражданской войны, работал в органах разведывательного отдела Отдельной Кавказской армии военным атташе СССР в Иране. В Великую Отечественную войну командовал 18-й стрелковой дивизией, сформированной в Башкирии, сначала в составе Волховского, а затем Ленинградского фронтов. Его дивизия с тяжелыми боями прошла от Ладожского озера до Пскова и Острова, освободила города: Мгу, Тосно, Плюссу, Струги Красные, Карамышево и много других населенных пунктов. За освобождение Мги дивизия М. А. Абсалямова получила название «Мгинской», а за Тосно – награждена орденом Красного Знамени.

Много татар и башкир были награждены за бои при освобождении города Ленина. Среди них был и Карим Ханафиевич Тенишев. В личном листке по учету кадров было сказано, что его предки с 1917 по 1930 год занимались крестьянством, пока не переехали в Ленинград. Окончив 10 классов, К. Х. Тенишев поступил на Курсы Политсостава при Политуправлении Ленинградского военного округа, закончил двухгодичную Советскую партийную школу. Перед началом войны работал ответственным секретарем ВЛКСМ 30-го Отдельного химического полка в Пушкине. В годы самой войны трудился помощником начальника Политотдела спецчастей гарнизона Ленинграда, старшим инструктором политуправления Ленинградского фронта, затем помощником начальника Политотдела спецчастей Ленинградского фронта и на других ответственных должностях. 25 января 1943 года командир 7-го Отдельного гвардейского батальона гвардии майор Евстфеев и заместитель командира по политчасти гвардии майор Торговано написали в Политотдел Спецчастей Ленфронта ходатайство о награждении К. Х. Тенишева орденом Красная Звезда, где в подробностях описывался подвиг Карима Ханафеевича Тенишева: «18.01.43 г. Немцы в районе рабочего поселка № 5 пытались отрезать наши передовые части со стороны Шлиссельбурга на 8-й ГЭС. 1-я рота вверенного

ЛЕНИНГРАД. ВОЙНА. БЛОКАДА

мне батальона выполняла задачу по устройству ОП, с ротой находился помощник Начальника Политотдела Спецчастей Ленфронта майор Тенишев. Когда немцы вышли в тыл роты и их обнаружили, т. Тенишев совместно с командиром 1-й роты быстро развернули роту в боевой порядок и открыли автоматный огонь. Тов. Тенишев личным примером увлек бойцов на разгром колонны немцев. Когда был ранен командир роты, он взял на себя командование и, несмотря на то, что был ранен сам, не ушел из строя до окончания боя, обратив немцев в бегство и преследуя их. Тов. Тенишев лично сам уничтожил 8 гитлеровцев и 14 взял в плен. Рота поставленную задачу выполнила, уничтожив несколько десятков немцев и 33 взял в плен, захвачены трофеи и документы штаба немецкого полка». Данное ходатайство было удовлетворено, и К. Х. Тенишев был награжден орденом Красной Звезды.

Тенишев принимал непосредственное участие в боях с немецко-фашистскими захватчиками под Невской Дубровкой, 8-й ГЭС, Синявинным, Кингисеппом и Нарвой. «Волевыми качествами обладает, настойчив, в боевых условиях может заменять командира и с успехом управлять подразделениями». Так, например, во время прорыва блокады Ленинграда в январе месяце 1943 г., находясь в 7-м гвардейском батальоне минеров, заменил выбывшего из строя командира роты и лично руководил боевыми операциями. В боях с немецко-фашистскими захватчиками был дважды ранен. За доблесть и отвагу, проявленные в боях с врагами, награжден пятью правительственными наградами.

Сложно переоценить роль, которую сыграли башкиры и татары в отдельном столь важном эпизоде Великой Отечественной войны – операции по прорыву блокады Ленинграда. Большое количество татар и башкир были награждены медалями и орденами за оборону Ленинграда и освобождения его от блокады. В суровые дни блокады в городе не переставали работать заводы и фабрики. Некоторые из них поменяли свой профиль, начав выпускать то, что было необходимо для успешного ведения войны. Выпускались танки, мины, бронепоезда, минометы, средства связи, производился ремонт кораблей. Башкиры и татары, вместе с русскими и украинцами, эстонцами и латышами и представителями многих других народов работали на разных предприятиях в разных сферах, делая одно большое общее дело – приближали момент освобождения от блокады.

Рассмотрим некоторые примеры деятельности представителей башкирского и татарского народов в тылу в период обороны Ленинграда.

ЛЕНИНГРАД. ВОЙНА. БЛОКАДА

«Кировский завод» располагался фактически на линии фронта. На предприятие упало 627 зажигательных и 14 фугасных бомб лишь за 10 сентября 1941 года. Вопреки таким опасным условиям работы там выпускались тяжелые танки КВ. Брат с сестрой Гариф Ибрагимович и Минера Ибрагимовна Давлятчины трудились на этом заводе. М. И. Давлятчина, как пишет в своей книге Р. Х. Теляшов, ушла в народное ополчение, служила в Московской дивизии, которая впоследствии была переформирована в 42-ю Армию, работала в штабах 167-го полка, затем 85-й дивизии. В боях помогала связистам и телефонистам. В одном из боев получила ранение, после излечения вернулась на фронт. Была награждена медалями «За оборону Ленинграда» и «За Победу над Германией». Похоронили М. И. Давлятчину на Красненьком кладбище. Ибрагим Давлятчин (1876 г.р.) работал и на государственном фанерном заводе, его жена Гандалип Давлятчина работала также на одной из фабрик. И. Давлятчин погиб 3 июля 1942 года от голода, Г. Давлятчина – в августе 1942 года от бомбежки на Ладожском озере во время эвакуации. Их дети (сын Хамзя 1925 г. р. и дочь Марьям 1928 г. р.) тоже погибли от голода. На одном из оборонных предприятий, заводе им. А.А. Жданова, работал по 12–14 часов уроженец аула Черемешево Лямбирского района Мордовской АССР (род. 27 апреля 1902 года) Абдулла Шамшетдинович Базеев (Прил. 24). Также он занимался и восстановительными работами. В конце войны ему выдали справку о том, что он проработал дополнительно на восстановительных операциях 980 часов. После перевода части завода на Васильевский остров Абдулле Шамшетдиновичу приходилось с Урюпина переулка (из Кировского района), где жила вся его семья, пешком добираться до производства. С зимы 1942 года он оставался на заводе неделями, так как стало невыносимо тяжело преодолевать столь долгий путь. Однажды А. Ш. Базеев заболел цингой и не мог ходить. Руководство завода им. А. А. Жданова присылало машину. Учитывая обстановку в городе, можно заключить, что такой специалист, как А. Ш. Базеев довольно высоко ценился на производстве. Оно и понятно: Абдулла Шамшетдинович Базеев трудился здесь, можно сказать, всю свою жизнь, с 24 июня 1925 г. до 1 мая 1972 г. А. Ш. Базеев был награжден следующими наградами: медалью «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–45 гг.», юбилейными медалями, Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР от 22 июня 1957 года, нагрудным знаком «Ветеран труда завода». На судостроительных заводах работали калильщик Мухамед Абдулханович Мухамеджанов и трубник Хамет Ягульевич Габдульханов, которые

ЛЕНИНГРАД. ВОЙНА. БЛОКАДА

также были награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–45 гг.». На обувной фабрике «Скороход» трудился Минахмед Зилялетдинов, родившийся в 1893 году, затем он ушел на фронт. В боях под Гатчиной получил тяжелое ранение. Погиб же М. Зилялетдинов от голода в Ленинграде.

Татары и башкиры отличались высокой работоспособностью, выносливостью, психологической устойчивостью и готовностью выполнять любую деятельность на благо народа. Они вносили и большой невоенный вклад в приближение освобождения блокадного города, что было отмечено при рассмотрении различных сфер и форм деятельности в период блокады. Общеизвестно, что татары и башкиры, большие знатоки и ценители лошадей. Частный извоз был основным занятием татар еще со времен Петра Первого. Вплоть до Великой Отечественной войны, даже до 60-х гг. XX века, многие татары имели лошадей в частном владении и занимались извозом. После окончания войны они развозили на лошадях строительные материалы и продовольствие от баз до магазинов. До наших дней на Петроградской стороне сохранились конюшни влиятельных купцов 1-й гильдии Ялышевых. Лошади, как и люди, в России всегда состояли на военном учете. Они сыграли большую роль в Великой Отечественной войне, так как могли провезти воз по бездорожью, которое автомобильный транспорт преодолеть не мог. Как показывает история, лошадь выручала человека как в мирное, так военное время. Во время ведения статистического учета фиксировалось и количество лошадей, которые были прикреплены к подразделениям. Для наглядности можно привести в пример одно из отчетных донесений по 8-й армии Волховского фронта: «Личный состав: офицеров – 7 397; сержантов – 11 248; рядовых – 26 483; курсантов – 200, всего людей 45 328; всего лошадей – 5 372». Поскольку лошади, как и люди, попадали под пули, бомбежки, гибли, страдали от голода и холода, в отдельной графе указывалось, сколько лошадей находилось на излечении. И судьбы людей, и судьбы лошадей были одинаково тяжелы, мы можем видеть это на примере жителя блокадного Ленинграда Н. П. Горшкова, который в своем дневнике 20 января 1942 года написал: «Сохранившиеся лошади, исхудалые, еле тащат ноги...» Значительная часть советской военной техники перевозилась на конной тяге. Большое количество обозов работало на Дороге жизни. На кавалерию всегда возлагались большие надежды в военное время. Башкиры и татары в совершенстве владели искусством обучения лошадей для военных целей и были прекрасными наездниками. Зимой 1941–42 гг.

ЛЕНИНГРАД. ВОЙНА. БЛОКАДА

помимо общих войсковых формирований в республике Башкортостан были созданы две башкирские кавалерийские дивизии (112-я и 113-я). Соединения и части, сформированные в Башкирии, участвовали в Сталинградском сражении, боях на Курской дуге, снятии блокады Ленинграда, освобождении Украины, Белоруссии, Молдавии, Польши, Чехословакии, сражались на территории Германии. За мужество и героизм 261 человек, родившийся и призванный из республики, удостоен звания Героя Советского Союза. В кавалерии служил и Зиннюр Аминович Тумаров – родной дядя журналиста и писателя Рахима Халиловича Теляшова.

Многие участники боевых действий и жители блокадного Ленинграда с благодарностью вспоминают именно лошадей. Некоторые из них уверены, что непосредственно конина (точнее ее части – кожа, кости и т. д.) спасла им жизнь в суровое время войны. «В сентябре 1941 года, – рассказывала Рауза Локмановна Нурсафина, – у моей мамы еще от лета сохранялась кастрюля конины. В сентябре мне исполнилось 10 лет. И я помню, в честь моего дня рождения мама сварила бульон из конины, и мы этот бульон пили на кухне вместе с нашими русскими соседями, отмечали мой день рождения. Хлеба, помнится, уже не было». Зариф Ибрагимович Трегулов вспоминает, как ему однажды удалось достать кусок лошадиной шкуры. Этот великий деликатес они с сестрой палили на огне. Когда сгорала шерсть, поджаренную кожу ели.

Когда начался голод, было введено распоряжение, что если лошадь убивало на улицах города, на фронте, то никто не имел права брать мясо животного, так как его следовало сдать государству. Но чтобы это сделать, лошадь надо было разделать, освежевать. Чаще всего за это дело брались татары и башкиры. За такое привычное для них дело им давали шкуру или голову лошади. В 30-е годы XX века многие ленинградские татары с лошади пересаживались на «лошадиные силы», то есть получали престижную на тот момент профессию шофера. Шоферами были М. Валеев, Ф. Х. Муратов, С. Ф. Абельханов, А. У. Мещеров, Н. Ю. Ганиев, Т. С. Богданов, З. И. Урусов, Ш. А. Нуреев и многие другие. Быть шофером было очень модно. А внешне они, скорее, походили на летчиков: кожаные куртки, очки. Однако представителями данной профессии являлись не только мужчины, но и женщины. Например, участник Великой Отечественной войны и житель блокадного Ленинграда Рашида Хусаиновна Валеева. Рашида Хусаиновна в раннем возрасте лишилась родителей. На нее легла забота о младших брате Исхаке и сестре Раузе. Девушка стирала белье, мыла полы, работала переписчицей, – делала

все возможное, чтобы брата с сестрой не отправили в детские дома, что было не редкостью в то время. Но в январе 1942 года Рашида Хусаиновна лишилась бабушки, в феврале от голода умер дедушка, а 26 февраля 1942 года от дистрофии погиб и 15-летний Исхак. С сестрой Раузой Рашида Хусаиновна заболела сыпным тифом, они чудом остались живы. Шоферские права Рашида Хусаиновна получила 2 августа 1941 года. 18-летней девушкой на полutorке под бомбежками возила она инструменты для рытья траншей (лопаты и ломы) на Пулковские высоты. Это была очень почетная должность для такой юной девушки. О смелости комсомолки Р. Х. Валеевой 30 сентября 1941 года написала молодежная газета «Смена». Среди жителей послевоенного Ленинграда было огромное количество бездомных и попрошаек, однако среди татарского и башкирского населения таких не было. Это, прежде всего, связано с особенностями религии, которую они исповедовали, которая не допускает такого поведения.

Рассмотрев различные сферы и формы деятельности людей в период блокады Ленинграда, я пришла к выводу о том, что представители башкирского и татарского народа вносили свой невоенный вклад в приближение освобождения в различных сферах труда. Особую оценку своей трудовой деятельности в блокадном городе башкиры и татары получили за свою высокую работоспособность, выносливость, психологическую устойчивость и готовность выполнять любую деятельность на благо народа.

Использованная литература и источники:

1. Арвасявичюс Й. Я. 1418 дней в боях. – Вильнюс : Минтис, 1975. – 168 с. : ил.
2. Аюпов Г. Б. Мы отстояли : (воины земли башкирской в Ленинградской эпопее). – Уфа : Китап, 2007. – 240 с. : ил.
3. Векслер А. Ф., Дудкина И. А. Герои нашей армии. – СПб. : Нестор-История, 2011. – 210 с. : ил.
4. Гибадуллин Б. Г., Сираев З. И., Аюпов Р. С. Подвиги воинов Башкирии на фронтах Великой Отечественной войны. – Уфа : Башкир. кн. изд-во, 1985. – 474 с. : ил.
5. Козлов Г.К. В лесах Карелии. – М. : Воениздат, 1963. – 128 с. : ил.
6. Теляшов Р. Х. Татары в Великой Отечественной войне и блокаде Ленинграда. – СПб. : Инжиниринг-сервис, 2005. – 576 с. : ил.
7. Чечин О. И. Ради тебя, Ленинград! Из Летописи «Дороги жизни». – М. : Молодая гвардия, 1977. – 144 с. ; То же [Электронный ресурс] // Ленинград. Блокада. Подвиг : [сайт]. – URL: <http://blokada.otrokgu/library/doroga/02.htm> (дата обращения: 12.12.2011).

Паршина Любовь
ГБОУ СОШ №467,
ДТДиМ Колпинского района

Твоему подвигу, Колпино!
(как колпинцы добивались присвоения городу
Колпино звания «Город воинской славы»)

Подвиг колпинцев в годы Великой Отечественной войны по достоинству оценён государством. 22 июня 2011 года в День памяти и скорби в Кремле Президент Российской Федерации Д. А. Медведев вручил главе муниципального образования В. П. Иванову грамоту о присвоении городу Колпино звания «Города воинской славы».

Цель работы рассказать о том, как колпинцы боролись за заслуженное получение этого высокого звания.

Первый этап (06.12.2006 – 18.12.2007)

9 мая 2006 года был подписан Указ Президента Российской Федерации № 68 «О Почётном звании Российской Федерации «Город воинской славы». Узнав об этом, депутаты муниципального Совета 3-го созыва города Колпино сразу заговорили о том, что город Колпино достоин такого звания. На встречах с жителями депутаты убеждались в том, что их позиция совпадает с мнением колпинцев. И уже 6 декабря 2006 года Муниципальный Совет принял решение № 308, которым было предложено председателю муниципального Совета А. А. Никитину обратиться к Губернатору нашего города и в Законодательное Собрание Санкт-Петербурга с просьбой поддержать инициативу колпинских депутатов по присвоению нашему городу почётного звания «Город воинской славы». К решению прилагалась краткая пояснительная записка, в которой было объяснено, почему наш город может претендовать на это почётное звание. Решение муниципального Совета было опубликовано в газете «Ведомости Колпинского Городского Совета» от 26 января 2007 года № 1, но не всё шло гладко.

«Принимая это решение, муниципальный Совет не располагал информацией о том, что 1 декабря 2006 года Президент издал новый Указ, которым определил условия и порядок присвоения почётного звания. После опубликования Указа Президента и решения муниципального Совета от 06.12.06 колпинцы стали

ЛЕНИНГРАД. ВОЙНА. БЛОКАДА

широко обсуждать эту инициативу, и в соответствии с требованиями Указа, в муниципальный Совет стали поступать письма граждан и общественных организаций с предложениями ходатайствовать в установленном порядке перед Законодательным собранием и Правительством Санкт-Петербурга о поддержке инициативы депутатов». Ходатайства в муниципальный Совет поступили:

– от Районного отделения Совета ветеранов труда, вооружённых сил и правоохранительных органов Колпинского района (председатель Н. Г. Черниенко),

– от Районного общества бывших малолетних узников фашистских концлагерей (председатель Н. Д. Жагрина),

– от Районной общественной организации «Жители блокадного Ленинграда» (председатель Г. Р. Иванов),

– от авторских коллективов краеведческих книг по истории Колпина,

– от отдельных граждан и руководителей колпинских предприятий.

Школы района провели работу по сбору подписей в поддержку этой инициативы и представили в муниципальный Совет оформленные подписные листы. Житель блокадного Ленинграда Евгения Михайловна Дембовская по своему желанию подготовила аналитическую записку «О боевой славе нашего родного Колпина». По этому особому случаю колпинский поэт В. М. Александров написал стихотворение «Колпино – город воинской славы», наполненное пафосом гордости за свой город. Авторским коллективом Л. Ю. Бранц, Л. Д. Бурим, Г. А. Ефимова был подготовлен и выпущен в свет за счёт средств бюджета альбом «Город воинской славы». Заручившись поддержкой жителей, председатель муниципального Совета А. А. Никитин создал рабочую группу по подготовке документов, подтверждающих героический подвиг жителей города в годы войны. В состав рабочей группы, кроме председателя Совета вошли А. Н. Аксёнов, Л. Ю. Бранц, Л. Д. Бурим и В. И. Васильева. Для документального подтверждения боевых заслуг колпинцев было решено командировать в Центральный архив Министерства обороны России в Подольске (под Москвой) Владимира Анатольевича Александрова, который представил в муниципальный Совет копии нужных документов.

В 1936 г. город Колпино был административно подчинён Ленгорсовету, но фактически (географически) оставался отдельно стоящим городом, жившим вместе с Ижорским заводом своей самостоятельной жизнью. Война ещё больше сплотила жителей

ЛЕНИНГРАД. ВОЙНА. БЛОКАДА

Колпина и рабочих завода. Сравнивая военную судьбу Колпино, Павловска и Пушкина, так близко стоящих друг к другу, городов, их жителей, мы ясно видим следующее: с юго-западной стороны, используя сверхпрочную броню Ижорского завода, колпинцы построили оборонительные сооружения, и Ижорский батальон, сформированный из гражданского населения, весь сентябрь сдерживал натиск врага в отсутствии армии, артиллерии, авиации. Можно сделать вывод: колпинцы сражаясь, смогли защитить и свой город, и подступы к Ленинграду, а жители Павловска и Пушкина, не имея такой организующей силы, как Ижорский завод, постепенно погибали.

На основании архивных документов Л. Д. Бурим был подготовлен материал: «Описание событий, послуживших основанием для внесения предложения о присвоении городу Колпино звания «Город воинской славы». Муниципальный совет по итогам деятельности рабочей группы 22 августа 2007 года принял решение № 365 «О поддержке инициативы граждан и общественных организаций по присвоению городу Колпино почётного звания «Город воинской славы» и утвердил в качестве приложения «Описание событий...». Решение муниципального Совета с приложением было опубликовано в газете «Ведомости Колпинского Городского Совета» 1 сентября 2007 года, после чего началось обсуждение колпинцами напечатанного материала. 18 сентября 2007 года в адрес муниципального Совета житель Колпино Е. П. Сизёнов направил свои замечания к «Описанию событий...», а 24 сентября муниципальный Совет получил от жителей нашего города Р. С. Иволги и Е. П. Сизёнова, изучающих историю нашего города, иную редакцию «Описания событий ...». Рабочая группа рассмотрела предложенную редакцию, но принять её полностью не смогла, так как первая редакция была основана на исключительно документально подтвержденных фактах. Отдельные события военной поры, указанные Р. С. Иволгой и Е. П. Сизёновым, вошли в окончательную редакцию исторической справки.

26 октября 2007 года муниципальный Совет с письмом (исх. 249/01-19) направил пакеты документов в Законодательное Собрание Санкт-Петербурга и в Правительство Санкт-Петербурга. «29 октября 2007 года Генеральный директор ОАО «Ижорские заводы» В. В. Чернышёв направил письмо Губернатору Санкт-Петербурга с просьбой поддержать инициативу колпинцев о присвоении городу почётного звания. 11 декабря 2007 года решение МС № 365 и, в качестве приложения к нему

ЛЕНИНГРАД. ВОЙНА. БЛОКАДА

«Описание событий...», повторно были опубликованы в газете «Ведомости Колпинского Городского Совета» для дополнительной информации колпинцев. 18 декабря 2007 года Вице-губернатор Санкт-Петербурга С. Б. Тарасов своим письмом № 16-00-998/07-01 довёл до сведения муниципального Совета заключение Юридического комитета Администрации Санкт-Петербурга (Председатель Комитета А. В. Митянина), в котором было указано, что Колпино является частью территории Санкт-Петербурга и статуса города не имеет». Как не имеет? Ведь Колпино ещё при Николае II в 1912 получило статус города. В 2012 г. мы собираемся отмечать 100-летие присвоения посаду Колпино статуса города. Это странное заключение юридического комитета Правительства Санкт-Петербурга приостановило рассмотрение нашего ходатайства.

«Какой же статус имеет поселение Колпино? Федеральным законом № 152 – от 18.12.1997 «О наименованиях географических объектов подлежит регистрации и вносится в «Государственный каталог географических названий». В данном каталоге поселение Колпино значится как город Колпино с регистрационным номером 0031568». Вошел в состав Ленинграда в 1936 году. (Кронштадт имеет регистрационный номер 0031567, и вошёл в состав Санкт-Петербурга в 1998 г.). От имени ветеранов г. Колпино председатель районного отделения Советов ветеранов Е. Г. Черниенко обратился с письмом непосредственно к Президенту РФ с просьбой рассмотреть вопрос о присвоении городу Колпино почётного звания «Город воинской славы». И получил ответ:

23 июня 2008 года Управление Президента по кадровым вопросам и государственным наградам письмом № 162-7333 направило ответ Н. Г. Черниенко, в котором сообщило, что «присвоение почётного звания населённым пунктам, обладавшим статусом города, а теперь являющимся частью территории большого города, понизит общественно-политический статус звания и может привести к появлению деревень и городских районов воинской славы, что, по мнению Управления, противоречит закону».

Второй этап (8.05.2009 – 29.04.2011)

И вдруг, 27 апреля 2009 года из программы всероссийского телевидения «Вести» колпинцы узнали, что Кронштадту, который сейчас является (как и Колпино) «частью территории большого города» Петербурга, вопреки выше перечисленным причинам отказа Колпину, было присвоено звание «Город воинской славы».

ЛЕНИНГРАД. ВОЙНА. БЛОКАДА

«Кронштадтская крепость в Великую Отечественную войну защищала город Ленинград от нападения со стороны Финского залива, поддерживала артиллерийским огнём действия сухопутных сил на Ораниенбаумском плацдарме и на северном берегу Финского залива». Город Колпино и крепость Кронштадт – вот два пригорода Ленинграда, которыми противник не смог овладеть (г. Ломоносов – Ораниенбаум – тогда входил в состав Ленинградской области). Жители города Кронштадта так же неоднократно посылали документы в Москву и так же получали отказы. Только в 2009 году документы были приняты.

За Кронштадтом речь пошла и о городе Колпино, который героически защищался сам и одновременно защищал подступы к Ленинграду. И тогда глава муниципального Совета В. П. Иванов 8 мая 2009 года вновь обратился в Законодательное собрание и в Правительство Санкт-Петербурга с просьбой вернуться к рассмотрению инициативы Колпинского муниципального Совета. И вновь были направлены решения Муниципального Совета от 22 августа 2007 года и пакет документов в Законодательное Собрание. Инициативу повторного обращения поддержал глава Администрации Колпинского района В. В. Сафьянов, и 13 мая 2009 года было проведено заседание рабочей группы и утверждён план её действия. После повторного обращения в Законодательное Собрание Санкт-Петербурга было принято постановление № 438 от 30 сентября 2009 «Об обращении Законодательного Собрания Санкт-Петербурга к Президенту Российской Федерации Д. А. Медведеву с ходатайством о присвоении городу Колпино почётного звания Российской Федерации «Город воинской славы». Своё постановление Законодательное Собрание 5 октября 2009 года направило губернатору, и 27 октября 2009 года главе Колпинского района В. В. Сафьянову было поручено (письмо № 07-105/10845) подготовить проект постановления Правительства Санкт-Петербурга.

Далее 20 ноября 2009 года Правительство Санкт-Петербурга приняло постановление № 1309 «Об обращении к Президенту...». 29 декабря 2009 года в адрес Президента Российской Федерации Д. А. Медведева было направлено ходатайство (исх. № 07-105/10845), подписанное губернатором В. Матвиенко и председателем Законодательного Собрания В. Тюльпановым.

Так закончилась эпопея оформления документов Санкт-Петербурга в поддержку инициативы колпинцев по присвоению городу Колпино почетного звания «Город воинской славы».

Представители Президента в Колпине

Следующий этап борьбы был связан с местом у Кремлёвской стены. Дело в том, что там было ограниченное пространство, и из девяти городов претендующих на это высокое звание нужно было выбрать только три. С нами в одной связке был город Ломоносов, который тоже не был занят фашистами и представлял знаменитый во время войны Ораниенбаумский плацдарм. Город Ломоносов отмечал 300-летие со дня основания и почётное звание «Город воинской славы» было бы неплохим подарком к юбилею. Администрация Президента РФ поручила заместителю начальника Управления Президента РФ по вопросам государственной службы кадров Сергею Дмитриевичу Савченко и консультанту информационно-аналитического Департамента Управления Президента РФ по вопросам государственной службы и кадров Валерию Васильевичу Конову приехать в Санкт-Петербург. Вначале они посетили Ораниенбаумский плацдарм и город Ломоносов, а затем приехали в Колпино. «Высокие» гости должны были ознакомиться с организацией работы по военно-патриотическому воспитанию граждан, с воинскими захоронениями, с работой органов государственной и муниципальной власти по сохранению и увековечиванию памяти героического подвига жителей г. Колпино по защите нашей страны от захватчиков. 28.01.2011 высокопоставленные гости из Москвы ознакомились с нашим городом, расположенным на берегах реки Ижоры, побывали в тех местах, которые во время войны были передним краем обороны, осмотрели воинские захоронения города и на территории Ижорского завода, на Аллее Славы на Оборонной улице. Кроме того, они встретились с ветеранами войны, побывали в музее Ижорского завода и познакомились с одним из школьных музеев, где кадеты 454 школы представили «Боевой путь 376-й стрелковой Кузбасско-Псковской Краснознамённой стрелковой дивизии. Глава администрации Колпинского района Д. А. Кабицкий и глава муниципального образования В. П. Иванов ознакомили московских гостей с работой по содержанию мест героических подвигов колпинцев в годы войны. Директор музея Ижорского завода Л. Д. Бурим с историей нашего города, рассказала об истории нашего города, о вкладе Ижорского завода в выполнение военных заказов в годы войны. Гостям был показан фильм о героическом подвиге колпинцев и вручена книга-альбом «Колпино – город воинской славы».

В тот же день в стенах муниципального Совета состоялся «круглый стол», на котором гости из Москвы выступили перед

представителями колпинской общественности и сообщили, что материал о Колпине будет доложен Комитету «Победа». Члены комитета «Победа» тайным голосованием примут решение, какой город из девяти претендентов можно рекомендовать Президенту для присвоения Почётного звания Российской Федерации «Город воинской славы». «29 апреля 2011 года состоялось заседание Комитета «Победа», на котором были рассмотрены документы девяти городов-претендентов. После обсуждения и тайного голосования было принято решение: рекомендовать присвоить почётное звание Российской Федерации «Город воинской славы» следующим городам: Анапе, Колпину, Старому Осколу».

5 мая 2011 года Президент издал Указ о присвоении городу Колпино звания «Город воинской славы». 22 июня 2011 года в Екатерининском зале Кремля состоялось церемония вручения Президентом грамот городам Анапе, Колпину и Старому Осколу. Делегацию колпинцев возглавили губернатор Петербурга В. И. Матвиенко, спикер Законодательного Собрания В. А. Тюльпанов, Глава Администрации Колпинского района Д. К. Кабицкий, глава муниципального образования г. Колпино В. П. Иванов. Среди делегатов были ветераны Великой Отечественной войны, ветераны труда, жители блокадного Ленинграда и представители молодого поколения.

Полученная от Президента грамота в специальном кожаном футляре доставлена в Колпино, и хранится в стенах муниципалитета.

Использованная литература и источники:

1. Бранц Л. Ю. Как это было? // Ведомости Колпин. гор. совета. – 2011. – 23 мая. – С. 8.
2. Бранц Л. Ю. Колпино – Город воинской славы. – СПб. : Ковчег, 2010. – 180 с.
3. Бранц Л. Ю. Москва. Кремль. 22 июня. 13 часов // Ведомости Колпин. Гор. совета. – 2011. – 29 июня. – С. 2.
4. Иванова И. А. Книга памяти. Ленинградская область. – СПб. : Вести, 2006. – Т. 41. – 372 с.
5. Павловск в годы войны (от редакции) // Павловск : историко-краеведческий альм. – Павловск, 1996. – № 2. – С. 304.
6. Сизёнов Е. П., Иволга Р. С., Ефимова Г. А. История Колпина. – СПб. : Серебряный век, 2007. – 782 с.
7. Черезов О. А. Помним. Колпинская книга памяти. – СПб. : Агат, 1995. – 431 с.

ОБРАЗОВАНИЕ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

Изотова Анеля

класс, школа № 529

Петродворцовый район

«Счастлив дом, где голос скрипки наставляет нас на путь...»

(Летняя жизнь капелланов в Английском дворце
Петергофа в конце XIX века)

Однажды на концерте в Белом зале Большого Петергофского дворца я услышала о том, что воспитанники Придворной певческой капеллы – капелланы – выезжали на лето в Петергоф и располагались в Английском дворце. Этот концерт был посвящен русской музыке второй половины XIX века, и его вёл художественный руководитель ансамбля старинной музыки Санкт-Петербургского университета «Musica Universalis», заслуженный работник культуры РФ Александр Юрьевич Кискачи. Рассказывая о великих композиторах Николае Андреевиче Римском-Корсакове, Милии Алексеевиче Балакиреве, Антоне Григорьевиче Рубинштейне, он подчеркнул, что у каждого из них определенный период жизни был тесно связан с нашим городом Петергофом, а также, что сюда на лето приезжала Придворная певческая капелла. О том, что разные композиторы в летний период бывали в нашем городе, я уже неоднократно слышала, но факт пребывания Капеллы в Петергофе меня заинтересовал. После концерта я подошла к А. Ю. Кискачи, чтобы узнать какие-нибудь подробности, но ему было известно лишь то, что капелла выезжала на лето в Петергоф и помещалась в Английском дворце. Мимо руин дворца по живописным местам Английского парка я прохожу часто, но раньше я даже не подозревала о его музыкальной жизни. Как человека, занимающегося музыкой, эта тема меня очень заинтересовала, и я решила выяснить, когда и при каких обстоятельствах Придворная певческая капелла стала выезжать на лето в Петергоф, как жили в Английском дворце её воспитанники, чем они занимались, какие события, связанные с их пребыванием в Петергофе, происходили в ту пору.

В летний период, когда двор переселялся в Петергоф, Капелла следовала за ним и принимала участие в операх, открытых

концертах и других летних увеселениях. В начале XIX века также в летние месяцы в Петергофе в связи с выступлениями хора жил М. И. Глинка, но в это время Петергоф ещё не был дачной местностью. «Чувствовалось, что здесь резиденция царя: везде охрана, конвой, много полиции, полки. Однако вторая половина века положила начало более широкой музыкальной жизни города». В разное время в Петергофе летом бывали Глазунов, Рубинштейн, Балакирев, Чайковский, Римский-Корсаков, певица Леонова, Мусоргский, профессор Консерватории, скрипач Л. Ауэр и другие. А в 1885 году произошло необычное событие: Английский дворец стал «летней резиденцией» Придворной певческой капеллы.

Раннее утро. Петергоф. Английский дворец. В ночных рубашках один за другим выбегают из спален малыши. Не торопясь, проходят по длинным коридорам старшекласники. Это управляющий капеллой – Милий Алексеевич Балакирев – распорядился побудкой детей, «предварительно просмотрев всё до мельчайших деталей: спят ли ребята в нижнем белье или нет, есть ли пододеяльники и как ребёнок держит руки – под одеялом или поверх его, – всё заметит этот воспитательно-хозяйственный глаз». Затем дети получают мыло, зубной порошок, зубные щётки. Звонок на побудку давался в 6:45, а к 7:30 ребята должны были закончить весь туалет и прийти в певочный зал на утреннюю молитву, на которой М. А. Балакирев всегда присутствовал. Но, не дожидаясь окончания молитвы, он отправляется в столовую, чтобы проверить готовность завтрака: «питательность булочек, температуру чая».

Вот учащиеся входят через круглый зал-ротонду в изящный Столовый зал. По проекту Кваренги этот зал назывался гостиной, но позднее служил в качестве столовой. Это прямоугольная комната, освященная четырьмя окнами. Её стены венчаются антаблементом, богато украшенным орнаментами. Вся отделка выдержана в белых тонах. Роспись гостиной заимствована из декоративной росписи Италии эпохи Возрождения.

Воспитанники садятся за столы, а Балакирев уходит проверять уборку всех учебных помещений. «И если он замечал какие-либо неисправности в уборке пола, подоконников, парт или недостаточное количество чернил и отсутствие мела, то накладывал штраф служащему». Осмотрев всё и проверив термометры в коридорах и помещениях, он направился на третий этаж Английского дворца в свой отдельный кабинет. Все эти утренние хлопоты говорят о том, что М. А. Балакирев проявлял большую заботу о здоровье воспитанников Капеллы. Это отмечали все,

кто знал его. До Балакирева ученики обычно лето проводили в душном, пыльном городе. «Именно при нём Капелла полностью стала переезжать на лето в Старый Петергоф, где в её распоряжение предоставлялся Английский дворец – прекрасное и обширное здание с колоннами, с английским парком, привольными лесами и затейливыми прудами».

А что же происходит в Английском дворце после завтрака? Откуда-то уже доносятся аккорды рояля, пение, звуки настраиваемых инструментов... Это начинается репетиция. Весёлой группой идут малыши за своим учителем, Степаном Александровичем Смирновым, в певочный зал. Достойны внимания воспоминания ученика об этом удивительном человеке: «С благоговением подхожу к имени этого старшего учителя пения, замечательного мастера чистоты звука и безупречной интонации, требовавшего от певчих самого ответственного отношения к делу. Достаточно было ему показаться в коридоре учреждения, как все ощущали – пришёл человек дела. Всегда опрятно одет, тщательно выбрит, с приятного цвета бакенбардами». Большой мастер своего времени, Смирнов привнёс в Капеллу высокое художественное мастерство. Степан Александрович обладал большой силой воли и влиянием на хоровую массу. В совершенстве владел скрипичной игрой – для обучения пению это считалось обязательным. А какие при нём были даны прекрасные концерты! Современники отмечали, что в манере пения хора тогда было нечто необъяснимое, а потому и очаровательное. И сейчас первоклассники, внимательно слушая учителя, разучивают песню. Всё уверенней звенят голоса. Затем младших сменяют ребята постарше. Начинается общая спевка. Сохранилось описание одной из таких репетиций. С. В. Смоленский писал: «Капелла пела совершенно восхитительно, точно, верно, ритмично и с целой лестницей самых удивительных оттенков. Мне особенно нравилось ее *ff* (*фортиссимо*) оглушительной силы, ясного звука, без малейшего крика, совершенно ровное во всех голосах. Затем в Капелле был неподражаемо мягкий хоровой звук, зависевший, конечно, от отличных голосов. Наконец *ppp* (*пианиссимо*) Капеллы было какое-то волшебное, удивительно легкое и подвижное. Нечего прибавлять, что все степени силы звука были усвоены тогда Капеллою в полном совершенстве. О стройности нечего говорить, такого строя голосов я не слышал нигде, даже и в цветущее время Синопального хора. Но *ff* (*фортиссимо*) Капеллы было изумительнее всего».

Пока идёт спевка, посмотрим, что происходит в инструментальных классах. Ведение оркестрового класса и всего инструментального дела было предоставлено целиком Николаю Андреевичу Римскому-Корсакову. Он с большим увлечением занимался делами капеллы: дирижировал оркестром учащихся, перекладывывал различные пьесы для ученических ансамблей, проверял наличие нотных сумм и поступивших в продажу нот. Следил за упорядочением библиотеки, выписывал, заказывал, принимал, распределял и отдавал в починку инструменты. «Вел личные отношения с преподающими, с воспитанниками, которых знал как родных детей, с поставщиками и т.д. <...> Разносторонняя трудоспособность Николая Андреевича в то время действовала заразительно на всю капеллу. <...> Композитор требовал, чтобы каждый из учеников вышел из капеллы хорошим оркестровым музыкантом и исполнял произведения с листа. Авторитет Римского-Корсакова способствовал невероятному энтузиазму учеников и их охоте к занятиям». По воспоминаниям современников, играли и репетировали везде: в спальнях, классах, в коридоре, на лестницах... В памяти воспитанников остались также его беспристрастные и справедливые оценки, исключаящие деление на любимых и нелюбимых, его отеческое «ты». В тех очень, впрочем, редких случаях, когда Николай Андреевич хотел выказать свое одобрение или свою приязнь к кому-либо, он «на ходу» вихрил голову «провинившемуся», проводя ладонью по волосам снизу вверх. Это была его манера: именно в этом и заключалась вся его скупая ласка.

Почтительность учеников к Николаю Андреевичу видна была ещё и из того, что для него у них не было никакого особого прозвища, тогда как это обязательно было для всех других. И даже М. А. Балакирев, знавший всех поимённо, каждому неизменно напоминавший его «день ангела», устраивавший своих питомцев и за стенами капеллы, одного чиновником (если он почему-либо не вышел музыкантом), другого — в тот или иной оркестр, хлопотавший по освобождению слабых здоровьем от воинской повинности, одним словом, относившийся к мальчикам истинно по-отечески, имел звание «плешустик» за его лысину.

Но мы отвлеклись. Ребята поправляют ноты на пультах. В этот раз «Николай Андреевич Римский-Корсаков «ревностно готовит» концертную программу с инструментальным классом к концерту, на котором должен присутствовать царь и для которого Балакирев инструментовал мазурку Шопена». Мальчики с большим интересом разучивают произведения, включённые

в программу концерта. Пока идет занятие с Николаем Андреевичем в инструментальном классе, самые старшие ребята самостоятельно занимаются композицией. Задача их непроста – под руководством Милия Алексеевича Балакирева капелланы пишут симфонии. Пока ребята работают, Балакирев с делопроизводителем просматривает и подписывает нужные бумаги, и затем, быстро ознакомившись с текущей перепиской, спускается к ученикам, чтобы оценить результаты их работы. Хорошо помнят о своих уроках сами воспитанники: «Нередко, бывало, выносишь в себе и тщательно отделаешь в который раз какой-то кусок разработки симфонии и мечтаешь заранее: вот на этот раз – то, что нужно, понравится... И вдруг слышишь такой приговор: «Васечка, ну что ты написал? Точно бабы босыми ногами ходят по битым стеклам и голосят не своим голосом – ай-ай-ай!». Все кругом смеются, и я с ними заодно. А на душе щемит. Или: «Ну, разве я тебе так показывал? Разве можно так писать?» Вот, не угодно ли! А я-то мечтал, а я-то старался! Иногда, впрочем, Милий Алексеевич смягчался и говорил мне: «Вот что, – принеси-ка ты мне то, что в прошлую среду мне показывал, в *cis-moll'e*, – очень милый эпизод. Он, мне кажется, сюда подойдет».

Близится окончание утренних занятий. Общая спевка почти завершена, и вот на ней появляется Милий Алексеевич. «В который раз он делает замечание Степану Смирнову за то, что тот задержал её окончание на три минуты. Такой строгий порядок был заведен в Капелле самим Балакиревым». Звенит звонок. Пустеют репетиционные залы. Воспитанники расходятся по комнатам, которые находились на третьем этаже дворца. До обеда ещё есть время, и сегодня оно будет посвящено увлекательной беседе: в Английский дворец прибыл инспектор научных классов Придворной капеллы – Варышаев Павел Иванович. «В круглом зале дворца, в присутствии многочисленного общества...», он прочтёт мальщикам лекцию о том, чему следует учиться у великого русского поэта и писателя Александра Сергеевича Пушкина, расскажет о воспитательном значении его произведений. Литературно-музыкальное утро завершится его же словами: «В общих чертах я сказал все то, что намеревался сказать сегодня о Пушкине. Но для вас, питомцы Капеллы, я должен сделать ещё одно небольшое замечание. Вы посвятили свою жизнь музыке, и потому Пушкин должен быть для вас особенно дорог. Поэтические произведения этого великого русского поэта служат неистощимой сокровищницею, из которой наши композиторы черпают предметы для своего музыкального вдохновения.

<...> У древних народов законы были положены на музыку, чтобы лучше удерживать их в памяти. Пусть же и высокие мотивы поэзии Пушкина возможно больше иллюстрируются музыкой наших лучших композиторов, дабы тем сильнее запечатлеваться в нас, на пользу нашего нравственного совершенства».

В первом часу дня начинается обед. На дневное свободное время (с двух до пяти часов) М. А. Балакирева сменяет Н. А. Римский-Корсаков. Он следит за тем, как ребята заканчивают обед и выходят на улицу. «В серых брюках и тужурках они выбегают на площадки около Английского дворца», и сразу же зачинается веселье и шаль, ребята играют в рюхи и лапту, слышится звонкий смех, ласково светит вечернее солнце, чувствуется лёгкий ветерок... Некоторые мальчики остаются во дворце, чтобы почитать книги. Но многие капелланы предпочитают всему этому длинные прогулки по Английскому парку, и сегодня они решили обойти Английский пруд, чтобы с противоположного берега полюбоваться на Английский дворец. После игр и прогулки ребята занимаются приготовлением уроков. В семь часов вновь появляется Балакирев. Он приглашает воспитанников в Концертный зал.

Концертный зал (первоначально – домовая церковь) по высоте охватывает два этажа – второй и третий. Стены его обработаны парными пилястрами, которые делят комнату на три неравные части: среднюю, представляющую собой в плане квадрат, и две боковые – прямоугольные в плане. У восточной стены зала находится камин белого итальянского мрамора. Зал богато декорирован и украшен росписью. Ученики рассаживаются по местам. Балакирев исполняет для них «Сонату *b-moll* (*си бемоль минор*) и этюд *a-moll* (*ля минор*) Шопена». Малыши слушают, затаив дыхание. Старшие ученики внимательно наблюдают за его игрой, улавливая всё, что нужно знать и уметь пианисту.

Надо сказать, что летом в Английском дворце вечерние концерты проводились довольно часто. Хотелось бы особо отметить один из них, который дал Антон Григорьевич Рубинштейн, живя в Петергофе. Получив известие о большом пожаре в Гродно 29 мая 1885 года, оставившем людей без крова и одежды, Рубинштейн перечислил погорельцам деньги от благотворительного концерта, который он дал в зале Английского дворца специально с этой целью. Зал не отличался большими размерами, стоимость билетов была очень высока (от 5 до 10 рублей). Билеты на концерт можно было приобрести только в самом Английском дворце. На страницах столичных газет появилось объявление:

**«В Петергофе
в зале
Английского дворца
Воскресение, 14 июля 1885 года
Концерт
А. Рубинштейна
В пользу пострадавших от пожара
бедных жителей г. Гродно»**

Зал был переполнен. На этом концерте композитор исполнял произведения Бетховена, Шумана, старинные пьесы Рамо, а также, произведения русских композиторов, которые раньше публично не играл, а, живя на даче, готовил к исполнению по программе «Исторических концертов» для гастрольных поездок. Под пальцами Рубинштейна гениально звучали струны фортепиано. По окончании концерта Антона Григорьевича встретил гром аплодисментов. Жители Петергофа любили Рубинштейна, и 18 ноября 1889 года, в день, когда композитору исполнилось 50 лет, удостоили его звания Почетного гражданина Петергофа.

Вот мы и подошли к завершению насыщенного дня «птенцов гнезда Балакирева». Наступило время ужина, и все направились в столовую в порядке, установленном раз и навсегда. В столовой – горячий ужин. После все готовятся спать. М. А. Балакирев и здесь неустанно следит за процессом. По воспоминаниям одного из учеников: «Вот он ходит вечером по дортуару, смешно подёргивая ногой, внимательно наблюдая, подходит то к одному из засыпающих, то к другому; от него пахнет одеколоном. «Христос с тобою, милое дитя, не спи навзничь, повернись на правый бок», и положит при этом леденец в рот». Наконец, уложив спать детей, осмотрев весь порядок мытья на ночь, укладки в постели, проверив наличие туфель, Балакирев покидает Английский дворец. Он возвращается к себе, в один из казенных домов на Фабричной улице, чтобы на другой день начать такую же напряжённую и кропотливую работу по воспитанию и выращиванию певцов и будущих музыкальных деятелей страны.

Использованная литература и источники:

1. Архив Государственного музея-заповедника «Петергоф». ВУ 16698-ар. Рукопись: М. Измайлов. Английский дворец и сад в Петергофе. 1934/1936 г.
2. Ардентов Д.Н. Палладий Андреевич Богданов и его «Страницы воспоминаний» // Становление и развитие национальных традиций в русском хоровом искусстве : (творчество, исполнительство,

ОБРАЗОВАНИЕ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

- образование) : сб. ст. / Ленингр. гос. консерватория им. Н.А. Римского-Корсакова. – Л., 1982.
3. Балакирев М. А. Летопись жизни и творчества. – Л. : Музыка, 1967. – 599 с. : ил.
 4. Белякаева-Казанская Л. В. Силуэты музыкального Петербурга : путеводитель по музыкальным театрам, музеям, концертным залам прошлого и настоящего. – СПб. : Лениздат, 2001. – 499 с. : ил.
 5. Борисковская Л. Б. Леди Блумфильд удивляется // С.-Петерб. панорама. – 1992. – № 3. – С. 38–40.
 6. Варыпаев П. И. О воспитательном значении произведений Пушкина : речь, произнесённая инспектором научных классов Придворной Капеллы П. И. Варыпаевым 26-го мая 1899 года в Английском дворце, в г. Петергофе, на литературно-музыкальном утре, устроенном Капеллою в честь исполнившегося в этот день столетия со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина. – СПб. : тип. Гл. упр. уделов, 1899. – 19 с.
 7. Гейрот А. Ф. Описание Петергофа. – СПб. : тип. Имп. АН, 1868. – 137 с. : ил.
 8. Гончарова В. П. А. Г. Рубинштейн – почётный гражданин Петергофа // Петергоф : очерки по краеведению / О-во «Возрождение Петергофа». – Петродворец, 1995. – Ч. 2. – С. 28-39.
 9. Гуцин В. А. Английский дворец. – СПб. : Вирд, 1997. – 23 с. : ил.
 10. Золотарёв В. А. Воспоминания о Балакиреве // Советская музыка. – 1948. – № 2.
 11. Золотарёв В. А. Н. А. Римский-Корсаков в Певческой капелле : из воспоминаний ученика // Советская музыка. – 1948. – № 9.
 12. Логунова Е. П. Музыкальный Петергоф // Петергоф : очерки по краеведению / О-во «Возрождение Петергофа», 1995. – Ч. 2. – С.19–27.
 13. Римский-Корсаков Н. А. Летопись моей музыкальной жизни. – М. : Музыка, 1982. – 440 с. : ил.
 14. Смоленский С. В. Воспоминания. Гл. IX. Придворная Певческая Капелла. Фрагменты // Музыкальная академия. – 1998. – № 2. – С. 156–165.
 15. Терентьев Е. «Поглощённый деятельностью в классах капеллы... » : музыкальный Петергоф // Петергофский вестн. 1997. – № 31.

Кондратьев Михаил

9 класс, школа-интернат №1

им. К.К. Грота

Красногвардейский район

историко-краеведческий клуб

«Петрополь»

ГБОУ ЦО «СПБ ГДТТЮ»

История бесплатной музыкальной школы и ее петербургские адреса

Учреждение Бесплатной музыкальной школы (далее – БМШ) состоялось 1 февраля 1862 года. Это подтверждается «Свидетельством, дозволяющим Коллежскому Ассессору [Г. И.] Ломакину, Титулярному Советнику [П. И.] Бларамбергу, Коллежскому Регистратору [А. А.] Гольде, и дворянину [М. А.] Балакиреву учредить в Санкт-Петербурге Бесплатную школу музыки и пения». Первым директором БМШ стал Гаврила Якимович Ломакин. Для сбора начального капитала Бесплатная музыкальная школа дала два концерта совместно с певческой капеллой графа Д. Н. Шереметева. Сборы с концертов были направлены на составление первоначального капитала Школы. Концерты состоялись 11 марта и 11 апреля 1862 года. Публично об открытии Бесплатной музыкальной школы было объявлено 18 марта 1862 года. После получения свидетельства, учредители школы нашли временное помещение для первых собраний организации. Оно располагалось в зале Медико-хирургической академии (Сейчас это Военно-медицинская академия), которая находилась на Нижегородской улице (Сейчас Нижегородская улица называется улицей академика Лебедева, а сама академия располагается в доме под № 6). Первое собрание Школы состоялось 18 марта 1862 года, о его проведении было заранее объявлено в газетах. Любопытных явилось множество, с голосами и без голосов. Ломакин обратился к присутствующим с маленькой речью о нравственной пользе искусства, коснулся первых правил музыки, самым простым способом попробовал голоса собравшихся, записал фамилии и назначил день следующего собрания. Основание школы было положено!

На следующее собрание пришло также много народу, большей частью студенты и жители окрестных районов. Но занятия в классах пения продолжались недолго, они прервались с наступлением лета. За летний период Школа переехала в здание Городской думы

(Невский проспект, дом 33). В сентябре явилось ещё больше желающих петь всякого звания: чиновники, люди из купечества, ремесленники, студенты, много дам и девиц-любительниц, не имеющих средств учиться, но обладающих голосами и способностями. В это время ещё не существовало нигде бесплатных классов пения. Были любительские кружки, недоступные массе народа; в этих кружках музицировали для удовольствия, не преуспевая в искусстве. Одно из таких обществ любителей инструментальной музыки Милий Алексеевич Балакирев думал присоединить к школе, чтобы встать во главе его, учить и дирижировать там, надеясь составить из них такой оркестр любителей-музыкантов, который был бы в состоянии исполнять сочинения русских композиторов, желающих попробовать и послушать свои творения в исполнении школьного оркестра, прежде чем представлять их на суд публики. Милий Алексеевич Балакирев обладал огромным талантом, жаждал деятельности, стремился принести пользу искусству. Но не было возможности сладить с любительским оркестром. Оркестр оказался настолько плох в знании музыки, что не мог играть что-нибудь порядочное, а учить каждого отдельно и иметь педагога для каждого инструмента школа была не в силах. С пением было легче. Среди женских голосов оказалось несколько талантов. Таким Ломакин назначал особенные часы у себя на квартире. Мужчинам-солистам он также давал дополнительные уроки. Эти уроки проходили в доме графа Шереметева, который находился по адресу набережная реки Фонтанки, дом 34. В Шереметевском дворце у Ломакина была квартира, потому что он был хормейстером певческой капеллы графа.

Милий Алексеевич Балакирев и Гавриил Якимович Ломакин составили программу обучения. Обучение в Бесплатной музыкальной школе делилось на два класса. Первый класс – подготовительный («низший», «младший»), в который определялись лица, не имеющие никаких познаний в области музыки; на этом этапе происходило изучение элементарной теории музыки и сольфеджио. Во втором классе состояли лица, которые по оказавшимся при испытании успехам «были признаны директором заслуживающими этого права». Они занимались сольфеджио и хоровым пением. Второй класс делился на две группы: светское пение и церковное пение. Ломакин составил учебник для БМШ, который назывался «Руководство к обучению пению в народных школах». Педагогические и методические указания из этого «руководства» определили основные принципы учебного процесса в Бесплатной музыкальной школе.

ОБРАЗОВАНИЕ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

Рассмотрим основные положения, представленные Гавриилом Якимовичем Ломакиным в своём «руководстве»:

1. «О знаках музыкальных» (поясняет М. К. – названия нот).
2. «О фигурах нот» (поясняет М. К. – как пишутся ноты).
3. «О ценности нот» (поясняет М. К. – длительности и группировки нот).
4. «О паузах».
5. «О точках или пункте» (поясняет М. К. – что такое точка, и как она увеличивает длительность ноты)
6. «О ключах» (поясняет М. К. – басовый, альтовый, скрипичный, сопрановый, теноровый).
7. «О такте» (поясняет М. К. – о тактовом делении и размерах).
8. «О изучении, как ударить рукой и читать ноты без пения» (поясняет М. К. – о тактировании и сольмизации. Сольмизация – чтение нот в ритме, не соблюдая высотность звуков).
9. «О разных знаках музыкальных» (поясняет М. К. – знаки альтерации, ферматы, лиги, и прочее).
10. «О замене цифрами основных музыкальных знаков – нот и их длительностей, знаков альтерации и пауз».
11. «О гамме» (поясняет М. К. – мажорные – натуральные и гармонические, минорные – натуральные, гармонические и мелодические. В тональностях до четырёх знаков, а также хроматические).
12. «Правила для начинающих петь».
13. «О дыхании».
14. «О качестве хорошего голоса».
15. «О положении рта».

Это руководство служило как учебным планом Школы, так и методическим пособием для педагогов (БМШ до конца своего существования занималась по этой программе). Программа обучения Бесплатной музыкальной школы почти полностью совпадает с современной программой в начальном музыкальном образовании. Исключения составляют ключи ноты «до» – альтовый, сопрановый, теноровый. Эти ключи считаются более сложными, и изучаются в высших учебных заведениях. Также были составлены «условия» с преподавателями Бесплатной музыкальной школы. Они звучали так: «Преподаватели в С-Петербургской бесплатной музыкальной школе, находящейся под Августейшим

ОБРАЗОВАНИЕ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

покровительством Государя Наследника Цесаревича исполнять свои обязанности на следующих условиях:

§ 1. Назначение числа классов, распределение в них преподавателей и определение, как метода учения, так и времени занятий – зависит от Директора школы.

§ 2. Преподаватели являются в классы непременно к определенному дню начатия занятий, времени, и не могут прекращать лекций ранее назначенного срока.

§ 3. Преподаватели также являются, по назначению Директора, безвозмездно, в определенное время, на спевки, репетиции и концерты школы.

§ 4. В случае невозможности прибыть на лекцию, спевку, репетицию или концерт, преподаватели извещают секретаря школы, не позже, чем накануне.

§ 5. Преподаватели получают вознаграждение от школы, собственно за лекции в классах, по одному рублю семидесяти пяти коп. за каждый час.

§ 6. Преподаватели за свою неисправность подвергаются штрафу: если не является в класс к определенному сроку, т.е. за 5 минут до начала занятий, – в размере 25 коп.; затем, за каждую пропущенную часа – 50 коп.; в случае же не заявления секретарю накануне о невозможности прибыть, преподаватели лишаются платы за пропущенный урок, подвергаются штрафу двух рублей.

§ 7. Преподаватели, по окончании каждой лекции, получают билеты, по предъявлении которых казначею, им устанавливается вознаграждение помесечно или поурочно.

Эти правила способствовали чёткой организации педагогического процесса. На таких условиях работали все без исключения преподаватели БМШ. Устав БМШ был принят в 1867 году. Его разработкой занимались Г. Я. Ломакин и М. А. Балакирев. В этом им помогал известный петербургский адвокат Дмитрий Васильевич Стасов. Уставом были сформулированы цели и задачи Школы, распределены обязанности между её членами и урегулированы отношения между ними, введена форма отчётности и систематизирована деятельность административного аппарата. Принятие Устава было необходимым условием создания организации: содержание устава зависело от того, какие цели и задачи были поставлены перед Школой. В Уставе цели Бесплатной музыкальной школы определены как «распространение музыкального образования». Программа Школы более подробно сформулирована Балакиревым в прошении от 5 апреля 1869 года на высочайшее имя наследника

цесаревича Александра Александровича (будущего императора Александра III), составленном в виде отчёта: «Цель учреждения сей Школы заключается в доставлении недостаточным людям дарового музыкального образования, для облагораживания их стремлений и для составления из них приличных церковных хоров, столь необходимых нашим приходским церквям и столь важных в нашем богослужении; а также для развития из них особых дарований через приготовление солистов». Александр III в период с 1865 и до смерти в 1893 году был покровителем Школы (он как покровитель БМШ назначил Школе ежегодную выплату 500 рублей). Документ регламентировал принципиальные положения деятельности БМШ. Так, в состав Бесплатной музыкальной школы входили: члены-любители, ученики, члены-слушатели, преподаватели и почётные члены. Членами-любителями и учениками могли быть «лица всех сословий обоюбого пола, вступающие в Школу для приобретения музыкальных познаний; но в число членов-любителей могли поступать только те лица, которые по оказавшимся при испытании успехам будут признаны директором заслуживающими этого звания». «Почётными членами могут быть избраны Советом: а) лица, жертвующие ежегодно не менее 50 рублей, и б) артисты, пользующиеся известностью в музыкальном искусстве». Почётных членов избирал Совет Бесплатной музыкальной школы. В число членов-слушателей включались лица, вносящие ежегодно не менее 10 рублей. Почётным членам и членам слушателям предоставлялась возможность посещать певки, репетиции и концерты Школы. Согласно Уставу право «наименоваться» директором школы предоставлялось одному из учредителей, то есть Балакиреву или Ломакину. Хотя в основании Школы кроме них участвовали еще Гольд и Бларамберг, но они были лишены права становиться директорами БМШ, поскольку больше не принимали участия в судьбе Школы. В случае выбытия обоих учредителей Совет Школы должен был избрать приемника из числа «лиц, известными своими музыкальными познаниями». В ведении директора состояла вся учебная часть Бесплатной музыкальной школы: выбор программы обучения, приглашение педагогов, выбор пьес для концертов, выдача членам-любителям аттестатов о приобретенных ими в Школе знаниях. Управление Бесплатной музыкальной школой осуществлялось директором и Советом Школы. В совет входили восемь человек, которые ежегодно избирались из числа членов-любителей путём баллотировки. В ведение Совета входило: распоряжение денежными суммами по административной

и хозяйственной частям, избрание почётных членов, библиотекаря, секретаря, казначея. Совет занимался разбором недоразумений и споров между преподавателями, членами-любителями и учениками. Размер жалования директора, преподавателей, секретаря, казначея и библиотекаря Совет определял в зависимости от средств Бесплатной музыкальной школы. Совет также занимался мелкими, текущими делами Школы. В делах БМШ сохранились уведомления и записки такого содержания: «4 Марта Александра Алексеевна Попова уведомляет Директора Милия Алексеевича Балакирева и Совет Б.М.Ш, что участвовать в его заседаниях и концертах не может, по домашним обстоятельствам». «Имея необходимость выехать из Петербурга, уведомляю Совет Музыкальной школы, что принуждена оставить звание члена означенного Совета и потому прошу его избрать вместо меня следующего за мной кандидата. 1868 г. Марта 5 дня. П. Остряков». «1868 года 11 марта За две печати Бесплатной музыкальной школы от Господина Лазорева Получены Деньги Три Руб. [неразборчиво] Получи Сполна. Щепочев». (Орфография сохранена – М. К.).

Когда основывалась Бесплатная школа, Гавриил Яковлевич Ломакин представлял себе, что главная её задача – развитие хорового русского пения. В этом направлении сначала и развивалась Школа. Но скоро всё изменилось под влиянием идей и воли Милия Алексеевича Балакирева. В первых двух концертах школы в 1862 году Балакирев вовсе не участвовал: они полностью были посвящены хоровому исполнению, оркестр был маленький, и Ломакин «царствовал» в этих концертах безраздельно. Инструментальная музыка была представлена увертюрой «Иосиф» Меголя, и увертюрой «Мелюзина» Мендельсона. Но эти произведения играли здесь роль чего-то общепринятого, условного, неизбежного. Ломакин предложил продирижировать на концерте известному в то время дирижёру Карлу Шуберту.

С 1863 году концертная политика Школы изменяется. Дирижёром оркестра (уже большого, полного) выступает сам Балакирев, и всё общепринятое, условное, классическое начинает исчезать. Свежая струя и новизна появляется в концертах БМШ. Школа начинает пропагандировать новую музыку, русскую и европейскую. Ломакин невольно покоряется влиянию своего юного приятеля и товарища и принимается исполнять в концертах Школы такие произведения, до которых прежде сам не дотронулся бы: хоры XV и XVI веков, хоры Галлуса, Перголезе, Лейзинга, Гайдна, Россини, Мендельсона начинают всё более и более уступать место хорам Кюи,

Римского-Корсакова, Мусорского. Для этих композиторов концерты БМШ стали единственной возможностью услышать свои произведения в оркестровом звучании. Но кроме них также исполнялись произведения новейших европейских композиторов таких как: Лист, Берлиоз, Шуман, кроме того, Балакирев регулярно включал в программы концертов произведения Глинки и Даргомыжского. Все, что было слабого и бесцветного в старом классическом репертуаре, всё, что прежде так нравилось Ломакину, как канва, по которой он мог вышивать со своим хором разные превосходные эффекты, не обращая внимания на отсутствие истинной музыки, всё это мало-помалу стало исчезать из концертов Бесплатной музыкальной школы. Удерживались лишь сочинения истинно замечательные и характерные, как, например, некоторые хоры Глюка и Генделя, или такие истинно великие создания, как «Реквием» Моцарта. Само оркестровое и хоровое исполнение получает новый характер.

В 1868 году первый директор БМШ Гаврила Якимович Ломакин покинул свой пост. Он возглавлял Школу в период с 1862 по 1868 год. В делах Бесплатной школы сохранился следующий документ: «В 1868 году января 28 дня в зале 6-й гимназии учредитель и директор Бесплатной музыкальной школы Г. Я. Ломакин, по предъявлению Устава, утверждённого господином Министром внутренних дел 11 ноября 1867 года; отказался от управления Школой по болезни. Управление Школой со званием директора по смыслу Устава перешло в ведение другого учредителя, М. А. Балакирева, коему по признанию всех присутствовавших учеников и учениц, членами-любителями и предложено избрать из среды себя восемь Членов Совета».

По мнению ряда исследователей, уход Ломакина с поста директора Школы был вызван, прежде всего, принципиальным несопадением взглядов учредителей на деятельность Бесплатной музыкальной школы. Уже тот факт, что в хоровом репертуаре Школы первых лет главенствующее место занимали произведения старинных авторов, к которым, как известно, в балакиревском кружке относились с предубеждением, свидетельствует о различной идеологической ориентации руководства Бесплатной школы. Вероятно, в результате обострения указанных противоречий Ломакин написал Балакиреву 18 декабря 1864 года: «Моё желание иметь Вас сообщником на музыкальном поприще так сильно, что я без затруднения соглашаюсь на все Ваши условия относительно ежегодного одного концерта, который должен служить центром для наших русских талантов». Очевидно, эта

позиция была своего рода уступкой со стороны Ломакина, признававшего отныне возросшую роль Балакирева в составлении программ концертов Бесплатной музыкальной школы.

Использованная литература и источники:

1. ОР РНБ. Ф. 41. Ед. хр. 491 : Афиши концертов Бесплатной музыкальной школы с 1863 по 1869 год. Афиши концертов Бесплатной музыкальной школы с 1870 по 1870 год.
2. Там же. Ед. хр. 492 : Бобылёв Л. Б. История и принципы развития композиторского образования в первых русских консерваториях (1862–1917). – М. : Тип. Министерства культуры, 1992.
3. Там же. Ед. хр. 467. Л. 1 : Правила для Гг членов-любителей Бесплатной музыкальной школы., л. 31–32 Ходатайство о принятии Бесплатной музыкальной школы под покровительство наследника цесаревича Александра Александровича.
4. Там же. Ед. хр. 469. Л. 4 : Протокол осмотра Михайловского манежа.
5. Там же. Ед. хр. 488. Л. 5 : Ходатайство М. А. Балакирева Министру Внутренних дел.
6. Там же. Л. 2, 4, 6 : Документы, позволяющие установить адрес Бесплатной музыкальной школы в период с 1868 по 1869 год ; Ед. хр. 1061. Л. 24 : Письма Г. Я. Ломакина к М. А. Балакиреву.
7. Там же. Ед. хр. 434. Л. 1 : Программа концерта Бесплатной музыкальной школы в Михайловском манеже.
8. Там же. Ед. хр. 467. Л. 7–8 : Условия с преподавателями Бесплатной музыкальной школы.
9. Там же. Ед. хр. 468. Л. 11 : Прошение М. А. Балакирева, отправленное на имя наследника цесаревича Александра Александровича ; Л. 15–17 Протокол заседания Совета Бесплатной музыкальной школы от 19 апреля 1870 года.
10. Там же. Ед. хр. 476 : Устав Бесплатной музыкальной школы.
11. Там же. Ед. хр. 488. Л. 7 : Финансовый отчёт Бесплатной музыкальной школы.
12. Там же. Ед. хр. 502 : Ломакин Г. Я. Руководство к обучению пению в народных школах. Отчёт о положении дел Бесплатной музыкальной школы 1867 – 1868.
13. Там же. Ед. хр. 465. Л. 1 : Свидетельство, позволяющее открыть Бесплатную музыкальную школу.
14. Там же. Ед. хр. 488. Л. 5–6 : Отчёт Совета Бесплатной музыкальной школы, 1868 – 1869.
15. Там же. Ед. хр. 469. Л. 6 : Разрешение на использования помещения Министерства Внутренних дел Бесплатной музыкальной школой.
16. Зайцева Т.А. Римский-Корсаков и Балакирев: незамыкаемый диалог // Наследие Н. А. Римского-Корсакова в русской культуре : к 100-летию со дня смерти композитора (по материалам конф. «Кельдышевские чтения, 2008») : сб. ст. – М., 2009.

Пузатых Варвара

9 класс, 641 школа,

ДДЮТ Красногвардейского района

Сенатор и общественный деятель Михаил Евграфович Ковалевский

НАСТОЯЩАЯ РАБОТА посвящена жизни и деятельности сенатора Михаила Евграфовича Ковалевского, хорошо известного в конце XIX – начале XX веков и незаслуженно забытого в последующие десятилетия. Известный общественный и государственный деятель, он сделал многое для развития судебной реформы в России. Ковалевский принимал участие в судебных преобразованиях Александра II в 1860–1870 годы, являлся одним из составителей новых Судебных Уставов.

Я выбрала данную тему для своей исследовательской работы, потому что среди тенденциозных названий улиц: Передовиков, Ударников, Энтузиастов... на Ржевке затерялась маленькая, тихая улочка Ковалевская. Почему она так названа? В честь кого? Оказалось, что её название связано с председателем и членом Общества Земледельческих колоний, попечителем Земледельческой колонии на Пороховых, которая раньше находилась в этих местах, Михаилом Евграфовичем Ковалевским.

Начало семидесятых годов XIX века застало Ковалевского сенатором. «Звание сенатора очень подходило М. Е. Это было как бы его естественное состояние. Он подходил к нему и по своему духовному складу, и по долголетней судебной деятельности, и даже по внешнему виду», – писал племянник Михаила Евграфовича – Е. П. Ковалевский. Почти одновременно с введением новых судебных уставов, широко обсуждался вопрос о замене тюремного заключения несовершеннолетних преступников – исправительным воспитанием их в земледельческих и ремесленных приютах. Проект был внесён в государственный совет, одобрен им и Высочайше утверждён 5-го декабря 1866 года. Ковалевский принимал деятельное участие в создании этого документа. Этот закон послужил точкой отправления для вновь организованного в Петербурге Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов, товарищем (заместителем) председателя которого в 1870 году был М. Е. Ковалевский, а в 1881 году он занял пост председателя Общества, сменив Н. В. Зиновьева, который был председателем с 1870 года.

15 января 1869 года устав Общества был утверждён министром внутренних дел России А. Е. Тимашевым. В конце 1869 года Устав Общества был подписан 275-ю членами-учредителями, среди которых были многие государственные деятели.

Михаил Евграфович Ковалевский был «душою Общества с самого его основания». Как только к нему обратились, прося помощи в создании Колонии, он сразу проникся идеей и взял устройство колонии в свои руки. При его содействии Устав Общества был утверждён, собраны весьма значительные пожертвования, отведены земли под размещение Колонии, и на следующий год после утверждения Устава был открыт прием «питомцев» в устроенный для них приют. По уставу, Общество «берёт на себя устройство земледельческих колоний, в разных местностях России, и ремесленных приютов в больших городах, – для земледельческого и ремесленного образования несовершеннолетних преступников и бродяг, приговорённых судом к тюремному заключению, а так же бедных детей, сирот, незаконнорожденных, подкидышей, детей, оставленных родителями, и вообще – детей, не имеющих приюта». Общество, также, брало на себя и дальнейшее попечение над питомцами по выходе их из заведений, и полагало помогать им материальными средствами, рекомендациями, советами, а в случае несчастья или болезни давать им временный приют. Лучших из воспитанников, окончивших курс, Общество предполагало определять в земледельческие и ремесленные училища пансионерами за счёт Общества.

7 июня 1871 был утвержден Устав Земледельческой колонии близ Петербурга и правила ремесленного приюта, в создании которых Ковалевский вложил много труда, сил и любви. Правительством выделено участок в 500 десятин (около 550 га) из Охтинской лесной дачи, по берегу маленькой речки Луппы, впадающей в р. Охту, в нескольких километрах от берега Невы.

10 октября 1871 года на обустроенном месте был начат прием мальчиков от 10 до 14 лет, направляемых в колонию и приют по приговорам мировых судей. Все мальчики разделялись на группы – «семьи» – до 15 питомцев при одном воспитателе. Каждая семья жила в отдельном домике, где на нижнем этаже была мастерская, на втором – спальня мальчиков и отделенная перегородкой комната для воспитателя. Кровати днем откидывались к стене, и спальня превращалась в класс. Кроме элементарного образования дети занимались земледельческим трудом и ремеслами. В 1873 году земледельческая колония и ремесленный

приют объединились под руководством А. Я. Герда. Колонию «за пороховыми заводами» возглавил А. Я. Герд, приютом руководил Ф. Ф. Резенер: «За первыми директорами Колонии и приюта Гердом и Резенером, останется навсегда заслуга установления принципов воспитания детей в заведениях, какие принципы должны, бесспорно, быть признаны единственно верными и правильными. Принципы эти спасли Колонию после кризиса 1878 года и будут всегда служить путеводной звездой во всех невзгодах. И установленная система отношений к детям держится теперь уже не только директором и воспитателями, но даже самими детьми».

К 1 января 1874 года в колонии насчитывалось 67 воспитанников в 6 домиках. При этом лазарет, кухня, баня, дом для рабочих, конюшня и кузница были устроены в расчете на колонию из 200 воспитанников. К 1875 в колонии работали переплетная, столярная, кузнечная и тележная мастерские, ферма и огород. В школе были младший и старший классы, с неграмотными занимались индивидуально. Библиотека, мастерские, первые домики, церковь Св. Апостола Иоанна Богослова, спроектированная архитектором Ф. С. Харламовым – всё это было построено под руководством М. Е. Ковалевского, который устраивал благотворительные вечера в пользу Колонии, а время, свободное от сенаторской деятельности, проводил с колонистами. Он знал всех воспитанников поимённо, знал особенности каждого и умел найти подход к любому колонисту. Не имея своей семьи, Ковалевский отдавал всю энергию, любовь и заботу колонии и воспитанникам, за что очень ценился и был уважаем подростками: «Когда в колонии устраивался на праздниках домашний театр или какое-нибудь развлечение для детей, – сдержанный и с виду холодный судебный сановник, окружённый шумной толпой воспитанников колонии, радовался детской радостью и был счастлив, когда кто-либо приезжал её с ним разделить». Вскоре после создания, колония стала известна, в том числе и благодаря Ковалевскому. В неё приезжали многие известные люди, но, пожалуй, самым запоминающимся для воспитанников стал приезд Ф. М. Достоевского. 27 декабря 1876 года М. Е. Ковалевский привёз в колонию Ф. М. Достоевского и А. Ф. Кони. В одной из больших комнат Достоевский собрал вокруг себя всю молодёжь и долго беседовал с мальчиками. Воспитанники слушали очень внимательно, задавали вопросы, вступали в споры, даже не догадываясь, кто стоит перед ними. Достоевский произвёл сильное впечатление на всех собравшихся вокруг него ребят, но и сам он уехал полный впечатлений.

Ковалевский сделал очень многое для Общества и колонии, и значение его в этом отношении было так велико, что, по всей справедливости, колония должна была бы носить его имя: «Не будь его, она, может быть, и не существовала бы, или не развилась и не окрепла», – так сказал племянник Ковалевского Е. П. Ковалевский, когда рассуждал на тему деятельности М. Е. Ковалевского в воспоминаниях о нём. После смерти М. Е. Ковалевского в колонии был построен дом, который так и назывался «дом Ковалевского».

Племянник М. Е. Ковалевского – Е. П. Ковалевский так писал о деятельности своего дяди в колонии: «Расположение М. Е. к колонии было поистине трогательно. Он болел за нужды колонии и её питомцев, и часто говорил о ней, стараясь привлечь жертвователей и вообще сочувствующих лиц. Он верил в исправление питомцев. Без этой веры в возможность душевного исправления человека деятельность в колонии является бессмысленной, при наличии её она становится подвигом, ведущим к высокой и святой цели».

Использованная литература и источники:

1. Вестник Европы. – 1884. – № 3. – Т. 2. – С. 345–348.
2. Журнал гражданского и уголовного права. – 1877. – Кн. 4. – С. 151–226; Кн. 5. – С. 59–96.
3. Земледельческие колонии и ремесленные приюты, как воспитательные заведения для несовершеннолетних преступников и бедных детей : отчёт за 1870 год. – СПб. : Тип. А. Бёнке, 1870.
4. Ковалевский Е. П. Воспоминания о М. Е. Ковалевском. – СПб. : тип. А.С. Суворина, 1912.
5. Ковалевский М. Е. Дочери ген. губернатора Крыжановского, или Расхищение русской земли, освящённое императором Александром III. – Женева, 1898.
6. Ковалевский М. Е. Соображения о составе будущих судебных мест. – СПб., 1863.
7. Общество земледельческих колоний и ремесленных приютов : отчёт за 1879 и 1880 года. – СПб. : Тип. Э. Арнольда, 1881.
8. Половцов А. А. [Некролог Михаила Евграфовича Ковалевского]. – [СПб., 1884].
9. Рукавишников К. В. Труды Высочайше разрешённого первого съезда представителей русских исправительных заведений для малолетних. – М., 1882.
10. Русская старина. – 1884. – Май. – С. 441.

ИМЯ В ИСТОРИИ ГОРОДА

Донковский Артем

10 класс, гимназия-интернат № 664,

Красногвардейский район

С Франсиско Миранда по России и Петербургу

Большинству петербуржцев имя Себастьяна Франсиско де Мирандо Родригеса мало знакомо. Иногда его называли Предшественником, чтобы отличить от С. Боливара, который завершил дело освобождения Латинской Америки. И получил звание «Освободитель». Именно Миранда стал первым, установившим контакты с Россией латиноамериканцем, а незадолго до отъезда из Петербурга получил право носить мундир полковника русской армии пользоваться поддержкой послов России в европейских странах.

Миранда направился в Россию из Турции в середине августа 1787 г. Зародившаяся у Миранды ещё на берегах Адриатики мысль посетить Россию, зрела и конкретизировалась по мере его приближения к русским границам. Видимо, окончательное же решение он принял в Стамбуле, получив исчерпывающую информацию от русского посла Я. И. Булгакова в августе. Скорее всего, целью поездки были возлагаемые Мирандой на Россию большие надежды (в первую очередь финансовые) в освобождении колоний от испанского гнёта. Так как Россия в это время готовилась к новой войне с Турцией, которую поддерживали Испания и Франция.

На австрийском паруснике Миранда 26 августа (7 сентября) 1786 г. прибыл в Херсон. Там он узнал, что этот город вскоре должна посетить Екатерина II, которая совершала поездку по недавно отвоеванным и заселённым Потёмкиным южным губерниям России. В Херсоне быстро установил контакт с местным губернатором, князем Вяземским, у которого и поселился. Будучи большим знатоком военного искусства, стремясь познать все его тонкости в других странах, Миранда при всяком удобном случае встречался с комендантом города – бригадиром Корсаковым, также с полковником Нехлюдовым и другими офицерами. У Вяземских Миранду познакомили со знаменитым русским генералом Александром

Васильевичем Суворовым, о котором он был много наслышан. Миранда тут же вступил в оживлённую и долгую беседу с полководцем на излюбленную тему — о военном искусстве. По выражению Суворова, они говорили: «как давно не видевшиеся старинные знакомые по службе».

Миранда познакомился с Потёмкиным, который прибыл в Херсон для подготовки торжественной встречи царицы. Миранда писал: *«30 декабря. Утром вместе с князем Долгоруковым, преодолев чувство неприязни, нанес визит Нассау (поскольку мой друг Вяземский — не знаю, со страху ли, или по причине высокомерия — не решился представить меня Потёмкину, но я и без него обойдусь), однако не застал его дома и оставил записку. Мой друг Мордвинов тотчас же обратился к адъютанту Рокасовскому, который предложил мне пройти в расположенную в глубине дома приёмную, где находились исключительно генералы и полковники. Через некоторое время вышел сам вельможа, кое-кому поклонился, но ни с кем не заговорил. Адъютант приблизился, чтобы представить меня, и тогда он [Потёмкин] подошёл и спросил, чем может быть полезен. Я объяснил, что хотел лишь, как приезжий чужеземец, засвидетельствовать почтение. Он ответил какой-то банальной любезностью и отошёл, а потом то удалялся к себе, то выходил обратно. Думаю, мой друг Корсаков рассказал ему кое-что обо мне, ибо, вторично отыскав меня, он поинтересовался, долго ли я пробыл в Константинополе, и предложил в свободное время заходить к нему».*

Потёмкин принял путешественника с подчёркнутым уважением и радушием. Потёмкин и Миранда быстро сблизились. Этому способствовала как общность их интересов (оба были большими почитателями античной культуры, говорили по-гречески и прилежно изучали древних философов), а также некоторые обстоятельства политики.

Россия уже продвигалась в Америке, основывая форпосты на всём побережье Тихого океана от Аляски до Сан-Франциско. Здесь в Калифорнии русские вступали в прямое соперничество с неотступно продвигавшимися на север испанцами. Именно поэтому как настоящий дипломат Потёмкин преследовал цель получить достоверные сведения об испанских колониях. Миранде оказали необычайные для его ранга и положения знаки внимания. Потёмкин даже предложил Миранде сопровождать его, причём предоставил ему место в собственной карете. Этой чести удостаивались в те времена лишь немногие российские и иностранные

ИМЯ В ИСТОРИИ ГОРОДА

политики. Так, Миранда увидел Крым, Малороссию и Кубань, проведя несколько недель в нескончаемых беседах с Потёмкиным. Вместе они участвовали во всех войсковых смотрах, приёмах, обедах и церемониях.

Таким образом, Миранда на всём своём пути следования старался не упускать ни одного мало-мальски интересного места, а также никаких мало-мальски интересных личностей, которые могли пригодиться Миранде в его дельнейшей жизнедеятельности. Продолжение путешествия Ф. Миранды по России связано с посещением Киева. Приехав в Киев и расположившись в Киево-Печерской лавре, Миранда попадал в бурлящий центр политической жизни. Вместе с Екатериной II сюда съехались министры, придворные и послы. Например, в Каневе расположился ещё один сподвижник и фаворит Екатерины последний польский король Юзеф Понятовски. В Киеве венесуэлец восторгался древним Софийским собором, немало времени провёл в Киево-Печерской лавре, побывал в её пещерах. Ожидая высочайшей аудиенции неделю, Миранда успел познакомиться с командиром Бугского егерского корпуса генерал-майором М. И. Кутузовым и малороссийским генерал-губернатором фельдмаршалом П. А. Румянцевым-Задунайским 31 декабря. Миранда даже называл Румянцева своим учителем в военном деле, а их частые встречи описал в дневнике. Интересно отметить, что осенью 2009 г. бюст Миранды был установлен рядом с бюстом Румянцева в Гомеле во дворце Румянцевых – Паскевичей.

Наконец, Потёмкин 13 февраля 1787 г. представил Миранду фактическому руководителю внешнеполитического ведомства графу Александру Андреевичу Безбородко в Мариинском дворце, а потом и Екатерине II. Царице понравился храбрый латиноамериканец, поэтому она приняла его очень приветливо. Они подолгу проводили продолжительные беседы. Во избежание конфликта с испанцами, ему предложено носить мундир полковника Екатеринославского полка.

Прежде всего, Екатерине II импонировали личные качества молодого латиноамериканца – его образованность, начитанность, любознательность, наблюдательность, глубокий ум и чувство самоуважения. Правильно оценив большие познания Миранды в военном деле, его дипломатический талант, эрудицию, ненависть к Испании, т.е. всё то, что могло пойти на пользу России, Екатерина II предложила ему русскую службу и своё личное покровительство. Однако Миранда вежливо и почтительно, но

твёрдо отклонил предложение, объясняя это стремлением возглавить освободительное движение колонии и нежеланием потерять свою независимость (даже на краткое время). Взамен Миранда попросил политическую поддержку Петербурга довольно крупную сумму денег (по разным источникам от 10 до 15 тыс. рублей золотом) на подготовку восстания против испанцев. Екатерина согласилась на всё. Через месяц Екатерина II отправилась дальше в Крым, а Миранда устремился на север. Его зелёный портфель, с которым он никогда не расставался, был полон рекомендательными письмами к вельможам Москвы и Петербурга (а также к русским дипломатам во всех европейских странах). Миранда прибыл в Москву. Живя в Москве, он успел пообщаться с московским архиепископом Платоном и бывшим архиепископом Славянским и Херсонским Евгением. Таким образом, Миранда продолжает свое знакомство с Россией. Можно заметить, что он очень тщательно выбирает «достопримечательности» для осмотра и русских знакомых. Посещение Мирандой Петербурга в 1787 г. заслуживает особого внимания. Миранда прибыл в Петербург около 9:30 14 июня. Он писал: «в половине десятого я въехал в город. Изрядно проблуждав по его улицам, отыскал на Большой Морской дом генерала Левашова, который любезно снабдил меня в Киеве письмом к своему брату, полковнику Левашову, чтобы тот разместил меня в петербургских апартаментах генерала». Все три месяца пребывания в Петербурге Миранда прожил в усадебном доме генерал-майора Василия Ивановича Левашова, который часто отсутствовал по служебным обязанностям, домом часто распоряжалась сама царица. Сейчас на этом месте особняк Половцева (Дом архитектора) на Большой Морской улице, дом 32. То есть, можно заметить, что ещё в Киеве Миранда выбирал себе знакомых не случайно, а с вполне далеко идущими планами (в данном случае – поиск жилья). В Петербурге на передний план вышла политика. Близкие, доверительные отношения со многими видными деятелями России (со многими из которых знакомство было заведено ещё на юге страны) отворили Миранде двери двора.

С первого же дня Миранда был очарован Петербургом, назвав его «Пальмира Севера». Именно это название стоит в посвящённой Петербурге главе. Возможно утверждать, что именно Миранда и ввёл в оборот выражение «Пальмира Севера» (кстати, задолго до выражения Фаддея Булгарина в его газете «Северная пчела» как принято считать). Южноамериканца покорили блеск и великолепие дворцов северной столицы, осматривая памятники

архитектуры и прочие достопримечательности. Особенно его восхитил дворец князя Потёмкина, который Миранда посетил 16 июня. В своём дневнике он писал: *«Днём ездил смотреть знаменитый дворец князя Потёмкина, что находится неподалёку от казарм конногвардейцев, и это поистине удивительное и прекрасное творение зодчества: большая зала в виде ротонды, куда попадаешь, миновав вестибюль и переднюю; ещё одна в форме романского цирка, затем прямоугольная зала ещё больших размеров, с изящной круглой часовней посредине; эту последнюю от предыдущей залы отделяет великолепная колоннада ионического стиля, как в храме Эрехтейон в Афинах. Таковы главные помещения этого прекрасного здания, чьи лепные украшения и безукоризненные пропорции отвечают лучшим эллинским традициям. Можно с полным основанием сказать, что среди современных сооружений именно этот дворец своей пышностью и великолепием более всего напоминает романские термы, чьи руины мы можем сегодня созерцать в Италии. Два строящихся ныне крыла придадут дворцу ещё более внушительный и изящный вид, однако, увидев материалы, из коих они возводятся, я нашёл, что и кирпичи, и раствор далеко не лучшего качества, а это означает, что здание скоро начнет разрушаться, и признаки этого уже заметны. Поистине жаль, что при создании столь великолепного ансамбля не используют более прочных материалов».*

20 июня Миранда познакомился с Иванов Ивановичем Бецким: *«В час дня отправился обедать к госпоже Рибас, которая представила меня Бецкому, благородному и почтенному старцу. ... После обеда я долго беседовал с Бецким, который мне несказанно понравился, мы уговорились встречаться чаще и расстались друзьями».*

В данном случае дневники Миранды тем более интересны, что Бецкой (как и Румянцев) не оставили письменных мемуаров. Интересно отметить, что Бецкой никогда не был женат и жил у своей приёмной дочери Анастасии Соколовой, которая вышла замуж за де Рибаса. В данный период они все проживали в Доме Бецкого (впоследствии — дворце принца Ольденбурга по адресу Дворцовая набережная, 2, где в настоящее время расположен Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств).

28 июня Миранда *«... обедал у господина Бецкого вместе с его семейством (это имело место у него дома). Потом мы с ним уединились и проговорили до пяти часов... (...) После обеда заглянул в домик к Эпинусу (профессор математики и физики*

в петербургской Академии наук), с которым долго беседовал о литературе и о стране». 30 июня Миранда в Зимнем дворце встречался и беседовал с наследником престола Павлом Петровичем и его супругой Марией Фёдоровной. Очевидно, Павел Петрович после этого пригласил гостя в Гатчину, потому что 4 июля *«после обеда отбыл в Гатчину, куда был приглашён посмотреть учения полка великого князя»*.

Миранда успешно продолжал свое знакомство с Бецким. 7 июля он сделал лаконичную пометку: *«Ужинал у Бецкого, и тот пообещал отдать распоряжение, чтобы во дворцах её величества по дороге в Кронштадт были готовы к моему приезду, чтобы работали все фонтаны и т.д.»*. В итоге, когда Миранда 8 июля посетил фонтаны Петергофа и дворцово-парковым ансамблем Ораниенбаума, всё было готово: *«Из Ораниенбаума проследовал в Петергоф, куда и прибыл примерно в два часа пополудни. Фонтаны струились, ожидая меня, и во дворце по случаю моего приезда слуги уже два дня ходили в парадных ливреях. Мы пошли осматривать роскошные апартаменты. В одной из комнат собраны портреты российских монархов, и среди них несчастный Пётр III. В другой висят шесть огромных полотен с изображениями битвы при Чесме и Лемносе. Бальная зала просто великолепна»*. В этот же день Миранда приехал в Кронштадт, где нанёс визит адмиралу С. К. Грейгу, после чего проехался по порту: *«Сначала поплыли в шлюпке к восточному рейду, где стоят почти все линейные корабли и фрегаты, находящиеся в отменном состоянии»*.

Екатерина II вернулась в Петербург вечером вторника 6 (12) июля. Ожидая аудиенции, Миранда по приглашению Бецкого, решил совершить путешествие по Петербургу на его личной шлюпке. Они в среду 7 (13) июля посетили только что законченную Академию художеств (Университетская набережная, 17). Миранда писал: *«Здание Академии очень красиво, изумительной архитектуры... Жаль, что перед главным фасадом здания нет площади, откуда можно было бы им полюбоваться, ибо здешняя набережная проходит слишком близко»*. Затем Бецкой и Миранда посетили Смольный институт благородных девиц (Смольный проезд, 1). В этом нет ничего удивительного, т.к. он был основан 24 апреля (5 мая) 1764 г. по инициативе Бецкого как «Императорское воспитательное общество благородных девиц». В это время (1764–1797 гг.) начальницей там была Софья Ивановна де Лафон. Лично она ли встречала Бецкого и Миранду – неизвестно. В четверг 8 (14) июля Миранда вместе с

ИМЯ В ИСТОРИИ ГОРОДА

Бецким прибыли в Петропавловскую крепость (Петропавловская крепость, 3): *«Зайдя в построенную в итальянском стиле церковь, творение Петра I. Здесь находятся гробницы самого Петра, его жены Екатерины I, Анны и Елизаветы, покрытые вышитыми шёлковыми покрывалами. С самого верха колокольни, куда мы поднялись, открывается вид на цитадель и почти на весь город, его окрестности».*

Затем Бецкой и Миранда: *«Оттуда отправились на своей шлюпке вверх по реке, но, поскольку дул встречный ветер, а до казённого фарфорового завода было целых 10 вёрст, мы изменили решение и поплыли к монастырю св. Александра Невского (наб. реки Монастырки, д. 1). Проплывали мимо предместья под названием Охта с такими убогими хижинами, каких я не видел ни в одной другой деревушке. Живущие там мужчины служат на флоте, а женщины носят в город молоко. Любовались великолепным дворцом графа Безбородко, который выходит на реку и вообще расположен очень удачно». Потом «прибыли в расположенный на окраине города монастырь (Александра Невского). Прошли через кладбище, где захоронены представители многих почитаемых здесь семейств, и надо заметить, что украшающие их могилы бронзовые и мраморные надгробия не лишены вкуса».*

Царица приняла Миранду 18 июля, сначала в Царском Селе, а затем и в своих личных покоях Зимнего дворца. Кроме самой Екатерины II Миранда встречался и с её фаворитом А. М. Дмитриевым-Мамоновым, с которым сразу же завязал дружбу: *«Мамонов без усталости обнимал меня, что-то рассказывая, а, по словам Безбородко, императрица отзывалась обо мне как о человеке, пользующемся её особым расположением».* Также Миранда имел встречу с вице-канцлером графом И. А. Остерманом: *«Когда вышли из церкви, граф Остерман подвёл меня и барона Местмахера, посланника в Курляндии, к её величеству поцеловать руку».* Он также поддерживал дружеские отношения с влиятельным семейством Нарышкиных. Миранда 19 июля писал: *«Обедал с госпожой Рибас и Бецким в его удивительном «висячем саду»; в их обществе я многому учусь и особенно приятно провожу время. После обеда отправился навестить семейство обер-италмейстера Льва Александровича Нарышкина, находящееся сейчас за городом в своём заново отстроенном доме».* Этот дом находился неподалёку от Красного кабачка, на 7-й версте Петергофской дороги (сейчас там находятся жилые кварталы Дачного). 21 июля Миранда: *«поехали с обер-италмейстером Нарышкиным обедать в его*

загородный дом. Около четырёх часов поехал к Чесменскому дворцу, расположенному в 7 верстах от Петербурга по дороге в Царское Село. Это треугольное здание с круглыми башнями по углам целиком выдержано в готическом стиле, однако не отличается присущими готике строгостью и изяществом. Перед ужином решили прогуляться по Летнему саду». 28 июля Миранда: «Утром читал, а вечером вышел пройтись по прекрасным гранитным набережным вдоль каналов Фонтанка, Екатерининский и проч., любовался дворцами фельдмаршала Разумовского, Орлова, Чернышева, находящимися неподалёку от моей квартиры, которая выходит на Малую Морскую. Затем отправился в деревянный Летний дворец, построенный императрицей Анной... Ужинал с Бецким и Минихом».

Описывая свои нередкие встречи с императрицей, автор подчёркивал неизменную расположенность Екатерины II к нему, скромному иностранцу. Так, 2 августа Миранда, вероятно, стал испытывать какие-то опасения за свою жизнь: *«Обедал с Бецким, после половины четвёртого поехал в Царское Село, куда прибыл в пять. Пошёл к Безбородко, но оказалось, он болен и не может меня принять, что вызвало у меня определённые подозрения. Затем навестил Нарышкину. Мамонова я не застал и написал записку, выражая желание увидеться с ним. После этого вернулся в Петербург, полный грустных мыслей о своей судьбе, о положении, в котором я очутился, о неискренности придворных и т.д., однако, продолжая надеяться на великодушие и расположение ко мне императрицы, ибо только это может защитить меня от галльской политики и испанской жестокости».*

Узнав о грозящей гостю опасности, царица снова убеждала Миранду задержаться подольше в России, чтобы бороться за независимость Латинской Америки именно из Петербурга. Екатерина II неизменно была приветлива и оказывала знаки внимания Миранде, подзывала к себе, заговаривала, ласково улыбалась, заботливо осведомлялась о самочувствии, спрашивала о чём-то, и если он отсутствовал, справлялась о причине. В Венесуэле жива легенда о том, что Миранда был так очарован императрицей, что позже перенёс воспоминания о ней на придуманный им флаг Колумбии: жёлтый цвет – золото её волос, синий – её глаза, красный – её алые губы. 3 августа Миранда и британский священник Тук: *«гуляли по набережной, любовались чудесной улицей под названием Английская линия. Полюбовались великолепным зданием Академии наук, находящимся напротив, на другом берегу Невы,*

ИМЯ В ИСТОРИИ ГОРОДА

затем прошли до конца набережной, где возвышается знаменитая статуя Петра I работы Фальконе: «Петру I – Екатерина II... Потом пошли на Биржу... Оттуда поехал в Малый дворец великого князя на Каменный остров».

Миранда 6 августа снова виделся с Екатериной II в Зимнем дворце. В этот раз Миранда, всю жизнь борющийся за социальную справедливость, отметил в дневнике и вопиющего противоречия, когда после посещения Зимнего дворца *«Размышлял о том, сколь многим владеет один человек и сколь малым другие, и в то же время немало людей страдают от голода!»*. 8 августа: *«пришёл князь Барятинский и попросил меня проследовать в личные покои её величества, а также передал её приглашение отобедать сегодня в Эрмитаже. В Эрмитаже на обеде присутствовали лишь 11 человек: принц де Линь, камер-фрейлина Протасова, обер-камергер Шувалов, граф Брюс, Барятинский, Мамонов, обер-шталмейстер, я, Е. В. Скавронская (племянница Потёмкина) и её величество»*. 10 августа Миранда *«посетил учения в Кадетском корпусе»* (возможно, также с подачи Бецкого, т.к. именно он в 1766 г. написал устав Шляхетского кадетского корпуса). Со времён Петра I ему отводился дом на Васильевском острове, ранее принадлежавший князю А. Д. Меншикову. *«Потом отправился в Мраморный дворец, где меня уже ожидали офицер и слуги её величества. Поднялись в бельведер, откуда открывается, мне кажется, самая лучшая панорама Петербурга»*.

Таким образом, Миранда в России сумел завести множество дружественных и деловых связей. Круг русских друзей и знакомых Миранды отличался исключительной широтой. Среди них были государственные деятели, высокопоставленные чиновники, заслуженные военачальники, русские и иностранные дипломаты, придворные, знатные дамы, высшие православные иерархи, учёные, меценаты и просветители, богатые купцы и владельцы мануфактур. Миранда обладал замечательным даром легко и быстро сблизиться с людьми, находить с ними общий язык и интересы, завоёвывать их симпатии.

Кроме того, Миранда за время своего пребывания в Петербурге сумел посетить почти все известные на тот момент места в городе, не пропустив почти никаких достопримечательностей. Наконец, Ф. де Миранда, 7 (18) сентября 1787 г. отплыл из Кронштадта в Стокгольм. Благодаря депешам русских дипломатов, Миранду сопровождала слава человека, обладающего огромными связями не только в испанских колониях (и который может

причинить вред Испании), но и имеющего авторитет в европейских столицах.

В России Миранда провёл почти год. За это время он проехал в общей сложности свыше 4000 км, посетив юг, Петербург и Москву, Гатчину и Царское Село, Выборг и Кронштадт, не считая многих иных мест, где останавливался проездом. Повсюду Миранда осматривал городские улицы и гавани, старинные дворцы и монастыри, церкви и мечети, руины древних соборов и крепостей, мануфактуры и корабельные верфи, школы и кадетские корпуса, библиотеки и архивы, больницы и тюрьмы, богадельни и сиротские приюты, рынки и общественные бани. Пребывание Миранды в России, русское гостеприимство, которое было ему оказано, имело большое значение. Между народами России и Латинской Америки именно с тех пор выстроились тесные политические, экономические, культурные и другие связи.

Миранда покинул Россию, снискав высокое благоволение, обласканный элитой, с обещаниями содействия в реализации его планов, с надеждами на скорейшее их осуществление. Но, даже покинув Россию, Миранда несколько лет поддерживал связи со своими русскими друзьями и доброжелателями. В Стокгольме он по приглашению посланника России А. К. Разумовского поселился у него в доме. В Копенгагене Миранда тоже охотно согласился воспользоваться гостеприимством русского посла А. И. Крюденера. В Дании Миранда предложил премьер-министру провести реформу тюрем, утверждая, что свобода и правильное управление способны избавить людей от религиозных предрассудков. Трёхнедельное пребывание Миранды в Гамбурге также началось с визита к русскому послу Ф. И. Гроссу. Затем Миранда приехал в Голландию. В Гааге у него сразу установились доверительные отношения с русским послом С. А. Колычёвым, который перед отъездом венесуэльца выдал ему паспорт на имя «ливонского дворянина г-на де Мерона», а также снабдил рекомендательными письмами. Во Франкфурте-на-Майне, куда Миранда специально заехал для встречи с аккредитованным в ряде прирейнских государств, а также имперских округов графом Н. П. Румянцевым, он посланника не застал, и вынужден был ограничиться беседой с секретарём миссии. Находясь в Брюсселе, Миранда неоднократно встречался с русским генеральным консулом. На рубеже 1788 и 1789гг. Миранда прибыл в северную Италию, где возобновил контакты с русскими поверенными в Генуе и Турине. Затем он прибыл в Лондон. Уже через несколько

ИМЯ В ИСТОРИИ ГОРОДА

дней Миранда нанёс визит посланнику С. Р. Воронцову, который немедленно доложил об этом в Петербург. Когда венесуэлец узнал о затеянной испанцами в Лондоне с целью его похищения провокации, то попросил включить своё имя в реестр персонала дипломатической миссии России, что и было сделано. О нависшей над ним угрозе креол поспешил уведомить высоких покровителей в России. Там он получил весть о начале Великой Французской революции и через некоторое время отправился в Париж, где сразу тесно сблизился с жирондистами. Даже в Париже русский посол И. М. Симолин взял под своё покровительство Миранду.

Таким образом, можно сделать вывод, что пребывание Миранды в России вообще и в Петербурге в частности сыграло большую роль в его дальнейшей жизни и революционной деятельности. Как известно, из 20 томов записок Миранды его путешествие по России занимает конец 4-го тома и весь 5-й том, учитывая тот факт, что Миранда провел в России всего полтора года. Интересно отметить, что хотя первые контакты между Россией и ещё не существующим государством Венесуэлой были налажены Ф. Мирандой в 1787 г., официальные дипломатические отношения между двумя странами были установлены гораздо позже в силу ряда причин. Россия признала независимость республики Венесуэла в 1857 г. Дипломатические отношения между СССР и Венесуэлой установлены 14 марта 1945 г., но были прерваны 13 июня 1952 г. из-за установившейся хунты и восстановлены 16 апреля 1970 г. после её завершения. Двусторонние отношения заметно активизировались после прихода к власти правительства Уго Чавеса в 1998 г.

В апреле 2001 г. в Каракасе открыт русско-венесуэльский институт дружбы имени Франсиско де Миранды. Чавес посещал Россию в 2001 г. (дважды), затем в 2004, 2006 и 2007 гг. В начале 2008 г. в Петербурге было создано «Общество русско-венесуэльской дружбы и делового сотрудничества». Оно выступило с предложением увековечить память Франсиско Миранды. В парке 300-летия Петербурга (вход с пересечения Приморского проспекта и улицы Туристской) 26 ноября 2010 г. министр культуры Венесуэлы Фарруко Сесто торжественно заложил первый камень в основание будущего памятника (как он будет выглядеть, пока не афишировалось). Торжественную церемонию посетил чрезвычайный и полномочный посол Венесуэлы в России Уго Хосе Гарсия Эрнандес, член правительства Санкт-Петербурга, председатель Комитета по внешним связям Александр Прохоренко и

представители общественных организаций города.

Открытие памятника планировалось на 28 марта 2012 г. Памятник был изготовлен венесуэльским скульптором Хосе Энжела Караско и передан в дар России Уго Чавесом. В церемонии открытия собираются принять участие: члены правительства Петербурга, представители Министерства иностранных дел РФ, чрезвычайный и полномочный посол Венесуэлы в России Уго Хосе Гарсия Эрнандес. Безусловно, Ф. Миранда заслуживает такого памятника, а его личность в контексте петербургской истории дальнейшего изучения.

Использованная литература и источники:

1. Альперович М. С. Кульминация российско-испанского соперничества в Америке (1780-е гг.) // Новая и новейшая история. – 1999. – № 5. – С. 215-221.
2. Альперович М. С. Франсиско де Миранда в России. – М.: Наука, 1986. – 352 с.
3. Альперович М. С. Россия и Новый Свет (последняя треть XVIII века). – М., 1993.
4. Миранда Ф. Путешествие по Российской Империи / [вступ. ст. М. С. Альперовича]. – М. : Наука. Интерпериодика, 2001. – 364 с.
5. Миранда Ф. Российский дневник. Москва – Санкт-Петербург = *Diario de Rusia. Moscu-San Petersburgo*. – М. : Наука, 2000. – 220 с.
6. Мирошевский В.М. Екатерина II и Франсиско Миранда // Историк-марксист. – 1940. – № 2. – С. 125–132.
7. Сукре Фигарельи Х. Ф. Миранда: историзм и универсализм // Новая и новейшая история. – 1998. – № 3. – С. 64–77.
8. Francisco de Miranda [engl.] // Wikipedia : the free encyclopedia. – URL: [http://en.Wikipedia.org/wiki/Francisco de Miranda](http://en.Wikipedia.org/wiki/Francisco_de_Miranda) (дата обращения: 3.01.2012).
9. Francisco de Miranda [span.] // Wikipedia : the free encyclopedia. – URL: [http://es.Wikipedia.org/wiki/Francisco de Miranda](http://es.Wikipedia.org/wiki/Francisco_de_Miranda) (дата обращения: 9.01.2012).

Новиков Кирилл

10 класс, 53 школа,

Приморский район

Адмирал Пантелеев. Становление

31 октября 2011 года исполнилось 110 лет со дня рождения советского военно-морского деятеля, адмирала (1953), профессора (1962) Юрия Александровича Пантелеева.

Сбор материалов начался со знакомства со статьями Большой Советской Энциклопедии, включающими краткие сведения из биографии Ю. А. Пантелеева, поиска сведений по главным этапам его жизни. Было решено взять за основу авторские воспоминания из трёх книг Ю. А. Пантелеева, напечатанных в 1965, 1974 и 1984 годах. Затем состоялось знакомство с экспозицией музея Военно-морской академии им. Н. Г. Кузнецова (находится на территории МО № 66 «Черная речка»). Руководитель музея Пётр Григорьевич Марков подарил нашему школьному музею замечательную книгу «Военно-Морская Академия на службе Отечеству». В отделе кадров нам показали копию справки от 31 марта 1983 г. о прохождении службы в академии Ю. А. Пантелеевым. Большую помощь оказал нам ветеран ВМА, первый секретарь комсомольской организации, Алексей Каземирович Домбровский, предоставивший протоколы комсомольских собраний академии и подаривший нашему музею офицерский китель.

Работая с разными источниками, мы постарались на судьбе одного человека проследить связь личности со своим временем, окружением, посмотреть, как время отразилось в его судьбе, рассказать об образе жизни и духе советского народа. Знакомясь с содержанием статей и очерков, попытались проанализировать некоторые стороны деятельности человека, который с юных лет служил на Балтике, а впоследствии руководил Краснознаменным Балтийским флотом.

Юрий Александрович Пантелеев родился 31 (18 по ст. стилю) октября 1901 г. в Санкт-Петербурге в семье Александра Петровича Пантелеева (1874–1948) – сына казачьего атамана станицы Елизаветинской. После революции 1917 г. Александр Петрович стал киноактёром и режиссёром-постановщиком. Свой первый художественный фильм снял по сценарию А.Луначарского, были также фильмы – «Чудотворец», «Отец Серафим». С появлением звукового кино работал актёром кинофабрики «Совкино»

(киностудия «Ленфильм»). Актрисой на кинофабрике была мать Пантелеева – Анна Алексеевна – добрейшая женщина, знавшая множество сказок. Семья Пантелеевых жила дружно. В их большой квартире на Моховой улице нередко бывал поэт и переводчик Самуил Маршак (1887–1964), жил на Потёмкинской улице, работал заведующим литературной частью в Театре юного зрителя (на Моховой). Иногда из Павловска приезжал давний знакомый Пантелеевых – художник-график Владимир Конашевич (1888–1963). Им оформлены иллюстрации к книгам К. Чуковского, С. Маршака, А. Фета и Г. Х. Андерсена. Станковые серии – «Зимние пейзажи Павловска» и «Павловский парк» хранятся в Русском музее и Третьяковской галерее.

В 1907 г. отец снял на лето небольшой домик в дачном посёлке Мартышкино. Юрий и младший брат любили слушать рассказы о кораблях и плаваниях в дальние страны. Часто играли на берегу, где стояла давно отслужившая свой срок рыбацкая лодка. Однажды, увидев рядом лежащее корыто, Юрий забрался в него, оттолкнулся шестом и поплыл. Мальчика спасли рыбаки с лодки под парусом, пропахшей рыбой и солью. Вскоре отец купил небольшую шлюпку, которую тем же летом сорвало с цепи и разбило о камни. На морскую прогулку по Маркизовой луже до Сестрорецка, на небольшом швертботе «Флирт», отец пригласил сына-гимназиста и друзей: артистов Н. Шаповаленко и В. Гардина. В 1910 г. на яхточке «Руслан» (с каютой и 2 парусами) отец и сын, с двоюродным братом отца и их приятелем ходили до Выборга и Котки. Выборгское парусное общество проводило соревнования яхт разного класса, на которых Пантелеевы были болельщиками. В 1913 г. отец предложил Юре пойти летом юнгой на лайбе «Святая Анна». Пантелеев записал: «Память об этих прекрасных людях, настоящих тружениках моря – мужественных и умных, я сохранил навсегда. И навсегда остались со мной навыки и умения, приобретённые на “Святой Анне”. Навечно запомнились уроки и советы капитана и боцмана».

В годы 1-й мировой войны (1914–1918) Юрий ходил на каток в Юсуповском саду на Садовой улице. Каток в то время принадлежал Речному яхт-клубу. Школой фигурного катания руководил конькобежец Николай Александрович Панин (1871–1956). 17 июля 1914 г. началась всеобщая мобилизация. Из гимназии были исключены дети подданных Германии и Австро-Венгрии. В эти годы Юрий стал ходить на буере – яхте на коньках. В апреле 1915 г. стал членом, «небольшого, но дружного

ИМЯ В ИСТОРИИ ГОРОДА

яхт-клуб “Варяг”, арендовавшего 2 дачи в Старой Деревне». Членами клуба были студенты, гимназисты, служащие, люди без особого достатка. В клубе числилось не более 20 небольших яхт, на которых активно участвовали во всех гонках. Осенью 1915г. Морское ведомство провело «мобилизацию моторных и парусных яхт». Александр Петрович, на полученные деньги, купил небольшой швербот «Наль» с гафельным вооружением. В 1917 г. с последним выпуском Юрий окончил Вторую гимназию, на углу Казанской улицы, дом 27 и Демидова переулка.

Первые годы Советской власти сопровождали послевоенная разруха и голод, безработица, отсутствие товаров и продуктов, дороговизна жизни. Владельцы яхт продавали свинцовые кили, пользовавшиеся спросом на рынках. «Исчезали ценные вещи из клубной кают-кампании – призы, золотые и серебряные братины, хрустальные вазы, жетоны с драгоценными камнями и самоцветами... Расхищалась клубная библиотека». Весной 1918 началась интервенция, войска Антанты высадились в Мурманске и Архангельске, во Владивостоке выступил чехословацкий корпус. Немцы, оккупировав Украину, захватили Таганрог и Ростов, вторглись в Закавказье и Крым. Между Россией и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске был заключён мирный договор.

VII съезд ВКП(б) ввёл всеобщее обучение трудящихся, готовили кадры и для флота. На Морские курсы принимали «военморов», Пантелеева приняли вольнослушателем на два года. 16-летнего Юрия зачислили добровольцем в команду военных штурманов (охранял учреждения Рабоче-Крестьянского Красного Флота). Морского штурмана в ноябре 1918 г. назначили командиром 1-го морского отряда Всеобуча. В отряд (располагался в Старой Деревне) входили боцманы, бывшие кондукторы и унтер-офицеры. Много ходили на шлюпках, на вёслах. Все практические занятия (8 недель) проводил Пантелеев. Успешно сдавшие управление яхтой под парусом, получали звание «рулевой». 10 августа 1918 г. провели водноспортивный праздник на Средней Невке.

18 августа английские корабли потопили учебный корабль «Память Азова» и линкор «Андрей Первозванный». 28 сентября начали наступление войска Юденича. 16 октября захватили Красное Село, Гатчину, вышли к Пулковским высотам. Отряд перевели на казарменное положение, ночью патрулировали улицы. В мае 1919г. объявили, что Петроград на осадном

положении. Морской отряд Пантелеева числился в резерве. «Строились баррикады, устанавливались орудия и пулемёты, минировались военные объекты и мосты». Город готовился к уличным боям. 14 мая войска Юденича потеснили 7-ю армию, финны наступали со стороны Онежского озера. Наступление остановили отряды мобилизованных коммунистов и отряды добровольцев матросов. Всем отрядом вступили в комсомол. Летом 1919 г. Юрий держал экзамен на большой яхте «Лейтенант Шмидт» на звание «инструктора парусного спорта». С августа 1919 г. нес сторожевую службу на линии Лахта – дамба Морского канала.

К исходу зимы 1921 г. была заметна усталость и раздраженность личного состава флота. Все началось в феврале 1917 г.: вспышка насилия охватила корабли и береговые экипажи. «Возбужденные матросы и «портовая братва» громили кают-компании, стреляли офицеров, бросали их в ледяную воду, оскорбляли, издевались, – писал историк Сергей Семанов, – февральский погром обескровил командный состав флота сильнее иного сражения. Многие офицеры кончали с собой, сходили с ума». Эпоха «революционного насилия» вступила в свои права. Три года «шумели матросики на кораблях Балтийского флота». Зачинателями восстания выступили матросы линейных кораблей «Севастополь» и «Петропавловск», выдвинувшие 23 февраля лозунг «Советы без коммунистов». В Кронштадте восстали 18 000 матросов и солдат, первый штурм Советы предприняли 8 марта.

В газете «Смена» читаем, что движение в Северной группе шло из Сестрорецка и Лисьего Носа. Постоянным измерением толщины льда от Лисьего Носа и установкой специальных ориентиров занимался отряд лыжников–разведчиков, возглавляемый 19-летним Юрием Пантелеевым. 14 марта 1921 г. отряд рано утром прибыл на вокзал в Новой Деревне. Поезда не ходили. Чекист заставил железнодорожников отправить состав до Лахты, на лыжах комсомольцы пришли на Конную Лахту, где в большой избе располагался штаб Северной группы 7-й армии. На Лахте отряд заночевал. «Ночь прошла спокойно, лишь позвякивали стёкла от далёких залпов орудий крупного калибра», – вспоминал Ю. А. Пантелеев. Утром лыжники прибыли на станцию Раздельная, пройдя около 10 км. Штаб левого боевого участка располагался в «единственной здесь большой даче», к которой «тянулись провода телефонных линий». Лыжники остановились в небольшой даче на Моховой улице – «дом оказался уютным, даже с

ИМЯ В ИСТОРИИ ГОРОДА

мебелью и кухонной утварью, так что разместились прекрасно».

На 15 февраля 1921 г. в Кронштадтском гарнизоне насчитывалось 16 465 человек, из них 1078 командиров. Весь день 16 марта артиллерия вела непрерывный обстрел Кронштадта и флота. 17 марта в 2 часа ночи около 45 тысяч бойцов начали наступление на Кронштадт. Вели их лыжники Морского отряда, которым помогали финны – курсанты Петроградских пехотных курсов во главе с У. Тойвалой. Основной удар из Ораниенбаума наносила сводная дивизия Южной группы, и вёл её в бой нарком по морским делам Павел Дыбенко. С юга наступали 27-я Омская стрелковая дивизия, 237-й Минский полк и 79-я бригада. Тухачевский предъявил мятежникам ультиматум о сдаче. Шли по лужам, образовавшимся с восходом солнца на льду. Мятеж был жестоко подавлен утром 18 марта 7-й армией Тухачевского при участии 300 делегатов X съезда РКП(б) и курсантов 1-й Советской военно-железнодорожной школы командного состава из города Торжка. К вечеру наметился перелом. Около 8 тысяч мятежников бежали в Финляндию. Тысячи мятежников бежали в сторону посёлка Териоки. Тех же, кто направились в сторону Лисьего Носа, большевики били из орудий.

21 марта сняли осадное положение в Петрограде и губернии, введенное 5 марта. Кронштадтские моряки, солдаты гарнизона, рабочие, все жители несчастного города-крепости положили конец «военному коммунизму». 10 лыжников (и Юрий Пантелеев) из 1-го морского отряда Всеобуча были награждены орденом Красного Знамени. В мае 1922 г. Пантелеева назначили младшим штурманом линейного корабля «Марат». С 28 сентября по 7 октября состоялись первые после Гражданской войны манёвры Морских сил БМ. В манёврах участвовал линкор «Марат». 5 октября отряд кораблей вышел с Кронштадтского рейда в дальний поход, дошли до Таллина и повернул обратно. Пантелееву подчинялась «рота корабельной интеллигенции» – рулевые, сигнальщики, радисты, коки, хлебопёки, водолазы, печатники, электрики, минёры, санитары. В морском клубе читались лекции и о вреде танцев. Вечером молодёжь спешила «на вечеринки и пляски». С 1 декабря 1923 по февраль 1925 гг. – Пантелеев слушатель Высших специальных курсов командного состава (СКУКС). Вскоре он в составе особой команды ушёл в длительное плавание из Архангельска, где ремонтировалось посылное судно «Воровский». Это американская яхта числилась в составе Северного флота. Командиром на яхту назначили А. С. Максимова. Это был «шестидесятилетний, но очень крепкий с бородкой клинышком и обвислыми

усами мужчина. Говорил он тихо, с заметным прибалтийским акцентом... Смелый, талантливый, он успешно продвигался по службе, получал всё новые чины, но не кичился, не сторонился матросской массы». И не случайно после февральской революции, на митинге, на котором присутствовало 60 тысяч моряков, вице-адмирал А. С. Максимов был единогласно избран командующим Балтийским флотом.

«Воровский» был первым советским кораблём, отправляющимся в столь дальний поход. 12 июля 1923 г. отдали швартовы под грохот орудийного салюта. «Белое море встретило холодным дождём и густым туманом. Хмурая погода была и в Баренцевом море. Солнце появилось в Норвегии. В Английском канале попали в поток различных судов и шли как в толпе по улице. 24 июля вошли в Плимутскую бухту». В Бискайском заливе было тепло, постепенно флотская роба сменила бушлаты и шинели. В Гибралтарском проливе наступила жара, появились парусные тенты. «Поразило необыкновенной голубизной вода Средиземного моря и неба. И люди стали говорить как-то мягче, медленнее и нежнее». 8 августа в Неаполитанской бухте русскую яхту встретили боцман и офицер связи, который по-французски приветствовал капитана и команду. Самостоятельно вошли в порт. Впервые был поднят на мачте флаг страны Советов. На горизонте возвышалась гора со знаменитым вулканом Везувием. Через неделю судно покинуло Неаполь, приняв необходимые запасы. Мессинский пролив, отделяющий остров Сицилия от материка, «проходили тяжело со скоростью 8 узлов, когда течение было 5 узлов. Казалось, что судно топчется на месте».

Прошли самый большой и высокий остров – Стромболи. В Суэцком канале вечером флотским ужином угостили грузчиков – бастующих феллахов. «Чёрная южная ночь, приторная от запаха цветов, окутала город и рейд». Пять полицейских всё время дежурили вокруг русского корабля. «Становилось всё более душно и влажно. Палуба накалялась, как жаровня. Вода в цистернах нагревалась, и пить её было противно, хотя все изнывали от жажды – вода выдавалась по кружке три раза в день. Питались мы преимущественно консервами и фруктами, запивая их разбавленным красным вином». Красное море – для команды было самым тяжёлым временем пути. В тени – «40 градусов при невероятно большой влажности. Мокрым было всё: скатерть на столе, салфетки, подушки, простыни. Люди задыхались и ...таяли будто свечи на печке. Спали на палубе, а утром на простынях оставался мокрый контур тела. Ветра не было. А чуть

ИМЯ В ИСТОРИИ ГОРОДА

подует – ещё хуже: потянет с берега зноем пустыни, будто из пылающей топки парового котла». Увидев гору Синай – обитель Аллаха, заметили по курсу плоский остров, не нанесённый на лоцию. Штурману Пантелееву пришлось обратиться за решением к командиру. Оказалось скопление мельчайших моллюсков и водорослей, окрашивающих воду в красный цвет. 8 сентября корабль вошёл в порт Коломбо на большом и красивом острове Цейлон. Это был «сказочно экзотический уголок со слонами, вековыми храмами, рыбаками на двойных лодках – катамаранах и могучими, стройными и по-особому чистыми пальмовыми лесами...». Сингапур – ворота для всех кораблей, следующих на запад или восток. После официальной встречи и обмена салютами яхту поставили под погрузку угля. Всех поразила «чистота дорожек между штабелями с углём, окружённых клумбами с цветами». Как только «ошвартовались» немедленно без всяких задержек началась погрузка. В любое время грузчик мог закончить работу и в любое время мог её начать. «Никаких тебе перерывов или перекуров». Чиновник запретил помогать грузчикам. Погрузка 300 тонн угля к вечеру была закончена. Вымытый корабль был переставлен к гостевому причалу.

Южно-Китайское море – «Оно зло нас качнуло, обдало порывистым ветром с дождём». Утром нагрязнул тайфун. Из Москвы пришло распоряжение – идти в Контон по реке Жемчужной. Часть команды побывали в ставке Сун Ят-Сена – 60-летнего президента и главнокомандующего. Больше месяца простояли на рейде Вампу – огромного плавучего города. Климат тяжёлый – сыро, душно, одолевали москиты. Малерией заболели матрос и помощник врача, оба умерли. 11 ноября 1924 г. яхта покинула страну. 20 ноября «Воровский» отдал якорь во Владивостоке в бухте Золотой Рог. За кормой осталось 26 тысяч км. Флаг Советского Союза впервые был пронесён через 3 океана и 9 морей. Весной 1925 г. вернулись на курсы. После курсов Ю. А. Пантелеев служил на Чёрном море: с февраля по июль 1925 г. штурманом подводной лодки «Политрук», с июля 1925 по апрель 1926 гг. ст. помощником командира эсминца «Шаумян». С апреля 1926 по декабрь 1928 гг. старший штурман крейсера «Червона Украина» в октябре 1930 г. стал помощником начальника отдела боевой подготовки штаба МС ЧМ.

Прослужив пять лет (1925–1930) на ЧФ, в октябре 1930 г. Пантелеев поступил в ВМА им. К. Е. Ворошилова. Окончив Академию в апреле 1933 г., Юрий Александрович получил назначение в Управление боевой подготовки Морских сил РККА, помощником начальника сектора. В июне 1933 г. был назначен начальником

1-го сектора (оперативной и боевой подготовки) штаба Северной ВФ, где с 25 сентября по 21 марта 1934 г. исполнял обязанности начальника штаба СВ флотилии. С 1935 г. начался второй этап службы Ю. А. Пантелеева на Черноморском флоте (начальником штаба 1-й бригады и командиром 2-й бригады подводных лодках), который закончился в 1938 г. Летом он был переведен в Наркомат ВМФ и с августа 1938 по октябрь 1939 г. был членом, а затем заместителем председателя Государственной комиссии по приёмке кораблей (значит и Черноморский флот курировал).

В 1939–1940 гг. в ходе финляндско-советского вооружённого конфликта в боевых действиях на море приняли участие КБФ, Северный флот и Ладожская военная флотилия. КБФ командовал В. Ф. Трибуц, а начальником штаба был Ю. А. Пантелеев. В марте 1940 г. сухопутная граница с Финляндией отодвигалась к западу от Выборга.

Использованная литература и источники:

1. Богданов И. А. Лахта. Ольгино. Лисий Нос. – СПб.: ОСТРОВ, 2005. – 248 с. : ил.
2. Гуров С. А., Тюлькин В.Э. Корабли эскадры Балтийского флота. – Калининград : Янтарный сказ, 2005. – 205 с. : ил. – (Великая Отечественная война).
3. Карусева И. М. Лисий Нос : ист. очерк. – СПб. : ARTDECO, 2001. – 144 с. : ил.
4. Кузнецова Р. Крутые повороты : (из воспоминаний Адмирала флота Советского Союза Н. Кузнецова) // Правда. – 1988. – 29 июля (№ 211).
5. Михайлов Н. В. Лахта : пять веков истории, 1500–2000 : ист. очерк, документы, воспоминания, каталог. – М. : Весь Мир, 2001. – 430 с. : ил.
6. Пантелеев Ю. А. Морской фронт. – М. : Воен. изд-во М-ва Обороны СССР, 1965. – 316 с. : ил. – (Военные мемуары).
7. Пантелеев Ю. А. Парус – моя жизнь : из воспоминаний. – Л. : Лениздат, 1984. – 215 с. : ил.
8. Пантелеев Ю. А. Полвека на флоте. – М. : Воениздат. – 318 с.
9. Пантелеев Юрий Александрович (1901–1983) // Funeral-spb.ru : [сайт] / О-во некрополистов. – 2006. – 25 окт. – URL: <http://funeral-spb.narod.ru/necropols/serafimofskoe/tombs/panteleyev/panteleyev.html> (дата обращения: 28.12.2011).
10. Семанов С. Н. Начало конца. Кронштадт. 1921 год: мятеж или восстание // С.-Петербург. панорама. – 1992. – № 3. – С. 25–27 ; № 4. – С. 25–27.

Шувалова Анастасия

11 класс, школа № 218,

Фрунзенский район

историко-краеведческий клуб

«Петрополь»

ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ»

«Икар из Царского Села»

(Жизнь и изобретения Андрея Богдановича Васенко)

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX ВЕКА – время научных и технических достижений абсолютно во всех направлениях. В этот период истории появляются всё новые и новые имена учёных, которые впоследствии «изменяют мир». Одним из таких молодых учёных был молодой инженер и воздухоплаватель Андрей Богданович Васенко. Этот человек «перепробовал» за свою жизнь многие профессии: он был и поэтом, и писателем, и учителем, и певцом, и даже футболистом. Но знаменит он, прежде всего, как инженер-конструктор и стратонавт.

Андрей Богданович Васенко родился в Санкт-Петербурге 28 декабря 1899 года в семье инженера. Когда Андрей был маленьким ребёнком, его семья жила по адресу: Измайловский полк, 2 рота, д. 14–11. Он был последним ребёнком в семье. У его родителей помимо Андрея было ещё две дочери (Татьяна Богдановна и Софья Богдановна) и сын Пётр Богданович. Его отец, Богдан Петрович Васенко, был инженером Управления казенной железной дороги. Как только родился Андрей, родители решили уехать ненадолго в город Царское Село к родственникам по линии матери, Софьи Эмильевны Васенко. Остались записи в дневнике матери: «...В мае переехали в Царское... Андрей значительно вырос...сидит на руках. Выношу на воздух сколько возможно, часто спит в саду. По характеру милый, тихий, скромный. Общий наш баловень». В 1903 году умирает отец Андрея, Богдан Васенко. И тут вся семья принимает решение перебраться уже на постоянное место жительства в Царское Село. Маленькому Андрюше на этот момент было всего 3 года. Именно Царское Село станет впоследствии «малой Родиной» для Андрея Богдановича, будущего стратонавта России. Ведь здесь он проведёт всё своё детство и юность. Вероятно, семья Андрея Васенко жила по адресу: улица Оранжерейная, 40. Эту информацию мы обнаруживаем в справочнике «Весь Петербург» за 1909 год. Возможно, впоследствии семья переехала по адресу:

улица Оранжерейная дом 59А. Им принадлежала достаточно большая территория, которая включала в себя дом и сад. К сожалению, этот дом сейчас не сохранился. Он был разрушен в 1967 году, а на его месте был выстроен новый дом № 55. А рядом с этим новым домом, на территории, которая когда-то принадлежала семье Васенко, сегодня находится детская игровая площадка. «Это был небольшой, двухэтажный, деревянный, с высоким крыльцом, обращённым в сторону улицы, и уютной верандой, выходящей в сад, он был типичной постройкой для Царского Села того времени», – такие воспоминания остались у матери Андрея Богдановича об их новом небольшом домике. Однако, Е. Головчинер утверждает, что до 1934 года семья Васенко жила в доме № 53 на улице Коминтерна (так в советские годы называлась Оранжерейная улица).

Таким образом, по всем источникам семья Васенко жила в Царском Селе на Оранжерейной улице. Расходятся только номера домов, но, возможно, место жительства Васенко за эти годы действительно менялось. У семьи Васенко также имелся сад, который был «знаменит» во всём Царском Селе своими необычайно красивыми орхидеями, которые выращивала Софья Эмильевна. Мать Андрея преподавала в Царскосельской женской гимназии Министерства народного просвещения и в гимназии Стоюниной. В тяжёлые годы Гражданской войны, да и вообще в 1920–1930-е годы сад кормил семью. Сад был превращён в огород, который помог большой семье Васенко выжить в то трудное время.

Осенью 1908 года Андрей Васенко был принят на учёбу на старшее отделение школы Пушкаревой – Мальцевой, которая находилась на Госпитальной улице, дом № 13 (ныне на этом месте построен дом № 28). Здесь Андрей изучил немецкий язык. Также мальчик хорошо говорил по-французски. Этому языку обучала его мать, Софья Эмильевна, – бывшая учительница французского языка. Андрей учился очень хорошо, и вскоре перешёл в Николаевскую мужскую гимназию, которая располагалась на Дворцовой набережной, д. 12. Здание Николаевской мужской гимназии сохранилось и до наших дней. Расположено оно, как во времена учёбы Андрея Богдановича Васенко, на том же месте. Большие способности мальчика оценила и приёмная комиссия, которая зачислила Андрея на одно из вакантных мест мужской гимназии, предназначенных для наиболее «стремящихся к знаниям» учеников. Приёмная комиссия гимназии, состоявшая из выдающихся преподавателей, не прогадала: Андрей был отличником на протяжении всей учёбы в мужской гимназии.

ИМЯ В ИСТОРИИ ГОРОДА

Весной 1913 года Андрей Васенко начинает издавать рукописный журнал «Молодое», который выходил до 1915 года. Журнал издавался по адресу места жительства Андрея Богдановича: ул. Оранжевая, д. 59А. Андрей выпускал этот журнал вместе со своим другом – Александром Плешковым – Сиверским. 2 апреля 1913 года была в журнале сделана такая необычная надпись самими издателями журнала – Андреем Васенко и Александром Плешковым – Сиверским: «...мы поддержим их первые робкие шаги, откроем в них первые проблески таланта и таким путем воспитаем много будущих гениев русской литературы и сохраним от забвения всепожирающего камина или печальной корзины многие славные произведения поэтов грядущего. Литературные критики будут нам признательны, потому что всякий знает, какая это приятная находка – юношеское произведение знаменитого N. Журнал основан под знаменем строгой беспартийности, он выращивает всякую траву, потому что в молодом возрасте нельзя отличить цветов от крапивы, и ставит своей задачей откликаться на самые разнообразные течения, если только в них наблюдается искорка вдохновения...»

В годы учёбы в Николаевской гимназии Андрей дружил и с внуком Иннокентия Анненского – Валентином Хмаро–Барщевским. Доказательством этой дружбы является записная книжка Андрея, в которой Валентин писал пожелания для своего друга: «Учись Андрюша, не повесничай, помни Бога, уважай родителей, сестер. А главное меня, хотя мне, с сегодняшнего дня можешь руку не целовать». В жизни Андрея хорошие отношения с семьёй Хмаро – Барщевских играли большую роль, особенно в ранней юности. Ведь он общался не только с Валентином, но и с Ольгой Петровной Хмаро–Барщевской (жена пасынка Иннокентия Фёдоровича Анненского).

Во время учёбы в гимназии Андрей Васенко увлёкся литературой. Теперь он уже не только издавал статьи в журнале «Молодое», но и писал стихи. Его первыми стихотворениями стали: «Я», «Бог», «Жизнь». На тот момент Андрею было всего 14 лет. Я хочу представить одно стихотворение Андрея Богдановича из его раннего сборника «Недосказанное», который был опубликован:

Стихотворение «Я».

Не нужно мне шатких рыданий
Не нужно мне бездушной тоски,
Не надо холодных страданий
В шуршаньи сонливой реки.

ИМЯ В ИСТОРИИ ГОРОДА

Мне надо другого, другого,
Чего никому не понять
Горячего, ярко святого,
Чего никому не обнять.

Я сам необъятный, жемчужный
Какой-то нездешний, святой,
Я мягкий, томительно южный,
Я страсти рождаю собой.

Не нужно мне денег и платья,
Мне славу и памятник мне,
Чтоб поняли люди распяты,
Распяты мое на земле.

Данное стихотворение датировано 16 января 1914 года.

Будучи прекрасным поэтом, Андрей выбирает другой путь своей жизни и связывает свою жизнь с техникой. Во время учёбы в старших классах гимназии он увлекается работами К. Э. Циолковского. Андрей всерьёз заинтересовался физикой. Стал тщательно изучать стратосферу. На его выбор повлияло ещё одно событие: осенью 1910 года, переступив порог гимназии, Андрей стал свидетелем полёта дирижабля «Кречет», который появился в небе над Царским Селом. Помимо литературы и физики, Андрей увлекался и спортом. Он был капитаном футбольной команды Николаевской мужской гимназии. Также ещё одним увлечением Андрея Богдановича было пение. Он пел вместе со своей сестрой Соней под аккомпанемент друга семьи – Александра Ганнибала. Талант Андрея оценил и один из певцов Мариинского театра, сказав: «Из него замечательный певец получится». Софья Эмильевна, мать Андрея, жалела о том, что её сын не стал певцом: «Не вышло из моего Андрея певца... А жаль! Какой у него замечательный голос».

15 марта 1918 года Андрей Богданович Васенко оканчивает Николаевскую мужскую гимназию с золотой медалью.

Андрей Васенко после окончания Николаевской мужской гимназии начинает самостоятельную жизнь. В 1918 году он женится на Вере Левиной, выпускнице Мариинской женской гимназии (ныне – Гимназия искусств имени А. А. Ахматовой расположена по Леонтьевской ул., д. 17). Андрей был потрясён красотой девушки и влюбился в неё с первого взгляда. В 1915 году он посвятил ей стихотворение «У вас удивительно томный взгляд...».

ИМЯ В ИСТОРИИ ГОРОДА

В 1918 году начинается Гражданская война, и Андрей решает пойти добровольцем в Красную Армию. Он попал в железнодорожный отряд Красной Армии, затем был переведён на восточный фронт. Сказать, чтоб Андрей был приверженцем революции и большевиков однозначно нельзя. Андрей Васенко писал о революционных идеях в своих стихотворениях. И слова Андрея, написанные в тетради – сборнике «Сталь» доказывают это: «Вы слышите, плачет Бог, вы видите его слезы; он плачет бурно плачет его слезы огненными зарницами охватывают небо, вы слышите, плачет Бог. Серые тучи скользят, извиваясь по небу, а далеко, далеко сверкают зарницы, огненные слезы забытого Бога. Но люди не смотрят на его скорбь, не все ли равно, какая погода, они идут и стучат каблуками по панели все вперед и вперед. Идет дождь, они наденут галоши, возьмут зонты и также невозмутимо все идут вперед. Во всем вперед, в воздухе рокот, аэропланы; треща и звеня, несется мотоциклет; все вперед и вперед и никто, никто не слышит плача Бога.

– Люди, остановитесь! – Хочется крикнуть им. – Вперед и вперед, гремит девиз двадцатого века, и каждый человек крупинка мироздания говорит: «Мы идем вперед». И становится ясно, что люди ослеплены...». Когда Андрей служил на Восточном фронте, мать постоянно получала от него письма. Андрей в них сообщал, что Красная Армия продолжает продвигаться вперед, что ему приходилось участвовать в боях за Тобольск, вдоль Сибирской железной магистрали к Новониколаевску (сейчас город называется Новосибирск).

Во время службы в Красной Армии Андрей становится отцом. У него рождается сын – Владимир Андреевич Васенко, будущий врач. Так, в письмах к жене Вере он просил побольше писать о маленьком Вове. Ведь тогда мальчику был лишь 1 годик.

Андрей Богданович был демобилизован, и в 1920 году он поступает в Институт инженеров путей сообщения на воздушный факультет. Жажда знаний не прошла. Андрей Васенко хотел учиться снова и снова. Он мечтал о том, как окажется в небе... Так впоследствии и произойдет... Но Андрей должен был кормить семью. Денег не хватало. Жить студенту было нелегко. Приходилось летом во время каникул целыми днями возиться в огороде, чтобы сделать на зиму кое-какие запасы: картошку, капусту, огурцы.

Трудные это были годы... В институте не было необходимых книг, приборов, не говоря уже об оборудовании для постройки дирижаблей. С устройством воздушных кораблей студенты

знакомились на Волковом поле, где располагалась техника Высшей воздухоплавательной школы, в которой, кстати, учился и Павел Федосеенко – тоже будущий стратонавт «Осоавиахима–1». Но на тот момент они не были знакомы. Для того, чтобы заработать на жизнь Андрей решил пойти преподавать в бывшую Николаевскую мужскую гимназию, в которой когда–то учился сам. Теперь эта мужская гимназия была переименована в 1-ю Детскосельскую трудовую школу 1 и 2 степени. Он стал учителем. Сохранились до наших времён воспоминания ученика Андрея Богдановича Васенко. (Эти материалы взяты из архива сына Андрея Васенко, Владимира Андреевича Васенко, часть этого архива опубликована в книге Пронина В.А. Шагнувшие в небо): «...В нашем «Г» классе 1-й детской трудовой школы I и II ступени он появился как-то неожиданно. Своими кожаными лямками на защитного цвета галифе, приплюснутой студенческой фуражкой (носили еще тогда такие) и какой-то пронзительной веселой лихостью в очень черных и больших глазах он произвел сильное впечатление как на мальчишек, так и на девчонок. Вместе с ним в класс вошла молодость, овеянная романтикой гражданской войны, и поразила контрастом с нашими милыми, но пожилыми и усталыми учителями... Вскоре мы узнали, что учился он совсем недавно в этих стенах бывшей мужской гимназии, у наших учителей, и учился блистательно. Преподавал он у нас природоведение. Преподавал очень увлекательно и живо». Многие абитуриенты вузов мечтали попасть на репетиторство к Андрею Богдановичу, несмотря на его молодой возраст. Андрей Васенко готовил будущих студентов по математике. Заслуженный учитель школы РСФСР С.М. Муравьев вспоминает, что все родители Детского Села стремились устроить своих детей на репетиторство к Андрею Богдановичу Васенко.

В 1923 году Андрей Богданович уволился с работы. В это время Васенко много общается с «детскосёлами». Он часто бывает на даче Ильи Яковлевича Маршака (Московское шоссе) – брата поэта Самуила Маршака, ездит к В. В. Горданову, инженеру Ю. С. Чехурскому, бывает в гостях у кинооператора А. Н. Москвина. Быть может, Андрей Богданович общался и с К. Э. Циолковским, ведь его адрес, который находился в Калужской области, записан в записной книжке Андрея Васенко. Поэтому Андрей Богданович и Константин Эдуардович Циолковский, вполне вероятно, могли общаться, ведь не зря Андрей Богданович, ещё будучи учеником гимназии, увлекался работами этого учёного.

ИМЯ В ИСТОРИИ ГОРОДА

Андрей Васенко тщательно следил за новыми дирижаблями в России и в мире. Например, его внимание привлёк дирижабль «Норвегия». Этот дирижабль был изобретён итальянским инженером – аэроавтом Умберто Нобиле, полёт финансировался американцем Л. Элсвертом. Участники полёта хотели достигнуть Аляски. Но этот дирижабль нужно было сначала проверить. Для приёма дирижабля и его осмотра в период остановки в Гатчине при воздушном отделении Петроградского института путей сообщения была организована специальная комиссия. Эту комиссию возглавил профессор А. Г. Воробьёв. И вместе с другими студентами института Васенко приехал в деревушку Сализи для встречи дирижабля «Норвегия».

Андрей Васенко в это время был очень занят – учился на последнем курсе института. Но встреча дирижабля «Норвегия» не могла пройти мимо будущего инженера стратостата. Что его интересовало? Ответ прост: Андрей Богданович интересовался устройством воздушного корабля. Ведь он работал в это время над дипломным проектом «Перспективы исследования атмосферы при помощи дирижабля».

В 1920-е годы Андрей занят учёбой в Институте инженеров путей сообщения. В 1926 году Андрей Богданович совершает свою первую поездку под Гатчину. Васенко также много занят работой над дипломом. В 1927 году он окончил институт. В том же году Андрей Богданович становится преподавателем технической школы Военно-Воздушных Сил, которая располагалась в Ленинграде (Ленинградская Военно-техническая школа ВВС РККА – это ныне Академия Можайского). В июне 1924 года Военно-техническая школа Красного Воздушного Флота переименована в Ленинградскую Военно-техническую школу ВВС РККА. Андрей Богданович обладал незаурядными способностями к преподаванию. Он мог бы стать замечательным доцентом какой-нибудь кафедры или даже профессором, но Андрей Васенко выбирает практическую сферу науки.

16 марта 1929 года Андрей Богданович Васенко устраивается работать в Павловскую (Слуцкую) метеорологическую и магнитную обсерваторию (переименована потом в Институт аэрологии). Эта обсерватория открылась 2 июня 1878 года. Её основал великий князь Константин Николаевич. В 1930-е годы Павловская метеорологическая обсерватория занималась аэрологическими исследованиями. Так, например, именно эта обсерватория выпустила первый во всём мире радиозонд, который был снабжён лёгкой

телеметрической системой и передавал по радио сигналы о давлении и температуре воздуха на высотах. В Павловской обсерватории были сосредоточены самые, наверное, главные исследования по аэрологии, земному магнетизму и атмосферному электричеству. Также метеорологическая обсерватория занималась вопросом изучения измерений, которые производились на бортах новых советских стратостатов. В институте Васенко работает в течение четырёх лет заведующим научно-исследовательским сектором и помощником директора института. Работая в институте аэрологии, Андрей Богданович думал над своим исследованием, посвящённым воздухоплавательным проблемам. Именно здесь Андрей Васенко решил начать конструирование и создание стратостата.

Андрей Васенко затем работал в Институте аэрофотосъёмки, в Научно-исследовательском институте Гражданского воздушного флота. В это время он много занимается преподавательской деятельностью по аэрологии и математике, одновременно ведёт активную общественную и спортивную деятельность. Увлекается альпинизмом, теннисом, музыкой, фотографией.

В 1927 году Андрей Васенко составил проект воздушного корабля для исследования высоких слоёв атмосферы. О подготовке своей дипломной работы он рассказал на одном из заседаний метеорологической комиссии Русского географического общества. Этот научный проект вызвал огромный интерес со стороны виднейших ученых. И уже в мае состоялась защита дипломной работы по теме «Перспективы исследования атмосферы при помощи дирижабля». Васенко сразу же получает свидетельство о присвоении ему квалификации инженера путей сообщения. Полное название дипломного проекта Андрея Богдановича называлось «Воздушный корабль для метеорологической службы (база и эксплуатация)». Андрей Васенко свой выбор остановил на дирижабле потому, что тот, в отличие от свободного аэростата, может находиться некоторое время над определённой, нужной точкой земной поверхности. Также с дирижабля можно вести постоянные наблюдения, анализировать работу физического оборудования. Но в конструировании дирижабля был один минус – он мог подниматься только на определённую высоту, которую нужно было задать ещё при его конструировании. Для того чтобы регулировать высоту шара Андрей Васенко предложил прикрепить к нему лебедку, и в этом заключалась новизна его проекта.

В 1930–1932 годах он производит расчёт, постройку и испытание специальных типов аэростатов для той же цели и для

некоторых нужд аэрофотосъёмки. Благодаря этому он сам смог провести работу по исследованию атмосферы. Последним изобретением Андрея Васенко станет стратостат «ОСОАВИХИМ–1», на котором он совершит свой полёт в стратосферу в 1934 году. Но этот полёт станет его последним... Андрей, как и мечтал, исполнит свою заветную мечту – увидеть небо и стратосферу. Его желание исполнится, но сам он трагически погибнет.

В конце 1931 года при Ленинградском областном Осоавихиме (Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству, существовало в 1927–1948 гг.) было создано Бюро воздушной техники, которое сплотило вокруг себя инженерно-технические силы Ленинграда. В это время СССР стремился освоить такую неизведанную оболочку атмосферы, как стратосфера. Овладение стратосферой открывало нашей стране большие возможности по использованию новых самолётов, дирижаблей и стратостатов. Страна в тот момент нуждалась в полётах, в разработке новых технических возможностей для начала освоения космоса. Вся советская наука нашей страны была направлена на развитие военной и технической базы, что определялось политикой И. В. Сталина. СССР стал намного позже других стран изучать стратосферу, но, несмотря на это, добился больших успехов в очень короткий срок. После знаменитого полёта «Пикара», наша страна тоже отправила в стратосферу свой первый стратостат «СССР-1», который достиг высоты 19000 метров. Этот полёт был очень удачным. Одновременно с постройкой стратостата «СССР–1» в Москве был создан и стратостат «Осоавихим–1» под руководством Ленинградской организации. В 1930 году в план работ Бюро воздушной техники по инициативе инженера А. Б. Васенко была включена тема: «высотный стратостат». Тогда ещё слово «стратостат» не получило правового гражданства. Васенко возглавил бригаду по разработке проекта аэростата. Тщательная работа над стратостатом была организована в 1932 году. Исполнение своей мечты – постройку стратостата Андрей Васенко начал с работы в Научно-исследовательском институте аэрофотосъёмки, где он вместе с главным конструктором по аэростратостроению, профессором П. А. Молчановым работал над созданием новых образцов высотных аэростатов. Одновременно в разных уголках Ленинграда прямо по кусочкам создавался стратостат «Осоавихим–1». В строительстве аппарата принимало участие много специалистов, но главным конструктором был избран инженер Андрей Богданович Васенко.

Летом 1930 года по проекту Андрея Васенко в мастерских Павловской аэрологической обсерватории был построен небольшой привязной аэростат, который предназначался для исследования обледенения. В то же время Васенко проводит работу по постройке и подъёму моделей дирижаблей, прежде всего, для того, чтобы определить те участки воздушного корабля, которые наиболее подвергались обледенению, а также для изучения температур. В результате проведенных исследований Васенко определил условия и разработал меры борьбы с обледенением. Над устройством нового стратостата работали многие учёные. В Бюро входили многие известные специалисты: работу возглавил инженер – пилот П. Ф. Федосеенко, начальником работ был инженер Е. Е. Чертовский, конструктором – А. Б. Васенко, руководителем по внутреннему оборудованию Ю. К. Юневич, руководителем по испытаниям – К. С. Кирпичников, руководителем эксплуатационно-технической группы стал Н. С. Дмитриев. «Высотный аэростат» был назван «Осоавихим–1» в честь организации, которая материально обеспечивала его постройку. Строительство стратостата было поручено лучшим инженерам, так как его полёт должен был решить ряд важных научных вопросов: в частности, измерить солнечную радиацию, магнетизм стратосферной оболочки, проверить наличие заряженности воздуха на разных высотах, проверить частоту дыхания и реакцию других органов человеческого тела. И, конечно, стратонавты должны были запечатлеть земную поверхность с высоты.

В конце 1932 года проектирование стратостата было закончено, и в январе 1933 года проект «Осоавихим–1» получил одобрение, а Центральный совет Осоавихима СССР дал разрешение на его постройку. Проект стратостата и его конструкцию рассматривал и утвердил Научно-исследовательский институт Военно-Воздушных сил.

Стратостат «Осоавихим–1» был испытан и изготовлен в «Аэрогеодезия». Вся конструкция «Осоавихима–1» принадлежала к «классическому» типу стратостатов 1930-х годов. Но, в то же время, она была уникальна, например, своей структурой открывания кранов, сбрасывания балласта. Всё это позволяет сделать вывод о высоком конструкторском мастерстве А. Б. Васенко. 30 мая 1933 года постройка стратостата была закончена. На 28 июля 1933 года был назначен тренировочный полёт на воздушном шаре, в котором участвовали А. Б. Васенко, П. Ф. Федосеенко и И. Д. Усыкин. Стояла белая ночь, 23 часа. На Волковом поле поднялся вверх аэростат.

ИМЯ В ИСТОРИИ ГОРОДА

Впервые стратонавты увидели Ленинград, Финский залив, Кронштадт с высоты 3000 метров. И, конечно, этот полет не мог не вызвать у А.Б. Васенко желания вновь подняться в стратосферу. В самом начале испытаний новый стратостат планировали запустить одновременно с другим стратостатом – «СССР–1», но этого не случилось. Предположений учёных, объясняющих эту политику руководства СССР, много. По версии историков воздухоплавания, это был некий политический шаг со стороны Сталина. Ведь два стратостата «СССР–1» и «Осоавиахим–1» противостояли друг другу в борьбе за лучшее техническое оборудование. Стратостат «Осоавиахим–1» изготавливал город Ленинград, а «СССР–1» – Москва. Эта борьба городов (Москвы и Ленинграда) перекликалась и с внутриполитической борьбой между партийными лидерами. В частности, именно в этот исторический период шла борьба между Иосифом Сталиным и Сергеем Кировым.

Стратостат «Осоавиахим–1» не был полностью готов к полёту в стратосферу. Он не прошел все технические испытания, не было части оборудования, поэтому в экстренной ситуации стратонавты не могли выбраться и спастись. Но И.В. Сталин хотел установить новый мировой рекорд, побить ту высоту, которой достиг стратостат «СССР–1». Поэтому «ошибки» в стратостате не волновали руководство СССР. За это три молодых ученых-физика заплатили жизнью.

Стратонавтам предстояло стать первыми, поднявшимися в стратосферу в суровых зимних условиях. У них была очень напряженная научная программа, которая представляла собой изучение работы приборов, находившихся внутри gondoly. Экипаж стратостата состоял из 3-х человек: Павел Фёдорович Федосеенко (командир корабля), Андрей Богданович Васенко и Илья Давыдович Усыскин. Этим людям предстояло совершить невозможное – достичь высоты более 19.000 метров.

Цели полёта стратонавтов:

1. Изучение новых сведений о физическом состоянии воздуха атмосферы;
2. Анализ величины напряжённости магнитного поля Земли;
3. Изучение химического состава воздуха и природы космических лучей.

Накануне полёта стратостата подготовка стратонавтов проходила очень быстро. Полёт стратонавты решили посвятить XVII съезду ВКП(б) и товарищу Сталину. Поэтому полёту стратонавтов

ИМЯ В ИСТОРИИ ГОРОДА

придавали исключительное значение. Экипаж морально был просто не готов к полёту, так как 29 января весь день молодые учёные провели на различных заседаниях.

30 января 1934 года. Кунцево поле. Экипаж одет в зимние утеплённые электрифицированные костюмы. Готовность к полёту проверили. В 9 утра была проведена подготовка стратостата к полёту. Перед полётом А. Б. Васенко сказал такие слова: «Если падение будет очень быстрым, уздечка не выдержит и оборвётся сама, воображаемый парашют у нас получится, но как он будет работать, этот вопрос не исследован». Таким образом, Васенко словно предчувствовал свою гибель.

В 9 часов 4 минуты утра отправился в стратосферу первый в мире зимний стратостат. Через несколько минут начались переговоры с экипажем по радио. Фрагменты радиосообщений:

9.23 – «Прошли 1600 метров».

9.32 – «Высота 6 тысяч метров, в иллюминатор светит Солнце, берём пробы воздуха, настроение бодрое».

9.56 – «Высота 15 тысяч метров внизу сплошная облачность».

10.14 – «Высота 19 тысяч метров. Привет с высоты 19 тысяч метров делегатам 17 съезда ЦК ВКП(б) во главе с товарищем Сталиным. Балласты не израсходовали ни килограмма».

Приветы были также переданы и ленинградскому пролетариату, комсомолу и газетам «Правда» и «Известия».

11.59 – (последняя радиограмма) – «Начинаем идти вниз. Температура в гондоле плюс 20, высота 21.500 метров. Производим изучение космических лучей...»

Тут радиосвязь прервалась. «Сириус» (такой позывной был у экипажа) не вышел больше на связь. В Москве никто не знал о судьбе стратонавтов. Но И. Сталин надеялся, что стратонавты просто достигли слишком большой высоты, об этом было объявлено по радио. Только на следующий день стало известно Москве о гибели стратонавтов. Было выяснено, что они погибли между 15 и 16 часами в Инсарском районе Мордовской области. Около деревни Потиж-Острог упал стратостат «Осоавиахим-1». В гондоле были обнаружены тела трех стратонавтов.

Созданная специальная комиссия пришла к выводу, что стратонавты до последнего момента своей жизни продолжали свои наблюдения, несмотря на то, что их ожидала гибель. Они выполняли ту программу, которую им дали партийное руководство СССР.

Сохранились записи, сделанные Андреем Васенко. Он писал всё, что с ними происходило. Поэтому именно на основе этих

ИМЯ В ИСТОРИИ ГОРОДА

записей экспертная комиссия смогла сделать выводы о гибели трёх стратонавтов. От 1 февраля 1934 года: «На основании найденных и тщательно исследованных материалов, комиссия устанавливает: В 12 час. 33 мин. Стратостат «Осоавиахим-1» ДОСТИГ ПРЕДЕЛЬНОЙ ВЫСОТЫ 22000 МЕТРОВ. На этой высоте стратостат держался до 12 час. 45 мин. после чего пошел на снижение».

В комиссию по расследованию гибели стратонавтов вошли: профессора П. А. Молчанов, инженеры В. А. Семенов, Ю. Т. Прилуцкий, а также З. И. Волович, Г. А. Прокофьев и И. И. Сосновский. Им удалось выяснить, что стратонавты открыли клапан, но нагретый лучами солнца стратостат не торопился идти вниз, и только через три четверти часа начался безостановочный спуск.

Записи Васенко рассказали о последних минутах жизни экипажа:

«14.20 – Идёт спуск, оболочка сжимается.

15.15 – Идём вниз. Настроение бодрое, альтиметр 17400. Скорость спуска нарастает, но ещё не вызывает опасения.

15.28 – Альтиметр 17000. Связи по радио нет. Продолжаем наблюдение за космическими лучами.

15.40 – чувствуем себя бодро. Альтиметр 14300.»

Последняя запись: «Альтиметр 12000. Время 16 ч. 13,5 м».

Ученые называют разные причины гибели стратонавтов. На высоте 22000 метров солнце находится у горизонта. Нагрев оболочки, таким образом, уменьшается, происходит нарастание скорости падения. Нужно «скинуть» 800 кг балласта, но его было всего 420 кг. И его невозможно выбросить наружу. Стратонавты могли бы использовать парашют, но это не было предусмотрено конструкцией, также как и выбраться через люк. Всё закрыто и закупорено. Стратонавты просто не были готовы к эвакуации. На высоте 2000 метров лопнули стропы, и гондола не смогла выдерживать такой огромной нагрузки. Произошло отделение гондолы от оболочки. Вследствие чего произошло ускорение падения стратостата.

Стратонавтов похоронили с почестями. Урны с их прахом замуровали в Кремлёвской стене, потом ниши закрыли гранитными досками с их именами. Похороны стратонавтов состоялись 2 февраля 1934 года. А 1 февраля за высокое мужество и самоотверженность в деле освоения стратосферы П. Федосеевко, И.Д. Усыскин и А.Б. Васенко посмертно были награждены орденом Ленина – высшей наградой СССР того времени.

Использованная литература и источники:

1. Причиной гибели послужило стремление поставить мировой сверхрекорд : документы о катастрофе стратостата «Осоавиахим–1» // Документы русской истории. – 1997. – № 2.
2. Военно-космической академии имени А. Ф. Можайского – 300 лет. Наследники петровских викторий // Рос. космос. – 2012. – № 1.
3. Гибель «Воздушного Титаника». Стратонавты : документальный фильм телеканала РТР. – 2010. – 26 окт.
4. Доклад комиссии по расследованию причин катастрофы стратостата «Осоавиахим–1». Сов. секретно. 5 февр. 1934 г. Экз. № 1 народному комиссару по военным и морским делам тов. Ворошилову.
5. Дружинин Ю. О., Соболев Д. А. Полёты в стратосферу в СССР в 1930-е гг. // Вопр. истории естествознания и техники. – 2006. – № 4.
6. Кирпичников К. С. Советский стратостат ОАХ–1. – М., 1933.
7. Королев С. К завоеванию стратосферы // Техн. книга. – 1937. – № 6.
8. Любимский Л. Приказ покинуть Землю. 75 лет подвигу трёх стратонавтов // С.-Петерб. ведомости. – 2009. – № 16 (30 янв.).
9. Молчанов П. А. Полеты в стратосферу. – М. ; Л. : ОНТИ НКТП, 1935.
10. Мощеникова М.А. А.Б. Васенко: жизнь, творчество, судьба : историко-литературный музей г. Пушкина. НСФ–295, 1999 // Страница Кирилла Финкельштейна. – URL: http://kfinkelshteyn.narod.ru/Tzarskoye_Selo/Uch_zav/Nik_Gimn/NGU_Vasenko_Sudba (дата обращения: 03.02.2012).
11. Сытин В. А. Стратосферный фронт. Как и зачем изучают и завоёвывают стратосферу. – М. ; Л., 1936.
12. Финкельштейн К. И. Императорская Николаевская царскосельская гимназия. Ученики. – СПб. : Серебряный век, 2009.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Программа I Региональной олимпиады по краеведению школьников Санкт-Петербурга 2012 г.

1 Секция по Петербургским адресам

Руководитель секции: Кирилл Борисович Назаренко — д.и.н., доцент СПбГУ, преподаватель Аничкова лицея ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ», председатель Оргкомитета олимпиады

Члены жюри: Светлана Дмитриевна Мангутова — к.п.н., зав. Научной библиотекой Русского географического общества; Мария Александровна Перевалова — краевед, преподаватель лицея 572 Невского района

Винниченко Екатерина, 9 класс, 106 школа, Приморский район
«Родная улица моя...» (Познавательная прогулка по Сердобольской улице)

Гедрис Елизавета, 9 класс, Брюсовская гимназия 192, Калининский район

История дома 12 на Свердловской набережной

Гезалова Амалия, 9 класс, 505 гимназия, Красносельский район
Усадьба А. Б. Куракина на Петергофской дороге

Гусева Александра, 11 класс, 349 школа, Юношеский Университет Петербурга
Воскресенская, Тихвинская, улица Михайлова — в истории Петербурга

Демидова Мария, 9 класс, 587 гимназия, Фрунзенский район
Прикасаясь к истории места

Сторожевых Артем, 9 класс, 82 лицей, Петроградский район
Дом, построенный на камне (история места, на котором стоит здание лицея)

Шиловская Ксения, 9 класс, 255 школа, клуб «Петрополь»
ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ»

Инженер-архитектор А. Г. Джорогов — творчество и судьба на фоне исторических событий первой трети XX века

2 Секция Многоликий Петербург

Руководитель секции: Ирина Михайловна Сергеева — председатель Совета общественного объединения «Институт Петербурга»

ПРИЛОЖЕНИЕ

Члены жюри: **Ирэн Александровна Мартыненко** – старший консультант петербургского городского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры; **Анна Евгеньевна Ладыжникова** – методист Центра предметных олимпиад, педагог клуба «Петрополь» ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ».

Ильин Федор, 8 класс, Вторая СПб гимназия, Юношеский Университет Петербурга ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ»

Адреса жизни и деятельности лейб-медика Е. С. Боткина в СПб и ЛО

Пантелеева Валерия, 9 класс, 213 школа, Фрунзенский район
Невский проспект вчера и сегодня

Розмыслова Виктория, 10 класс, 111 школа, Калининский район
«Чайковский – образ гения»

Рогаткин Арсений 10 класс, ДТДиМ, Колпинский район
Броневое производство Ижорского завода(1866–1917)

Правдивый Дмитрий, 11 класс, 111 школа, Калининский район
Маковские: загадка одного портрета

Ситникова Тамара, 9 класс, 416 школа «Школа развития личности имени В. В. Павловой», Петродворцовый район

«Своими старыми друзьями я очень-очень дорожу...»
(Биография и творчество поэта П.Г. Кортылева)

Столбова Екатерина, 10 класс, 160 школа, клуб «Петрополь»
ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ»

От Франсуа к Арману. История консервной династии
Азиберов

Фашевская Екатерина, 11 класс, 421 школа, Юношеский
Университет Петербурга ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ»

Органы и организмы Петербурга 19 – начала 20 века

3 Секция

Петербургская биографика

Руководитель секции: **Никита Владимирович Благово** – вице-президент Русского генеалогического общества, руководитель музея «История школы К. Мая»

Члены жюри: **Татьяна Геннадьевна Смирнова** – зав. сектором краеведения отдела гуманитарных программ и детских социальных инициатив ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ»; **Татьяна Викторовна Солошенко** – руководитель клуба «Петрополь» ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ».

Гончаренко Полина, 10 класс, 111 школа, Калининский район
Отцы и деды

ПРИЛОЖЕНИЕ

Казакова Ольга, 9 класс, 26 школа, Юношеский Университет
Петербурга ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ»

«Блажен, кто предков с чистым сердцем чтит...» Ожившие
страницы далекого прошлого моего рода. Бетлинги Мусс

Остромецкая Вера, 10 кл., 57 школа, Юношеский Университет
Петербурга ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ»

Из прошлых веков в будущее растут ветви

Петрова Наталия, 9 класс, 408 лицей, Пушкинский район

Мы любим и чтим, гордимся и помним...(история моей семьи,
мамина линия)

Сербина Александра, 10 класс, Аничков лицей, Юношеский
Университет Петербурга ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ»

«Жизнь Родине, честь никому» (Род
Травиных–Вишневыских–Закликовских)

Чертилина Диана, 11 класс, 612 школа, клуб «Петрополь»
ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ»

Александр Барышников: петербургские страницы биографии

Чиж Екатерина, 9 класс, 524 гимназия, Московский район

Хроники семейного архива

Хлудова Анастасия, 9 класс, 98 школа, Калининский район,
Юношеский Университет Петербурга ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ»

Мои родные в истории России 20 века

Щеглова Инга, 10 класс, 111 школа, Калининский район

Отражение и предвосхищение: судьба рода Гессе в фамильном
гербе (по страницам моей родословной)

4 Секция

Ленинград. Война. Блокада

Руководитель секции: Юрий Иванович Колосов —
действительный член Академии военно-исторических наук,
президент Ассоциации исследователей блокады и битвы за
Ленинград в годы Второй мировой войны

Члены жюри секции: Александр Владиславович Кутузов —
д.и.н., доцент кафедры истории Российской Правовой
академии Министерства юстиции (Северо-Западный филиал),
действительный член Академии военно-исторических наук;

Илья Владимирович Ваганов — старший преподаватель кафедры
Отечественной истории СПб ГМУ им. академика И.П. Павлова

Авдонина Анастасия, 9 класс, 56 гимназия, Петроградский район

«Листая старую тетрадь...» (судьба красивой женщины Нины
Вороновой, пережившей блокаду Ленинграда)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Блохина Марина, 11 класс, 104 школа, Выборгский район

Детство, опаленное войной

Гайнетдинова Гульшат, 11 класс, 571 школа, ПДДТ, Невский район

Роль татарского и башкирского народов в обороне Ленинграда

Грамотнева Евгения, 11 класс. 467 школа, Колпинский район

Солдаты Победы

Жданова Софья, 10 класс, школа-интернат 2, Адмиралтейский район

Детство, опаленное войной

Паршина Любовь, ДТДиМ, Колпинский район

Твоему подвигу, Колпино!

Саганенко Виктор, 11 класс, 238 школа, Адмиралтейский район

Полет АНТ–20 «Максим Горький» над Ленинградом:
отражение реальности или фантазия художника?

Хозяинов Вячеслав, 11 класс, 569 школа, ПДДТ, Невский район

Плакат – оружие Победы. Творческое объединение «Боевой
карандаш» 1941–1945 гг.)

Хренова Светлана, 10 класс, 263 школа, Адмиралтейский район

Киноленты блокадного Ленинграда

5 Секция

Образование и благотворительность

Руководитель секции: Кирилл Александрович Страхов –
председатель районной организации ВОО ПИК Калининского
района, депутат муниципального совета «Финляндский округ»

Члены жюри секции: Лидия Анатольевна Алексева –
заведующий библиотекой ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ»; **Сергей
Евгеньевич Глезеров** – журналист, автор книг о Петербурге

Дребезова Юлия, 10 класс, «Школа здоровья и
индивидуального развития»

Грот Константин Карлович (основатель и создатель системы
попечения над слепыми в России)

Забелина Елена, 8 класс, 112 школа

Из истории школы 112 (1935–1945 гг.)

Изотова Анеля, 10 класс, 529 школа, Петродворцовый район

«Счастлив дом, где голос скрипки наставляет нас на путь...»

Кондратьев Михаил, 9 класс, школа-интернат 1 им. К. К.
Грота, клуб «Петрополь» ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ»

История Бесплатной музыкальной школы и ее петербургские
адреса

Лыкова Мария, 8 класс, 406 гимназия, Пушкинский район

ПРИЛОЖЕНИЕ

«Чтение — вот лучшее учение...»

Пузатых Варвара, 9 класс, 641 школа, ДДЮТ,
Красногвардейский район

Сенатор и общественный деятель М. Е. Ковалевский

Разгоняева Екатерина, 8 класс, 138 школа, Калининский район
Материалы к биографии петербургского мецената купца 1-й
гильдии А. И. Тименкова

Черноус Михаил, 9 класс, 369 лицей

Северо-Западный государственный университет им. И. И.
Мечникова: история и перспективы развития

6 Секция

Имя в истории города

Руководитель секции: Владимир Ильич Аксельрод — к.п.н.,
декан Юношеского Университета Петербурга, методист ГБОУ
ЦО «СПб ГДТЮ»

Члены жюри: Николай Валерьевич Штыков — к.и.н.,
доцент кафедры архивоведения СПбГУ; **Мария Сергеевна
Назарова** — аспирант кафедры западноевропейского искусства
Академического института живописи, скульптуры и архитектуры
им. И. Е. Репина.

Авагян Рузанна, 10 класс, 192 гимназия, «Брюсовская
гимназия», Калининский район

Жизнь и творчество А. Барутчева

Донковский Артем, 10 класс, 664 гимназия-интернат,
Красногвардейский район

С Франсиско Мирандо по России и Петербургу

Казакова Ксения 10 класс, 238 школа, Адмиралтейский район

Военный фотокорреспондент Е.Ф. Эварт

Кондратенко Мария, 9 класс, 534 школа, Выборгский район

Герой России Тимур Сиразетдинов

Новиков Кирилл, 10 класс, 53 школа, Приморский район

Адмирал Пантелеев. Становление

Петрова Виктория, 10 класс, 233 школа, ДДЮТ,
Красногвардейский район

Друг Пушкина — поэт, драматург, критик Е. Ф. Розен

Скворцов Артем, 8 класс, 406 гимназия, Пушкинский район

«Героическая судьба...» (Арнольди И. К.)

Шувалова Анастасия, 11 класс, 218 школа, клуб «Петрополь»
ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ»

«Икар из Царского Села» (жизнь изобретателя А. Б. Васенко)

7 Секция
Многоликий Петербург 2

Руководитель секции: Любовь Константиновна Ермолаева
— к.и.н., доцент кафедры культурологического образования СПб АППО

Члены жюри секции: Елена Павловна Стальмак — зам. директора ТКК, педагог клуба “Петрополь” ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ»; **Алексей Дмитриевич Ерофеев** — краевед, журналист, член городской топонимической комиссии

Афонина Анна, 10 класс, 261 гимназия, Кировский район

Особняк военного министра Д. А. Милютина

Бараева Дарья, 9 класс, 606 школа, Пушкинский район

Матвей Матвеевич Калаушин (первый директор Всесоюзного музея А. С. Пушкина)

Бернадская Варвара, 10 класс, 450 школа, Курортный район

Наш прадед — герой!

Воробьева Александра, 10 класс, 530 школа, Пушкинский район

Живем мы памятью лица (С. С. Бехтеев, С. С. Аксаков)

Егорова Дарья, 11 класс, 106 школа, Приморский район

Из «биографии» почтовой карточки

Синькова Виктория, 9 класс, 500 школа, Пушкинский район

История Пулковской обсерватории в судьбе Т. В. Крат

Шашкова Анастасия, 11 класс, 183 школа, Юношеский Университет петербурга ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ»

«Лицейскими были и будем!» В. А. Шильдер — последний директор лицея

Щукина Екатерина, 10 класс, 74 гимназия, Выборгский район

Дом, в котором собирались эстонцы

Янкова Дарья, 10 класс, 74 гимназия, Выборгский район

Финский след в Лесном

Фрагменты докладов учащихся Санкт-Петербурга
на I региональной краеведческой олимпиаде (9–11 классы) 2012 года

Выпуск 21

**НАСЛЕДНИКИ
ВЕЛИКОГО ГОРОДА**

Подписано к печати 6.12.2013. Формат бумаги $84 \times 108 \frac{1}{32}$

Бумага офсетная №1. Печать офсетная.

Объем 9,4 уч. изд. л. Тираж 500 экз. Заказ № 2374

ТИРАЖИ.RU — цифровая типография